

בולטין

מוסף עברי

בטאון איגוד יוצאי סין

www.jewsofchina.org

דצמבר 2016 ♦ גליון מס' 415 ♦ שנה 63 ♦ כסלו - תשע"ז

חנוכה שמח!

נרות חנוכה במשרד החדש

טיול בצפת 27.6.2016

מר ראובן שדה מנהל הגלריה העירונית מגיש שי לשגריר סין

ראש העיר מר אילן שוחט מקבל מזכרת משגריר סין
מר ציאן יון סין

שגריר סין וראש העיר ברחובות צפת

משתתפי המכגש ברחובות צפת

ספר הקבלה לשגריר סין, ממנהל מרכז הקבלה מר אריאל ריף

מבקרים במרכז הקבלה

עיצוב והפקה: פרופיל עיצוב הפקה והוצאה לאור בע"מ
רבניצקי 6 בית שהם א.ת. סגולה פתח תקווה
טל': 03-9045050, פקס: 03-9305063

www.jewsofchina.org

אגוד יוצאי סין - רח' הברזל 31
ת.ד. 13139, תל-אביב 6113101
טל': 03-5171997, פקס: 03-5161631

igud-sin@013.net

תוכן העניינים

איגוד יוצאי סין

נוסד ב-1951

רחוב הברזל 31

ת.ד. 13139, תל אביב 6113101

e-mail: igud-sin@013.net

טל. 03-5171997

פקס. 03-5161631

עורך ראשי: יוסי קליין

חברי המערכת:

יהודית סנדל ואינה בקשייב

מטרות ה"בולטין"

בהוציאם לאור את ה"בולטין", איגוד יוצאי סין בישראל שואף לענות על הצרכים שלהלן:

1. לעודד את תחושת השותפות בין תושבי הקהילה היהודית לשעבר של סין.

2. לקיים ערוץ של קשר בין יוצאי סין בישראל ובגולה.

3. לסייע באיסוף, שימור והוצאה-לאור של מסמכים היסטוריים העוסקים בחיי אותה קהילה.

4. לסייע לאיגוד יוצאי סין במילוי מטרותיו, במיוחד אלה שעוסקים בסיוע סוציאלי ובמלגות חינוכיות לבני דור ההמשך של יוצאי סין בישראל.

איגוד יוצאי סין

רחוב הברזל 31

ת.ד. 13139, תל אביב 6113101

Kindly note our address:

Igud Yotzei Sin

Habarzel Street, P.O.B. 13139

Tel Aviv 6113101 Israel

3

4

10

11

13

14

15

19

20

21

22

קוראים יקרים

יהדות חרבין אשר בליבי

באגוד יוצאי סין ואגודת ידידות ישראל-סין

יהודים בסין בעידן המודרני

קבלת פנים בבית שגריר סין

אבי פדולסקי- סיפור חיי

סין וישראל מאיבה לקרבה

לזכרה של סטלה יודוביץ

שוב אומרים שלום לכנורות

סגנית ראש העיר חרבין באגוד

לכבוד ת.ד. 13139 תל-אביב

קוראים יקרים,

הזמן עובר מהר ואנו כבר סוגרים את השנה הראשונה במשכננו החדש ברחוב הברזל - מרכז ההייטק התל-אביבי.

עד המעבר הזה עברנו תקופה של קשיים פיננסיים בה כל הוצאה נשקלה בכובד ראש ונבדקה כמה וכמה פעמים.

הוצאנו גיליון בולטין אחד בלבד בשנה, חסכנו בכמות וסכום המלגות ולפעמים אפילו נאלצנו לחסוך בסכום הקצבה החודשית לזקוקים לה.

השנה. לאחר מכירת המשרד בגרונברג, חזרנו לפעילות הרגילה ועכשיו לפניכם גיליון בולטין השני שיוצא לאור השנה. החלטנו הפעם להוציאו לקראת חנוכה - תאריך המפגש השנתי של קהילת יוצאי סין שבו יחולקו, כנהוג כל שנה המלגות לדור הסטודנטים הנוכחי - דור חמישי של צאצאי יוצאי סין.

את השנה הקרובה אנחנו נשתדל להקדיש לקירוב הדורות הצעירים לסיפור הקהילות היהודיות בסין

נראה לי מניסיון אישי ושיחות עם הדור הצעיר שלנו שרובם לא מודעים להיסטוריה של קהילות סין וזה עקב הגישה המוטעית של דור ההורים שלנו שלא שיתפו את הדור הצעיר בסיפור האישי שלהם בפרט וסיפור ההתיישבות היהודית בסין בכלל.

זהו סיפור מרתק וחשוב מאד שיעבור מדור לדור ואני רואה בזה את עיקר הפקידו הנוכחי של אגוד יוצאי סין.

בעזרת ה"בולטין", אתר האינטרנט והרצאות ומפגשים אנחנו נשתדל ולהביא לידיעת הדורות הנוכחיים של יוצאי סין את סיפור הקהילות שלנו.

אחת המטרות לפתיחת האתר שלנו בעברית שנעשה לפני מספר שנים הייתה לקרב את הדור הצעיר ביותר שכותב את ספרי השורשים בגיל בר מצוה, לסיפור יהודי סין.

אם למישהו מהקוראים יש סיפור אישי/משפחתי מעניין וחשוב נשמח אם תשלחו אותו אלינו (בעברית, רוסית או אנגלית) על מנת לשקול פרסומו בבולטין ו/או באתר.

חג חנוכה שמח,

יוסי קליין

יושב ראש

יהדות חרבין אשר בלבי

(המשך מגיליון 414)

תוך מגפיו. כשיצא ענד את הדרגות שהסיר קודם ואז ראינו שהוא קצין. הקצין הצעיר סיפר לנו שאבא היה בגרודקווא, אותו מחנה אסירים בעיר הגבול שבין מנצ'וריה לרוסיה, המחנה הראשון הנמצא על אדמת ברית המועצות. בגרודקווא ישנו בית סוהר גדול המשמש כמחנה מעבר, וממנו נשלחים האסירים למחנות כפייה. התנאים בכלא היו תת-אנושיים. אבא היה גבר נמוך קומה, החורף כבר ממשמש ובא, והוא היה ללא ביגוד מתאים. פרצה מגפה קשה של טיפוס, בגלל המים המזוהמים, התנאים הסניטריים הירודים, חמישים או שישים אסירים שהצטופפו בתא קטן, ובגלל כל הסיבות האלה גם יחד. הצוות הרפואי מנה פלדשירים ולא היה ביניהם רופא מקצועי אחד. רבים חלו ומתו. נודע במחנה שאבא מומחה למחלות נגיפיות, ובמיוחד לטיפוס האסייתי, והוא הוצא מהתא והחל לטפל בחולים.

"אבא שלך דרש לקבל תרופות וכך הציל הרבה אנשים. ואני ביניהם. יהיה לו טוב", אמר לנו פֶּטִיָה. "מה זאת אומרת טוב?" שאלנו, "הרי הוא יישלח למחנה". "כן, אבל הוא יישאר בחיים", ענה החייל. ואכן במחנות אלה, פרוסת לחם נוספת, כוס מים חמים, עבודה בתוך המרפאה ולא במכרה בחוץ - כל אלה קבעו את סיכויי הישרדותו של האסיר. לאחר שאבא הציל אותו, אמר לו פֶּטִיָה: "אני חייב לך טובה, רק תבקש". ואבא ביקש ממנו למסור למשפחה בחרבין שהוא חי וקיים. פֶּטִיָה בא אלינו שלוש פעמים נוספות הודות לכן ששירת ביחידה של ה-נ.ק.וו.ד. שליוותה אסירים שהועברו מחרבין לגרודקווא. בכל פעם שהגיע הביא פתק מאבא. הוא לא ביקש דבר חוץ משעון יד בשביל אחותו שקניתי לו כמובטח. כאשר תם הכיבוש הסובייטי בסין, נותק כמובן הקשר שלנו עם אבא. כל הבקשות והפטיציות שהגשנו לא נענו ולא ידענו מה עלה בגורלו. שנים רבות אחר כך, בשנת 1961, נפגשנו שוב בארץ. (סיפור הישרדותו של אבא מובא בקיצור בפרק שלפני האחרון "נר זיכרון להורי").

סיפורה של אולגה ארקוס

אולגה ארקוס הייתה אישה יהודייה אמידה, שימשה כיושבת ראש של ויצ"ו בחרבין. הייתה לה מעבדה לייצור בשמים וכן בית מרקחת. היא הייתה אישה בודדה, בתה היחידה התגוררה בצ'נְדָאן. הגברת ארקוס התגוררה בבית אנטיפס, אחד הבתים המפוארים בחרבין, הקיים עד היום. באותו בית התגורר עם משפחתו גם אדון קול, מנהל בית הספר הגרמני "הינדנבורג שולֶה". הוא כמובן נעצר מיד על ידי השלטונות הסובייטיים ומשפחתו סולקה מהדירה. במקומם נכנס להתגורר בה קולונל מהצבא האדום. דירתו הייתה סמוכה לזו של גברת אולגה ארקוס. הם התיידדו, גברת ארקוס נהגה לארח ולכבד את הקצין, את סגנו ואף את משפחתו. חייל בשם שסקה, שהתגורר שם. הם התנהגו כלפיה באדיבות ובנימוס. בוקר אחד נכנס הקצין לדירתה של הגברת ארקוס ושאל: "מה את עושה היום? אל תלכי, כדאי לך להישאר בבית". יעץ לה. כעבור זמן נכנסו חיילים לדירתה, רוקנו את כל תכולת הדירה למשאית ולקחו גם אותה עמם. היא נלקחה למעצר ומשם ברכבת לבית הסוהר בגרודקווא. שם הוכנסה הגברת ארקוס למחסן ובו כארבעים גברים סיניים

הסיפור האישי שלי - מאסרו של אבי

לעולם לא אשכח את יום הכיפורים תש"ו, ספטמבר 1945. כזכור, נעצר אבי כבר ב-21 באוגוסט. זמן מה היה בבית הסוהר המרכזי בחרבין בקומרצ'סקיה אוליצה. ביום כיפור, בהיותי בבית הכנסת, הגיעו אנשים ואמרו שמעבירים את העצורים במשאיות אל מחוץ לחרבין. רצתי לרחוב הראשי וראיתי את אבא מועבר עם אסירים נוספים למשאית פתוחה של הצבא האדום. שמרו עליהם אנשי ה-נ.ק.וו.ד.

נפגשנו לשלום זה לזה, ולא ידענו שיחלפו עוד שנים רבות עד שנתראה שוב.

אבא היה איש חזק ולא נשבר, על כך יש עדויות רבות מאנשים שהיו אתו במחנות הכפייה ברוסיה. הוא היה אז גבר כבן שישים שנעצר ללא סיבה, כמו רבים אחרים, אך רוחו הייתה איתנה. בסוף ספטמבר הגיע בחור רוסי שהיה מביא לנו חלב ומוצריו וסיפר שמעבירים את העצורים ל"סטארי חרבין". יש שם קרונות רכבת מלאים אסירים, אמר. נסעתי מיד ל"סטארי חרבין". היו שם המון קרונות, שלושים או ארבעים. החום היה כבד. כל הקרונות פתוחים והאנשים עומדים בפתח. התחלתי לחפש את אבא אך לא מצאתי אותו. ראיתי את האחים סקידלסקי, כמתואר בהמשך, אך את אבא לא ראיתי. בבית נותרנו אמי החורגת, אחי הצעיר, דוד, ואני. לילה אחד, כארבעה חודשים לאחר מעצרו של אבא, היה חשוך, לא היה חשמל, והשתמשנו בנרות ובפיתילות וגם הם היו במשורה. לפתע שמענו צלצול בדלת. גרנו בקומה ראשונה במרכז העיר, וצלצול כזה אפילו באור יום היה מפחיד. מבחוץ אמר מישהו: "תפתחו את הדלת!" "מי אתה?" שאלנו. "אל תפחדו, יש לי משהו בשבילכם". פחדנו מאוד אך פתחנו את הדלת. חייל צעיר מהצבא האדום נכנס פנימה. "מי נמצא בבית?" הוא שאל. "רק אנחנו", ענינו לו. הוא בדק את כל הדירה, הסיט את הווילונות, התיישב ואמר: "הבאתי לכם דרישת שלום מאבא". לא היה לנו מושג לאן הועבר והאם הוא חי בכלל. לא האמנו לו, אך הזמנו אותו לאכול ולשתות, והרוסים יודעים לשתות. שמו היה פֶּטִיָה. הוא השתייך לארמיה של המזרח הרחוק ולא השתתף בקרבות. הוא נולד בקולחוז קטן בסיביר, שרק לאחרונה חובר לרשת החשמל. סיפר על משפחתו ועל אחותו שרוצה להתחתן אך אין דנדיה. רצה להשיג שעון יד כדי לתת לאחותו ואולי לסייע לה בכך למצוא שידוך. הבטחתי למצוא לו שעון. משנתאחרה השעה, ואחרי כמה בקבוקי וודקה, הוא כבר קרא לי פֶּטִיָה, "אנחנו כמו אחים", אמר, וחלץ את מגפיו. בתוך המגפיים היה פתק קטנטן בגודל של קופסת סיגריות כתוב בעיפרון בכתב ידו של אבא ללא כותרת וללא מען: "אני בריא ושלם, מוסר לכם דרישת שלום, כך נוכל לתת זה לזה סימן חיים". היה ברור שהוא יכיר את כתב ידו וכתבנו לו בתשובה רק מילים אחדות. את הפתק שקיבלנו שרפנו, ואת הפתק החדש לאבא החזיר החייל אל

המאהבות שלהם. בחצר התגוררו המשרתים. הבית היה מרוהט בריהוט איטלקי, על הקירות היו תלויות תמונות של ציירים מפורסמים, מכונית מפוארת חנתה בחניה, ובמרתף הבית היה אוסף יינות בני מאה שנה. הבית בחרבין היה קצה קצהו של רכוש הרב. אחת בשנה, כשהיינו באים לבקש מהאחים סקידלסקי את התקציב השנתי לתנועת הנוער מכבי, התאפשרה לנו הצצה אל תוך עולם הפאר וההדר. פעם אחת אף ביקשנו רשות לראות את כל חלקי הבית, ומנהל האחזקה לקח אותנו לסיוור מודרך. ביתם של האחים סקידלסקי. נבנה בשנת 1914 ונראה גם היום מטופח, שמור ומרשים.

בספטמבר 1945, כשחיפשתי את אבי בין האסירים שנדחסו אל תוך הקרונות ולא מצאתיו, ראיתי את סלומון וסמיון סקידלסקי. שניהם עמדו בפתח הקרון.

אנשים התאספו מסביב לקרונות ונשים רוסיות ניסו לזרוק לעצורים לחם. בקהל היו מעט גברים, אולי עוד עשרה, כל השאר היו נשים. אני הייתי היהודי היחיד. פתאום הגיע סמל גרוזיני ואמר: "אם לא תסתלקו אנחנו נסגור את הדלתות והם ייתקו שם". אחר כך הוסיף: "כלל, מה עושים פה גברים? עוד מעט נכניס גם אותם פנימה".

זזנו קצת אחורה, ואני ניסיתי בתנועות ידיים לדבר עם האחים סקידלסקי. לעולם לא אשכח את סלומון ואת סמיון סקידלסקי עומדים שם בפתח הקרון. תמונה זו נשארה חקוקה בזיכרוני כל חיי. שוב החלו הנשים לזרוק לחם והחיילים סגרו את הדלתות. הקהל נסוג לאחור. כשראו השומרים שהקהל נסוג הם שבו ופתחו את הדלתות. שוב חזר הקהל קדימה ואז התחילו השומרים לירות באוויר. שני האחים למשפחת סקידלסקי נאסרו ואיש לא ידע מה עלה בגורלם. האחינית שלהם, שאני מצוי בקשר איתה, גרה בארה"ב והיא אזרחית אמריקנית. היא נסעה למוסקבה ודרשה מהשלטונות לבטל את פסק הדין. אז נודע שאחד האחים מת בדרך ברכבת, והשני נפטר במחנה כפייה.

לאחר שנעצרו האחים סקידלסקי, שדדו חיילי הצבא האדום במשך שבוע ימים את ביתם. נראה היה כאילו נפלה פצצה והחריבה את הבית. לא נשאר בו דבר. כל המזון והיינות שהיו במחסנים נשדדו, רצפת הפרקט נעקרה ממקומה, הדלתות והחלונות נתלשו מציריהם, התמונות, הרהיטים - הכול נבזז ונשלח לרוסיה. המוני אנשים באו לראות את חורבנו של הבית הזה.

משה, אחיהם הבכור של סלומון וסמיון סקידלסקי, היה שכן שלנו והיינו מיוחדים. שלא כשני אֶחָיו, משה סקידלסקי נשאר ומת בחרבין. (בתו עלתה לארץ בשנות השלושים, נישאה לעקיבא פרסיץ, לימים מנכ"ל משרד ראש הממשלה הראשון.)

ב-30 באפריל 1946 יצא הצבא האדום ממנצ'וריה וכעבור שעות אחדות נכנסה הארמייה השמינית המהוללת של מאו-צה-טונג. צבא ללא נעליים, מצויד ברובים מיושנים משנת 1905, חיילים לבושים מדים מרופטים, אבל אידיאליסטים ובעלי משמעת פנימית אדירה. הם לא שדדו, לא הרגו ולא פגעו באוכלוסייה. הם אמנם העמידו לדן את מתנגדי המשטר, והוציאו אותם להורג, אך לא פגעו באזרחים תמימים. היה זה צבא שונה לחלוטין מהצבא האדום. חיילים רעבים ובלויים אשר שמרו על הסדר ושמרו על צלם אנוש.

והיא אישה יהודייה בודדה. את הסיפור הזה היא סיפרה לי בעצמה. יום בהיר אחד התחילו לנקות את המחסן והיא הבינה שמגיעה משלחת רמת דרג לביקור. נפתחה הדלת ונכנסו פנימה קצינים בכירים של הצבא האדום. גברת ארקוס החלה לצעוק: "אני פה אישה רוסיה יחידה בין ארבעים גברים סיניים, איך אתם עושים דבר כזה?!" מיד הוציאו אותה, חקרו אותה ולאחר מכן היא שוחררה וקיבלה תעודת מעבר. הגברת ארקוס חזרה לחרבין בקרון של רכבת משא. עם הגיעה עשתה דרכה בלילה לבית משפחת צוקרמן (בעלי בית החרושת לשוקולד). אחר כך חזרה להתגורר אצל משפחת קרליק באותו בית אנטיפס שהתגוררה בו קודם לכן. רבים הזהירו אותה שלא לגור שם והציעו לה לעבור למקום אחר, אולם היא לא שעתה לדבריהם ולא שמה לב לאזהרות.

אולגה ארקוס סיפרה לי, שבזמן ששהתה בבית הסוהר בגרודֶקוֹוה, עוד לפני שהכניסו אותה למחסן, היא חלתה. חיפשו בסביבה רופאים וכך היא פגשה את אבי שהיה עצור שם עם רופאים אחדים. הוא ניגש אליה, בדק אותה, אפשר שהצליח להעביר אליה אספירין וקצת מים חמים ואמר לה: "אל תגידי מילה, את לא מכירה אותי..." לאחר שחרורה היא סיפרה לנו על המפגש עם אבא, זה היה בבחינת עדות נוספת על מצבו ועל מקום הימצאו.

בעת מעצרה השתלטו הסובייטים על ביתה של הגברת ארקוס וכן על בית המרקחת שלה. יהודי בשם שוסטר, סובייטי ותיק ומוכר, מונה לאפוטרופוס על נכסיה. עם חזרתה פנתה הגברת ארקוס לקונסוליה הסובייטית בטענה שאירע כאן שוד והיא למעשה לא הואשמה בדבר, ומעולם לא נחקרה. היא ביקרה בביתנו ואמרה לנו בלהט: "אני לא עוזבת את העניין, אכתוב מכתבים, אגיע עד סטאלין". ואכן היא שלחה מכתבים לקונסוליה הסובייטית, לתביעה הצבאית ולשלטונות במוסקבה.

יום אחד, היא הוזמנה לחקירה אצל התובע הצבאי הכללי, יהודי בשם גינצבורג בדרגת קולונל, שהגיע במיוחד לחרבין. הוא שאל: "מה את תובעת?" "אני תובעת את הדירה ופיצוי על הנזקים שנגרמו לי. זה היה סתם שוד ולא מעצר חוקי של הצבא האדום!" אמרה לו. (יש לציין שבית המרקחת הוחזר לה על ידי הקונסוליה הסובייטית.)

"אל תדאגי, אנחנו נטפל בזה", הבטיח התובע ונסע חזרה למוסקבה. בינתיים, נצטווה הצבא האדום לצאת ממנצ'וריה. הפינוי בוצע ביום האחרון של אפריל 1946, או יום לפני האחרון. לפתע הגיע סשקה, משרתו של הקולונל, לביתה של הגברת ארקוס. הוא מצא אותה ללא כל קושי מפני שחזרה כאמור להתגורר באותו בית אנטיפס שהתגוררה בו קודם, כדיירת משנה אצל משפחת קרליק. סשקה עצר את הגברת ארקוס והוליך אותה אל תחנת הרכבת דרך הרחובות המרכזיים בחרבין, אנשים רבים היו עדים לכן. הוא הכניס אותה לרכבת צבאית שהועמסה בצידו רב שנלקח מחרבין. הצבא האדום עזב את חרבין והגברת אולגה ארקוס נעלמה עמו. זמן קצר אחר כך, הגיע דיווח על גופת אישה שנמצאה סמוך למסילת הברזל. שורה דובסון, שהתגורר בחרבין ועבד בהנהלת מסילת הברזל, נסע לזהות את הגופה. הייתה זו גופתה של הגברת ארקוס. הם שיספו את גרונה והשליכו את גופתה מהרכבת.

הקהילה היהודית הייתה בהלם. אמנם היה זה אחד המקרים הקיצוניים והאכזריים ביותר, אך היו עוד אירועים מזעזעים בתקופת שהותו של הצבא האדום במנצ'וריה.

סיפור של משפחת סקידלסקי

כל מי שהכיר את חרבין ידע שמשפחת סקידלסקי, בעלת מכרות הפחם, הייתה עשירה בסדר בדומה למשפחת רוקפלר. בבולשוי פרוספקט, ברחוב הראשי בחרבין, הייתה להם אחוזה ענקית. בקומה הראשונה התגורר סלומון, האח הבכור, ובשנייה סמיון, האח הצעיר, שניהם גרושים. גרושותיהם וילדיהם התגוררו בלונדון, ויפהפיות רוסיות היו

באוקטובר 1949 פנו שבעה יהודים צעירים, שהיו בעלי אזרחות סובייטית, לקונסוליה וביקשו אישור לנסוע לישראל. להפתעתם ולשמחתם הם קיבלו כעבור ימים אחדים את האישור המבוקש בתוך הדרוכן הסובייטי. אולם לא חלפו יותר מעשרים וארבע שעות והם הוזמנו שוב לקונסוליה, המילה "ישראל" נמחקה ובמקומה נכתבה המילה "טֵיִאנְדִין". דהיינו הסובייטים רצו לטשטש את העובדה שיהודים נוסעים לישראל, הם אישרו נסיעה אל עיר הנמל בלבד. בדרך זו יצאו באוקטובר 1949 אחי וצעירים נוספים: דוד מינדלין, יאנה רוטנברג, ורה פרידמן ואחרים. הם יצאו מחרבין לטֵיִאנְדִין, משם לשנחאי, ומשנחאי בהפלגה שארכה שישים ימים (דרך דרום אפריקה), והגיעו ארצה בסוף חודש דצמבר 1949.

מיד אחר כך הוסיפו הסובייטים וערמו קשיים נוספים, בדרשם להביא מטֵיִאנְדִין אישור על מקום עבודה שיקלוט את המבקש לצאת מחרבין. סוכם עם יהודי ושמו שיכמן, בעל חנות פרוות, שהוא מזמין אותי ואת אמי החורגת לעבוד אצלו. באתי לקונסוליה מצויד באישור משיכמן. זוקין, אחד הפקידים הבכירים בקונסוליה ואיש ה-נ.ק.וו.ד (N.K.V.D), אמר לי: "אני יודע את האמת, אתה לא נוסע לטֵיִאנְדִין, אתה נוסע לישראל!"

"נכון", הודיתי.

"אין לך מושג מה הולך שם: תגור באוהל, תמות ברעב, תחלה בקדחת, ערבים יורגו אותך, אתה לא נורמלי".

"חבר זוקין", ענית לו, "כל משפחתי שם". זה היה שקר חלקי, כי אחי אמנם יצא אך טרם הגיע ארצה, ואילו אבי היה אי-שם בברית המועצות ולא ידענו אם הוא עדיין בחיים.

"זו טעות איומה, אתה עוד תצטער, עוד תבכה על זה. אתה בחור צעיר, אתה יכול להצליח בברית המועצות ולעשות קריירה". דאגתו של זוקין לעתידי לא מנעה ממנו לשלוח אותי הלון ושוב פעמים אחדות. מקץ כחודש קיבלתי את האישור המיוחל. תחילה נתבקשתי לשלם סכום כסף לארגון האזרחים הסובייטיים. באתי עם אישור התשלום למחלקה לביטחון ציבורי של הסינים ושם הכרתי את צ'ן, האחראי למחלקת היוזות והפספורטים, שהיה גם חבר טוב של שני חבריי, ישראל ברונר ופאבל שמושקוביץ.

"מתי אתה רוצה לצאת?" שאל צ'ן.

"כמה שיותר מהר", ענית.

כעבור שבוע קיבלתי שתי ויזות, לאמי החורגת ולי.

בדצמבר 1949 עזבנו את חרבין, עיר הולדתי, ובאנו לטֵיִאנְדִין (טינג'ין). פנינו לד"ר וולפסון, נציג הסוכנות היהודית, ואל נציג אונרר"א. מסרנו את הוויזה מחרבין, ומקץ כחודש התבשרנו שנוכל לעזוב את סין ולהפליג להונג קונג.

חמישים ושבעה עולים הפליגו עִמָּנו על סיפונה של האנייה הדנית הקטנה "הנרי ינסן". עָגְנוּ בנמל הונג קונג אך לא הורשנו לרדת אל החוף בטענה שמדובר בטרטוריה בריטית ואנו הרי אזרחים סובייטיים. למרבה המזל, ידידו של מושל הונג קונג בעת ההיא היה מיליונר יהודי בשם כדורי. הרופאה שלו הייתה בת דודה שלי, ד"ר סופי בָּרֶד, תושבת הונג קונג. בזכותה נהגו בנו לִפְנֵים משורת הדין. אל האנייה הגיעה סירה קטנה וממנה טיפסו ועלו אדון כדורי ובת דודתי ועמם אישור המותר לכל הנוסעים לרדת להונג קונג ולשהות בה יום אחד.

בלילה עלינו כל העולים, אנשי חרבין, למטוס צבאי אמריקני מסוג "קונסטליישן", שהוסב למטוס נוסעים. יצאנו לדרך. עצרנו לתדלוק בכלכותה ובבומביי שבהודו, בקראצ'י שבפקיסטן, ותדלוק אחרון תוכנן בבסיס אמריקני בערב הסעודית. הצוות מנה חמישה איש, אמריקנים מבוגרים, כנראה מילואימניקים.

כאשר נחתנו לתדלוק האחרון קרא לי הקברניט, בהיותי ראש הקבוצה, וראיתי שהוא חיור. "מה קרה?" שאלתי, הוא גמגם והתפתל עד שהודה שהם השתכרו, נרדמו ונחתנו בטעות בבסיס סעודי. "אנחנו יוצאים בג'יפ לבסיס חיל האוויר האמריקני להביא דלק למטוס, אם ישאלו אתכם לזהותכם תאמרו שאתם אמריקנים בדרך לבירות".

הטייסים האמריקנים לבשו מדים נקיים, ענדו אותות וסמלים ונסעו. אל המטוס נכנסו שני חיילים ערביים יחפים. הוריתי לכל הנוסעים לעשות עצמם ישנים ולא לדבר ביניהם. כולנו היינו במתח עצום. כעבור שעה ארוכה חזרו הטייסים האמריקנים ועמם מכליות דלק. הם תדלקו את המטוס, וברחו כל עוד נפשם בם. ההמראה נעשתה בחיפזון כה גדול שאת הדלתות סגר הצוות בהיותנו כבר בהמראה. למחרת הופיעו ידיעות בעיתוני הארץ על שערוריית הטייסים השיכורים שעלולה הייתה להיגמר באסון.

ארבעים ושתיים שעות ארכה הדרך. ב-25 בינואר 1950, בארבע בבוקר, נחתנו בשדה התעופה לוד. רוב הקהילה היהודית מחרבין עלתה בדרך זו ארצה. רוב יהודי שנחאי הגיעו דרך הים באניות גדולות. האנייה "ווסטר ויקטור" הסיעה פעמיים עולים, במאי ובדצמבר 1949; והאנייה "אנה סלן" ב-1950.

גם אנחנו, כמו כל העולים שהגיעו ארצה בשנים ההן, רוססנו ב-D.D.T., והועברנו למחנה עולים "שער העלייה" בחיפה. בערב הגיע אחי שהיה אז צוער בקורס קצינים ולקח אותי ואת אמא למלון "פלגה" שעל שפת ימה של תל אביב.

עם הקמת מדינת ישראל הלך ופחת מספר יהודי חרבין. רובם עלו ארצה, חלקם היגרו למקומות אחרים. לאחר שנת 1952 נותר רק קומץ יהודים בחרבין. מוסדות הקהילה נסגרו ונותרו רק הזיכרונות. לאחרונה פרסמנו ב"בולטין - ביטאון איגוד יוצאי סין", את זיכרונותי של זיאמה אגרונובסקי, מזכיר הקהילה האחרון. הוא תיעד את השנים האחרונות של קהילת חרבין, משנת 1950 ועד 1963.

נר זיכרון להוריי

אבי, אברהם קאופמן, נולד במְגֵלִין שבפלך צ'רניגוב באוקראינה. סבו היה סוחר בדים אמיד, וגם אביו עסק במסחר וראה ברכה בעמלו. אבא ספג ציונות בבית הוריו. סבי, יוסף זלמן קאופמן, השתייך ל"חובבי ציון" והיה נציגו של ד"ר פינסקר באוקראינה. אחר כך, כאשר עברה המשפחה לעיר פְּרֶם שבהרי אורל, המשיך סבי בפעילותו הציונית גם שם. אבי סיים את לימודיו בגימנסיה והתקבל ללימודי רפואה בבון שבשווייץ. באוניברסיטה הוא פגש את אמי.

אמי, ברטה קאופמן לבית שוורץ, נולדה בבסרביה. היא לא באה ממשפחה אמידה, ואת לימודיה בשווייץ מימנה אחותה המבוגרת ממנה שנישאה לאדם עשיר.

שניהם למדו רפואה כללית, אמא התמחתה ברפואת נשים, ואבא ברפואה פנימית וברפואת ילדים. אמא הייתה בין הנשים הראשונות שהצטרפו לתנועה הציונית בשווייץ, השתתפה בקונגרסים הציוניים הראשונים, והייתה בין מייסדות ארגוני הנשים הציוניות בקהילה היהודית בחרבין. עם סיום הלימודים שהו הוריי זמן מה באורל בעיר פְּרֶם, ומשם יצאו מזרחה. הם הגיעו לחרבין בנובמבר שנת 1912.

בשנת 1925, שמונה חודשים לאחר הולדתי, נפטרה אמי. בת שלושים ושש הייתה במותה. לא זכיתי להכירה. מתמונותיה ראיתי שהייתה אישה יפה, ושמעתי שאמרו שהייתה "רופאה המוניסטית". זהו ביטוי רוסי לרופא שראה ברפואה שליחות ויעוד. אסכולה שלמה שהמעייטה בערכו של הצד הכספי, והציבה מטרה אחת מרכזית - הצלת חיים. גם אבא היה כזה. הוריי יצאו לטפל בחולים גם בפרברים נידחים של חרבין, במקומות שבהם גרו רוסים וסינים עניים. לעתים קרובות חזרו מביקור

אצל חולים מבלי לגבות תשלום. כאשר אבא עלה ארצה בשנת 1961 והחל לעבוד כרופא בקופת חולים, הוא נשאר נאמן לתפיסת עולמו ולא ייחס כל חשיבות לצד הכספי של עבודתו.

נוסף על עבודתו כרופא, היה אבא עסוק, רוב הזמן, בפעילות ציבורית, בהיותו יושב ראש הקהילה. יום עבודתו היה מתחיל בבוקר בבית החולים היהודי, שם שימש כרופא ראשי, ונמשך עד לשעות הצהריים. בערך בשעה שתיים-עשרה בצהריים היה אבא מגיע לבית הקהילה ומקבל קהל במשרדו. ובאותן שנים לא חסרו צרות. אחר הצהריים היה חוזר לבית החולים ובערב מקיים ישיבות בענייני הקהילה. אבא היה יושב ראש הוועד העירוני של ההסתדרות הציונית, קרן הקיימת, קרן היסוד, מוסדות הנוער הציוני, ובילילה ערך את העיתון "יביריסקאיה ז'יזן" (חיים יהודיים), שהיה באותם ימים השבועון היחידי בעולם היהודי בשפה הרוסית. הוא ערך את העיתון במשך עשרים ואחת שנה בערך, תיגרם מאמרים מיידיש, מעברית ומגרמנית וכתב כתבות. החל משנת 1941 ועד 1943, בימי הכיבוש היפני, עבדתי לצד אבא כמזכיר העיתון. (בשנים 1943 - 1949 עבדתי גם במזכירות הקהילה).

למרות היותו ציוני לא עלה אבא לארץ אלא נשאר בסין, אולי מפני שעברו עליו שתי טרגדיות אישיות גדולות: בתו דינה נפטרה בדמי ימיה בהיותה בת אחת-עשרה, וגם אשתו, אמי, נפטרה כעבור שנתיים. ואולי מפני שהמנהיגים בארץ קראו לו להמשיך ולהנהיג את קהילת חרבין. אבא התכתב עם ד"ר גליקסון, ד"ר מוסינזון, ד"ר בוגרשוב ואחרים, שהיו חבריו עוד מימי הלימודים בשווייץ. הם כתבו לו שאין להפקיר את הקהילה במזרח הרחוק ולהשאירה ללא מנהיג ציוני.

בשנת 1945 היו ידידיו היפניים של אבא נכונים להעבירו לדרום סין, לשטח הכיבוש האמריקני. אולם אבי לא רצה לברוח, הייתה לו הרגשת שליחות. הוא ידע שהוא משמש ככתובת ציונית לעולם היהודי במזרח הרחוק וחש שאינו יכול להפקיר את הקהילה. לכן נשאר בחרבין.

באוגוסט 1945, בגין היותו מנהיג ציוני, נאסר אבי על ידי הסובייטים, ושהה עד מרץ 1961, במשך שש-עשרה שנה, בברית המועצות. מתוכן אחת-עשרה שנה היה במחנות כפייה. בתקופה הראשונה היה נתון לחקירות יום ולילה. הוא כתב על כך בספרו "רופא המחנה"³. במשך שלוש שנים ניסו החוקרים להשפיע עליו שיודה שהיה סוכן אמריקני, מרגל אנגלי או שפיון יפני. הוא נתבקש לחתום ששלח נוער יהודי לפוצץ תעשייה צבאית בברית המועצות, שהיה סוכן אימפריאליסטי, שקיבל כסף מאנגליה, ושכל כוונתו הייתה לחתור תחת השלטון הסובייטי. הוא סבל אין ספור לילות של חקירות, עינויים נפשיים, הרעבה ומניעת שינה, מתוך רפרטואר העינויים הנפוץ בשנות שלטונו של סטאלין.

כעבור שלוש שנים, כשהוא נתון בתא מבודד בכלא לוביאנסקה במוסקבה, משעמד בסירובו לחתום על כל ההאשמות, דנו אותו, שלא בנוכחותו, לעשרים וחמש שנות עבודת פרך במחנות כפייה. אינני יודע אם זייפו את חתימתו או שהספיקה עדותם של חוקריו. לאבא היו כוחות נפש אדירים. מרבית הנחקרים נשברו והודו גם בהאשמות שקריות לחלוטין. אולם אבא לא נשבר במשך שלוש שנות חקירה.

שמונה שנים היה אבא במחנות כפייה. הוא הועבר ממחנה למחנה וניצל בזכות היותו רופא ובזכות רוחו האיתנה ותקוותו להתאחד עם המשפחה בארץ. ייתכן שגם היותו נצר למשפחה חב"דניקית היא סגולה לכוחות נפש. (אבא הוא נינו של הרבי מלובביץ', אמו הייתה נכדתו של מייסד חסידות חב"ד, הרב שניאורסון.) אבי לא היה דתי, אך שמר מסורת והאמין באלוהי ישראל.

מִתִּי מעט מאלה שנאסרו בחרבין ב-1945 שבו לעיר. לאחר שלוש שנים, בערך בשנת 1948, חזרו שני רוסיים ששוחררו. אחד מהם היה מנהל הספרייה של מסילת הברזל הסינית המזרחית והוא סיפר לי שפגש את אבא בעת מאסרו. הוא היה רוסי אקדמאי ואינטליגנטי, שלא נחשד באהבת יתר ליהודים. ולמרות זאת הסתכן ובא אלינו בלילה בחשאי. ממנו שמעתי לראשונה על עמידתו האיתנה של אבא. אחר כך, בהיותי כבר בישראל, שמעתי סיפורים נוספים מיהודים פולניים שהגיעו ארצה. הרוסי הזה היה עם אבא בגרודקוה, בית הסוהר

שישים כמחנה מעבר. התנאים היו תת-אנושיים. אסירים פליליים ואנשי העולם התחתון שוכנו יחד עם אסירים פוליטיים, רציחות אירעו שם מדי יום ביומו. השלטונות דאגו גם ללבות את השנאה האֶתְנִית. אנשי מאפיה רוסיים שוכנו בתא עם אנשי מאפיה אוקראיניים, ליטאים עם אסטונים, וכולם כמובן שונאי יהודים. בשנת 1945 הביאה ברית המועצות אסירים מכל רחבי המעצמה, ודאגה לְשַׁנֵּעַ אותם ממערב למזרח ומדרום לצפון והכול תוך מסכת התעללויות שקשה לתארה. שלושה אסירים פוליטיים היו בתא אחד: אותו רוסי מנהל הספרייה של הנהלת הרכבת (K.B.Ж.Д.). מחרבין, כומר פרבוסלבי-אורתודוקסי, ואבא. כל האחרים היו אסירים פליליים. אבא אמר לרוסי: "עלינו למצוא דרך לשרוד עם החוליגנים האלה". המצב היה מאוד מסוכן, הם פחדו לעצום עין בלילה. כמוצא אחרון החלו השלושה לשוחח ביניהם על נושאים שונים. אבא סיפר סיפורים מהתנ"ך ומעשיות חסידיות, והוא ידע לספר סיפור ולרתק את שומעיו. הכומר סיפר מתוך הברית החדשה, ומנהל הספרייה מחרבין היה בקיא באתנוגרפיה של המזרח הרחוק ובעיקר בפולקלור הסיני והמונגולי. הם הצליחו לרתק את העבריינים ושקט השתרר בתא, עד כדי כך שהפליליים היו מבקשים מהם במפגיע: "ספרו עוד סיפור".

במשך עשר שנותיו בארץ אבא סיפר שוב ושוב על הימים הקשים ברוסיה בעיקר בתחילת מאסרו. על הפחד, על העינויים ועל ניסיונם של אנשי ה-נ.ק.ו.ד. (N.K.V.D.) לשבור את רוחו. השיטה הייתה דיכוי הנחקרים ונטיעת תקוות שווא. הם היו אומרים לנחקר: "כדאי לך לחתום על הודאה בהאשמות, ברגע שתודה נעבירך למחנה ושם תוכל לעבור חינוך מחדש. כעבור זמן תשתחרר על התנהגות טובה ותוכל לצאת לחיים חדשים". אבא קרא להם: "אינקוויזטורים של המאה העשרים". הוא שנה את המשטר הסובייטי אך אהב את התרבות הרוסית ואת העם הרוסי. פעמיים בחייו, כשהיה במצבים קשים מאוד, הרוסים לא אכזבו אותו.

הפעם הראשונה הייתה בשנת 1919 כשאבא גויס בחרבין ל"צבא הלבן", לארמייה בפיקודו של אדמירל קולצ'ק, שיצאה להילחם נגד הבולשביקים. המסע המפורסם ידוע בשם "מסע הרעב", הסתיים במדבר גובי במונגוליה. אבא נוכח לדעת שהעם הרוסי הוא עם רחמן וטוב לב, ולמד להעריך אותו. במונגוליה הואשמו אבי וחבריו שהם קומוניסטים אף על פי שנלחמו נגד הקומוניזם. הם נאסרו לזמן קצר. אבל אין להשוות את המאסר הזה שלאחריו הם חזרו לחרבין, למאסר הממושך במחנות הכפייה הסובייטיים.

הפעם השנייה הייתה לאחר מתן גזר דינו. אבא, בין מאות אסירים נוספים, נסעו חודשים ארוכים ברכבות מסע שיועדו להובלת בהמות. ובכל תחנה לאורך הדרך עמדו אנשים פשוטים, עמך, איכרים רוסיים ונתנו לחם ומים חמים לאסירים. הייתה בזה מידה של סכנה, אנשי ה-נ.ק.ו.ד. שמרו ברכבת, והנה רוסיים פשוטים עם, שלא הכירו את האסירים, פשוט מטעמי אנושיות וחמלה, נתנו להם מזון.

במשך שש-עשרה שנה, כשהיה כלוא בברית המועצות, חשבו על אבא כל הזמן והתגעגעו אליו מאוד. חיינו נסבו סביב המאבק לשחרורו. התדפקנו על כל דלת ונלחמנו מלחמת התשה מול עשרות פקידים. שלחנו אין סוף מכתבים ובקשות, לפרקליטים, לגנרלים, וגם לד"ר ליון, רופא בצבא האדום, שהוצב כרופא הראשי של הארמייה שכבשה את חרבין. עוד בהיותו בחרבין יצרנו קשר עם ד"ר ליון. בהיותו מקורב לבכירים בקרמלין, ובהתחשב בכך שהיה יהודי, חשבו שיוכל לעזור לנו. לא ביקשנו ממנו לסייע בשחרורו של אבא; רצינו רק לברר היכן הוא נמצא, אך אפילו להגיע למידע זה לא הצלחנו. למרבה הצער, ד"ר ליון עצמו מצא את מותו כאחד הנספים ב"משפט הרופאים".

החל מאבק קשה, רצוף עשרות מכשולים בדרך. ניסינו לברר מידע גם דרך יהודים פולניים ששוחררו. מ-1946 לא ידענו היכן אבא נמצא והאם הוא חי. מדי פעם קיבלנו מידע מיהודי פולני, שעלה ארצה לאחר שהיה אסיר ברוסיה, ופגש את אבא במחנה כלשהו בסוף שנות הארבעים. אבל דרישת שלום עדכנית ראשונה קיבלנו רק עשר שנים לאחר

שנאסר, בשנת 1955.

לאחר מותו של סטאלין ב-5 במרץ 1953, נערך טיהור בשורות ה-ק.ג.ב. ובשירותים החשאיים האחרים. רבים מהסטאליניסטים אנשי הקו הנוקשה סולקו.

רוח חדשה החלה לנשב בברית המועצות, מגמתה הכללית הייתה בכיוון ליברליזציה, חופש המחשבה וחופש הביטוי. קרבנותיו של סטאלין שהושתקו או הוגלו - שוחררו בהדרגה, ורבים מאלה שחוסלו זכו לִרְהֵבִילִיטַצְיָה לאחר מותם. יורשו של סטאלין, חרושצ'וב, התנגד לקו הסטאליניסטי. הוא חשף את מעשי אכזריותו וגינה את פולחן האישיות שהתרכז סביב סטאלין.

לנוכח התמורות והשינויים האלה הֶעֱז חבר שלי, הבמאי והשחקן יורה חורוש, שפגש לגמרי במקרה את אבי במחנה כפייה, לספר לו שאשתו ושני בניו נמצאים בישראל. הוא פגש אותנו כאשר הגיע עם קבוצת התיאטרון שלו להופעה במקום. עד אז אבא לא ידע שעלינו ארצה. החבר, שחמותו התגוררה בארץ, הציע שאבא יכתוב מכתב והוא יעבירו ארצה. הוא גילה אומץ לב בלתי רגיל, אמנם היו ימי שלטונו של ניקיטה חֶרוֹשְׁצ'וֹב והפחד מהשלטון נמוג במעט, אך סוכני ה-ק.ג.ב. שִׁרְצו בכל מקום. חברי החביא את המכתב ושלח אותו אלינו. לא היו בו שמות ולא חתימה, אבל הכרנו מיד את כתב היד.

אחר כך החל תהליך שחרורו הממושך של אבי. פעם בשלושה חודשים קיבלנו ממנו גלויה באמצעות הצלב האדום במוסקבה. המען למכתבים היה תא דואר מרכזי במוסקבה שממנו חולקו המכתבים לכל המחנות ברחבי ברית המועצות.

מרבית האסירים שוחררו זמן מה לאחר מות סטאלין, אך אבא היה בין האחרונים ששוחררו. הוא שוחרר רק בשנת 1956. תקופת מאסרו קוצצה לאחת-עשרה שנים אך הוא לא קיבל רהביליטציה. לאחר שחרורו ביקש להיות במוסקבה אך השלטונות סירבו. שחרור מהמאסר אין פירושו שהפכת לִבֶּן חורין. "חופש" היה מושג יחסי בברית המועצות. ידוע לכול שאחרי מחנות הכפייה נשלחים ה"משוחררים", בייחוד הפוליטיים, לגלות. זאת ועוד, אסירים פוליטיים, גם לאחר שחרורם מהגלות, עדיין לא נחשבו לאזרחים מן השורה. נאסר עליהם להתגורר בערי בירה ובערי נמל, ובתעודת הזהות היו סעיפים מגבילים. לכל אזרח רשמו בתעודה את מקום מגוריו, ומי שלא הייתה לו כתובת נחשב לעובר על החוק ועלול היה להיעצר על ידי המשטרה.

אבא ביקש אפוא להיות בקֶרְגֶּנְדָה שבקזחסטן, שם שהה במחנה בתקופה האחרונה שלפני שחרורו. הוא חזר לֶקְרֶגֶנְדָה, שהייתה עיר מרכזית ומסביבה מכרות פחם, והחל לעבוד במרפאה במכרות הפחם. הוא התגורר בבית מהנדס יהודי, משפחת בורטמן. באותה עת קיבלנו ממנו מכתב שהוא שוחרר והחל המאבק המתיש למען עלייתו ארצה. כאשר שוחרר מהמחנות נדרש אבא לקבל נתינות סובייטית. אולם אבא טען שהוא חסר נתינות ואינו אזרח סובייטי, שהרי עזב את ברית המועצות ב-1912, איבד את אזרחותו מפני שהיה בסין, ואינו רוצה לקבל אזרחות סובייטית. בעקשנות ובהתמדה הוא סירב לקבל אזרחות. במשך חמש שנים לחם ונאבק כאסיר ציון עד שהתירו לו לעלות לארץ. פנינו אל כל השגרירים שלנו במוסקבה: נמיר, אלישיב, אבידן, ופרופ' הראל. הטענה שלנו הייתה שמאחר שהמשפחה שלו בארץ אנו מבקשים לתת לו אזרחות ישראלית ולהביאו ארצה. זה לקח שנים. משרד החוץ שלנו הורה לשגרירות במוסקבה להנפיק לו דרכון ישראלי. אלא שגם לתת לו את הדרכון היה מבצע מסובך: הנסיעה ממוסקבה לֶקְרֶגֶנְדָה ארכה ימים, לאנשי השגרירות אסור היה לנסוע לֶקְרֶגֶנְדָה שהוגדרה כאזור סגור, ולאבא אסור היה לנסוע למוסקבה.

לבסוף, כאשר קיבל את הדרכון הוא פנה ל"אוביר" OVIR, המחלקה לווזות ולרישום שבמשרד הפנים לבקש היתר יציאה. חמש-עשרה פעמים סירבו לבקשתו. הסובייטים כתמיד ערמו קשיים. בפעם השש-עשרה, בפורים תשכ"א 1961, אישרו לו השלטונות לעזוב סוף סוף את ברית המועצות.

ב-26 במרץ 1961 הגיע אבא לארץ. הייתי בן שלוש ושבע, אבא היה בן

שבעים וחמש. לא רק אני ומשפחתי חיכינו בשדה התעופה; כמה מאות מיוצאי סין המתנינו אתנו. רבים מחו דמעה והייתה התרגשות גדולה. חשבנו שִׁיֵּצֵא יהודי זקן, כפוף, אולי נשען על מקל, אבל לשמחתנו הופיע אדם זקוף, גאה ורוצה להתחיל לעבוד החל ממחר כרופא.

כשאבא יצא מחושוך לאור הוא רצה לצעוק אל העולם כולו מה קורה ליהודים מאחורי "מסך הברזל". הנושא בער בעצמותיו. "איני יכול לישון, איני יכול לשבת בשקט, איני מוצא מנוח לנפשי, חייבים להפסיק את קשר השתיקה, חייבים להוציא את היהודים מברית המועצות!" "יִצְעֶקוּ!" היה חוזר ואומר.

עד גיל שמונים וחמש עבד אבא במשרה מלאה כרופא במרפאת קופת חולים כללית ברמת גן. ב-1967, כשפרצה מלחמת ששת הימים, הוא רצה להתנדב לצבא, אך נדחה בשל גילו. אבא לא ויתר על ביקורי בית, לא התעצל לבקר חולים שגרו בקומה שלישית, התנדב לעבוד גם בתורניות שבת, והיה תמיד מוכן למלא את מקומו של רופא אחר. הוא קרא מדי יום את עיתון "דבר" ועיתונים ביידיש, לא היה מוכן לשמוע איזושהי טענה או טרעניה על המדינה, הצטרף לתנועת העבודה (מפא"י), רכש מנוי לפליהרמונית, נשא הרצאות ברוסית, כתב את קורותיו בספר מרתק, וחי חיים מלאים ועשירים. הוא היה אדם שהגשים חלום. הציונות - שבה האמין מיום שעמד על דעתו, אותה ציונות שההיאחזות בה עזרה לו לשרוד, נתנה לו מושא לחלומות ולתקוות - הגיעה סוף סוף להגשמה.

אבי ואמי, נוסף על היותם הוריי, סימלו בעיניי את סיפורה של יהדות חרבין. קהילה נפלאה זו עיצבה את דמותי, מלווה אותי כל חיי ואני חש גאווה וכבוד להשתייך אליה.

האהבה והקשר הרוחני ביני לבין אבי היו קיימים גם במשך כל תקופת היותו בברית המועצות. מששוחרר חשתי כאילו זכיתי באבא מחדש; מעתה היה בינינו קשר הדוק של אב ובנו.

אבא עבד כרופא עד שלושה חודשים לפני מותו. הוא נפטר במרץ שנת 1971, היה בן שמונים ושש שנה במוותו.

אפילוג

היהודים שהגיעו לחרבין וחיו בה מראשית ייסודה בשנת 1903 ועד 1962, לא הסתפקו בהקמת קהילה יהודית מפוארת, אלא יזמו ותרמו לפיתוחה ולביסוסה של העיר כולה. נוסף על הקמת מוסדות יהודיים מובהקים: בתי כנסת, מרכז קהילתי, בתי ספר, בית אבות ותנועות נוער ציוניות, הקימה הקהילה מוסדות ששימשו לרווחת כלל התושבים. ייזכרו לטובה בית החולים היהודי ובית התמחוי.

אולם תרומתם של יהודי חרבין ניכרה לא רק במוסדות רווחה כי אם בפיתוח הכלכלה והמסחר. מפעלי המזון של סוסקין וקרול; פיתוח הצי המסחרי של ספינות נהר בבעלותו של סוסקין; המפעל לזיקוק סוכר של ציקמן; תעשיית הפרוות שהקימו אברמוביץ', מורבצ'יק, זונדוביץ', זולוביץ' ועוד רבים; מאפיות מאזין; תעשיית המיצים של קופמן; מכרות הפחם של האחים סקידלסקי; תעשיית פולי הסויה של קבלקין; חנויות הכל-בו של סמסונוביץ', תעשיית הדפוס של פרנקל, אברמוביץ', למברג ובורסוק; מפעלי השוקולד, בתי הקפה והמסעדות שהקימו דריזין, צוקרמן וברסלר; בתי המרקחת של גורביץ' ורוגובין; ומלון מפואר "מודרן" שנודע בעולם כולו בבעלותו של יוסף קספה. יהודים ייסדו בחרבין את הבורסה, ורבים עבדו בה כבורקרים. (בתקופה מסוימת היה יעקב קבלקין נשיא הבורסה.) במהלך השנים נוצרו שותפויות בין יהודים לסינים, ומפעלים ועסקים רבים שהוקמו על ידי יהודים עברו עם הזמן לידי האוכלוסייה המקומית.

מוסיקאים יהודיים גרו בחרבין, רבים מהם לימדו מוסיקה ב"קונסרבטוריון על שם גלזנוב", בית הספר הגבוה למוסיקה, וביניהם: פרופ' שִׁיֶּרְבִּילֵט, פרופ' גולדשטיין, דילון, אפטקאקרבא, גרשגורניה ואחרים. שחקני תיאטרון וזמרים יהודיים היו פופולריים בחרבין. יהודים בלטו גם בקרב אנשי הרפואה. תרומתם נחרטה בזיכרונם של

ראו בנו זרים ומוזרים אך הם קיבלו אותנו כעובדה קיימת, לא היו התנכלויות, לא מנעו מאתנו לקיים אורח חיים יהודי, ולא נאסרה פעילות ציונית.

אנו גאים להיות צאצאיהם של יהודי חרבין. מוסדות הקהילה, הביטחון שהעניקו, היצירה והעשייה הם מקור השראה לכולנו. לא היה ילד בקהילה שרצה ללמוד ולא יכול היה לממן את לימודיו, לא היה קשיש שחשש שישליכוהו לעת זקנה, לא היה חולה שנמנע ממנו טיפול רפואי, וכל אחד ידע שכאשר יגיע יומו יזכה לקבורה כדת וכדין. הקהילה היהודית העניקה הגנה וביטחון סוציאלי לכל אנשיה.

בזעיר אנפין אנו מנסים להמשיך מורשת זו באיגוד יוצאי סין, לפי הכלל: "מַעֲשֵׂה אֲבוֹת סִימָן לְבָנִים". אנו שומרים על קשר עם מאות נכדיהם וניניהם של יוצאי סין, מטפחים את הערבות ההדדית, מעניקים עזרה סוציאלית לנזקקים ונותנים מלגות להשכלה גבוהה.

כתבנו את הספר במטרה לשמר את המורשת הייחודית שאפיינה את קהילת חרבין, ומתוך כבוד וגעגועים למנהיגיה שהראו לנו את הדרך בהעמידם את טובת הכלל לנגד עיניהם. מנהיגים שהטיפו לאחוה ולהגינות, היו בעלי יזמה, יצירתיות וחריצות, ואהבה ללא גבול לציון ולעם ישראל.

תושבי חרבין בעיקר בעת מגפת הכולרה שפרצה בשנת 1932. הם הושיטו עזרה לא רק לבעלי הממון אלא הגיעו גם לפרברים הנידחים של עניי חרבין.

כאשר עזבתי את חרבין בשנת 1949 מנתה אוכלוסייתה שמונה מאות אלף נפש. מאז ביקרתי בה פעמיים (ב-1992 וב-1994) ומצאתי שחרבין הפכה לעיר מודרנית המונה כיום שמונה מיליון וארבע מאות אלף תושבים. עיר חדשה ובה מרכזי מסחר, תיירות ותרבות. גדת הנהר פותחה והפכה למקום יפהפה. גשר חדש הוקם, ונוף חדש של גורדי שחקים מתגלה באופק.

אולם בלבי נשארה חרבין כמקום ביתי נפלא ואהוב של נעוריי. אנחנו, שנולדנו בחרבין, או הגענו אליה בצעירותנו, נושאים בלבנו את המראות ואת הזיכרונות של פעם. זוכרים את גדות נהר הסונגארי, את הכרכרות הרתומות לסוסים מעלות ענני אבק ברחובות הלא סלולים. איש מאתנו לא ישכח את בתי הקיט מעבר לנהר באזור ז'טון (הנקרא כיום "אי השמש"), את הפארק העירוני ואת הגשר העילי (הינאידיקט).

בעינינו היה זה אך טבעי שאנחנו יהודים תושבי סין. אמנם סין מעולם לא הייתה מולדתנו, אם כי העם הסיני שהכרתי בצעירותי היה סבלני, מכניס אורחים, והעניק לנו הרגשה שאנחנו רצויים. נכון הוא שהסינים

באגוד יוצאי סין ובאגודת ידידות ישראל-סין

11.7.2016-ב
התקיימו במשרדנו החדשים אספות כלליות של איגוד יוצאי סין ואגודת ידידות ישראל-סין.

13.7.2016-ב
אגודת ידידות ישראל סין ואגוד יוצאי סין אירחו את שגריר סין מר צ'אן יונגסין לארוחה במסעדה "ים הסיני" לרגל תחילת שרותו בישראל.

14.7.2016-ב
ביקרה משלחת של 5 סטודנטים לקשרים בינלאומיים מאוניברסיטת פקין במשרדי האגוד.
ביקור המשלחת היה במסגרת ביקורה בישראל, ברשות הפלסטינית וירדן.

24.7.2016-ב
הגיע לביקור מר מרק רייסבאום מנהל בכיר של קרן אלכסנדר וג'ין מייזין. הקרן תורמת מדי שנה \$30000 לחלוקת מלגות לסטודנטים בישראל.

18.8.2016-ב
חברי הנהלת אגוד יוצאי סין ואגודת ידידות ישראל-סין היו אורחי שגריר סין בישראל מר צ'אן יונגסין לארוחת ערב בבית השגריר בהרצליה.

15.8.2016-ב
חברי אגודת ידידות ואגוד יוצאי סין היו אורחי ראש עיריית צפת מר אילן שוחט בפתיחת אירועי פסטיבל הכליזמרים שמתקיים זה 19 שנים בצפת

צילומים מהאירועים בדפי שער פנימיים

19.5.2016-ב
ביקרה באגוד משלחת של ממשלת חרבין בראשות סגנית ראש העיר חרבין גב' צ'ו לאי שניהלה בזמנו את הפרויקט החשוב של שיחזור פנים בית-הכנסת הישן בחרבין והתאמתו לשמש אולם קונצרטים מרכזי בעיר.

מטרת הביקור הייתה לנהל מו"מ עם גופים ממשלתיים בישראל להידוק קשרי מסחר ותעשייה.
אנחנו הצגנו את בקשתנו (שהועלתה בזמן השיפוץ ע"י פרופ' בן כנען) לקבוע לוח בבית הכנסת לזכר דר' אברהם ותדי קאופמן.

2.6.2016-ב
ביקרה במשרדינו משלחת צעירים מסין בלוי מדריכי הטיולים Yu wang ואודי.

14.6.2016-ב
ביקרו במשרדי אגוד יוצאי סין נציגי ממשלת הלוג'אן בראשות מר דונג אימין. בין חברי המשלחת היה גם מר צ'ו ואי - יועץ שבזמנו היה מנהל האקדמיה למדעי החברה בחרבין והיה בין מארגני הכנסים של יוצאי חרבין בתחילת שנות ה-20.
המשלחת הביאה שני ספרים עבי כרס (כתובים בסינית) על יהדות חרבין בעריכת מר צ'ו ואי וידידתנו גליה-חוקרת באקדמיה.

27.6.2016-ב
התקיים ביזמת אגודת ידידות ישראל-סין סיור של הצוות הבכיר של שגרירות סין בישראל בראשות השגריר מר צ'אן יונגסין בעיר צפת. הסיור החל בביקור במכללת צפת. סיור סעיר העתיקה בהדרכת ראש העיר מר אילן שוחט.

ציוני דרך בהיסטוריה הבלתי כתובה והמיוחדת - מרוסית יהודית סנדל

במנצ'וריה כמו חיילר וציציקר בהן הקהילה מנתה כ-50 משפחות הקימו בתי כנסת משלהם. שנחאי, טיינצין וחרבין סיפקו מצות ומצוות דת (רב, שוחט ומוהל) לכל 10 קהילות יהודיות בסין. משנחאי נשלחו מצות לחנקאו, צינדאו, טיינצין ובייג'ין, מחרבין - נשלחו לשאר הקהילות במנצ'וריה.

בעקבות היסודות הדתיים שהיו מסורתיים יותר מאשר דוגמטיים, הוענקה עזרה הדדית, פילנתרופיה ומעשי צדקה.

ב-1918 הוקם בשנחאי מוסד גדול לעזרת יתומים וקרבנות הפוגרומים באוקראינה וברוסיה, ושנה לפני כן ב-1917 הוקמה ליגה לעזרת רעבים ברוסיה. באותן שנים מנתה האוכלוסייה היהודית בעיר 447 יהודים.

מוסדות דומים הוקמו בחרבין, בעיר מנצ'וריה, חיילר וחנדאוהזה, שהייתה תחנה קטנה על אחד מענפי מסילת הברזל הסינית המזרחית, שם גרו 20 משפחות בלבד.

ב-1912 בערים שנחאי וחרבין הוקם מוסד פעולה לעזרת הנוסעים לפלסטינה.

בכל שלושת הקהילות הגדולות בסין: בשנחאי, חרבין וטיינצין פעלו מוסדות לעזרה הדדית, בתי חולים, דיור לקשישים ונכים, ארוחות זולות, עזרה כספית "גמילות חסד" - וזה רק חלק מהתמיכה החברתית סביב יהודי סין.

תפקיד חשוב היה לחינוך היהודי: הוקמו בתי ספר יהודיים בשנחאי, בטיינצין. בחרבין הוקמו "תלמוד תורה" ותיכון יהודי, מוסדות היסטוריים נפלאים שהוקמו ב-1918, שם נלמדה השפה העברית, בשיתופם של מורים יהודים מהמובילים במקצועם, כמו מנהל בית הספר היהודי בטיינצין א.ס. איזגור, המורים זליג סלוצק ולייב (יחזקאל) נדל.

בשנחאי, חרבין, טיינצין תרמו היהודים להתפתחות המסחר והתרבות של הערים. התפתחותה של שנחאי קשורה במשפחות כדורי, ששון וחרדון. במנצ'וריה - במשפחות סוסקין, שהיו אחראים על ספנות וטחנות קמח, קבלקין - יצור ויצוא מוצרי סויה "Acetco", ציקמן - בית חרושת לסוכר, קופמן - יצור מיצים, סקידלסקי - מכרות פחם, מאירוביץ' - גידול בקר. וכמובן, עבוד ויצוא פרוות עם דגש על עבודה יהודית-סינית משותפת בשטח המסחר והיצוא. משפחת סוסקין הייתה מעניקות ביצוא תבואה לארצות אירופה.

השתתפותם של יהודים בעסקי הבנקאות בערים כמו שנחאי, טיינצין וחרבין, תרמו רבות להתפתחות הבנקאות בערים אחרות ברחבי סין.

בחרבין הוקמה ע"י היהודים בורסה שהייתה למעשה בורסת העיר והאזור. השותפים הקרובים ביותר לאנשי העסקים היהודיים היו נציגים מחוגי מסחר סיניים, מעוט של רוסים במנצ'וריה ואנשי עסקים זרים בשנחאי וטיינצין. בתקופת הכבוש היפני נרשמה פעילות מועטה עם היפנים עד 1945.

סין הייתה מקלט לפליטים היהודים שסבלו מאנטישמיות ברוסיה ואירופה, החל מהפוגרומים ברוסיה ועד למלחמת העולם השנייה. אנטישמיות הייתה זרה לעם הסיני. זרעי אנטישמיות נטעו באדמת סין רק עם הגעת הרוסים הלבנים לסין, ועל-ידי חוגים רוסים ויפניים שהיו פרו-פשיסטים לצד גרמניה הנאצית.

מרכז האנטישמיות היה במנצ'וריה וחרבין, שם התמקמה המפלגה הרוסית הפשיסטית עם העיתון שלהם "זו דרכנו" ומנהיגם רודזייבסקי. בהשפעתם עשו השלטונות היפניים המקומיים ניסיונות לעצור יהודים בחרבין ובשנחאי. בתקופה מסוימת גם השתמשו בחותמת בצורת האות "Jude" ("J"), אשר הוחתמה על דרכונים של יהודים שהתגוררו בצינדאו.

מתוך הרצאתו של ט. קאופמן בסמינר "יהודי שנחאי" שהתקיים בעיר שנחאי ב-21 לאפריל 1994 בהשתתפות נציגים ממוסדות קהילתיים ואקדמיים של סין, ארה"ב, ישראל, אנגליה, אוסטרליה ועוד.

מעל 150 שנה חלפו מהיום בו דרכו לראשונה יהודים על אדמת סין. עוד באמצע המאה הקודמת קלטה שנחאי יהודים מעיראק, או "הבגדים" כפי שנהגו לכנות את עצמם. לאורך השנים הפכה העיר לנקודה אחרונה במסעם שהתחיל בבגדד, דרך כלכותה, בומבי, סינגפור והונג-קונג. הם חפשו שווקים חדשים, דרכי מסחר, וכך הפכה שנחאי להיות העיר הראשונה בסין בה השתקעו יהודים.

חלפו כארבעים שנה, ומאותה סיבה החלה הגירה של יהודים מרוסיה למנצ'וריה, באותן שנים נחשבה מנצ'וריה ל"קליפורניה" ואלה הגיעו המתישבים היהודים הראשונים מדרום רוסיה וסיביר.

בסוף המאה הקודמת ותחילת המאה הנוכחית (1904) החלה מלחמת רוסיה-יפן והיהודים הגיעו למנצ'וריה יחד עם הצבא הרוסי כספקים ופקחים ונשארו בעיר ממניעים כלכליים. בשנים הבאות הייתה סין מקלט לעשרות אלפי פליטים יהודיים שנסו מפוגרומים ברוסיה ואירופה בחיפושים אחר מקלט.

כאמור ב-1904 כאשר התרחשו באוקראינה פוגרומים, הגיעו היהודים הראשונים שברחו מתחומי מושב עד למנצ'וריה ולחרבין. בשנים של מלחמת העולם הראשונה, כאשר מפקד הצבא הרוסי בחזית הגרמנית, גרש יהודים מתוך שורות הצבא מכיוון שאין לבטוח בהם, הגיעו יהודים בהמוניהם לחרבין וב-1914 נוסד הוועד היהודי להגשת עזרה לקרבנות המלחמה. אלפי פליטים יהודיים התגוררו במבנים ארעיים במבואות העיר הצומחת חרבין.

מאוחר יותר הגיעו יהודים פליטים שברחו מהמלחמה האזרחית ברוסיה ומגל הפוגרומים ששטף את אוקראינה ורוסיה.

כך היה עד סוף שנות ה-20 ותחילת שנות ה-30 עד הכבוש היפני של מנצ'וריה, כל עוד יכלו יהודים לחצות באופן לא חוקי את הגבול בין סיביר למנצ'וריה ולהגיע לשלוש הפרובינציות המזרחיות.

וכך, מספר הפליטים מאירופה, גרמניה, אוסטרליה, פולין, ליטא חצה את מספר ה-20 אלף אשר מצאו מקלט בעיר חרבין בה אנחנו מנסים כיום למצוא ציוני דרך בהיסטוריה המיוחדת של יהודים בסין.

בשני מוקדים החלה ההתיישבות היהודית בסין: בדרום - שנחאי ובצפון - חרבין, שתי קהילות אלו הכריעו את עתיד חייה של הקהילה היהודית, את תרבותה ואת ההרכב החברתי שלה.

מעל ל-120 שנה בהן חיו יהודים בסין, הקהילות היהודיות התקיימו ב-13 אתרים התיישבותיים, מהן 7 קהילות במנצ'וריה ו-6 קהילות במרכז סין. מתוך כל ה-13 הקהילות רק בשתיים מהן נמנו לאורך הזמן עשרות אלפי נפשות - בשנחאי וחרבין, בשתיים נוספות - טיינצין ומנצ'וריה נמנו בכל אחת כאלף איש, בתשע הקהילות הנותרות נמנו בכל אחת כמאה איש, ובחלקן רק מספר עשרות בודדות.

הדרך לסין עברה דרך עיר הגבול מנצ'וריה לחרבין, ודרך מסילת הברזל הסינית המזרחית לציציקר, חיילר, חנדאוהזה, לדרום מנצ'וריה - מוקדן ודיירן, ורחוק יותר בתוך סין: טיינצין, בייג'ין, צינדאו, חנקואו, צ'יפו ושנחאי.

החיים היהודיים בסין בכל הערים המפוזרות בשטחה החלו סביב בתי הכנסת או בתי התפילה, המקווה, ובתי המאפה למצות.

כך היה גם בקהילות יהודיות קטנות ברחבי סין, במקומות רחוקים

על אף נסיונות אלה, לא הייתה השמדה המונית של יהודים בסין, מקרים בודדים היו, אך רק בימים האחרונים למלחמה בין יפן לרוסיה, אז נרצחו באכזריות בחיילי 11 יהודים על ידי יפנים ופשיסטים רוסיים. למרות זאת הופיעו ב-1920 מאמרים אנטישמיים בעיתון "לוי וויקלי" שנכתבו על ידי אחד בשם וילקיןסון בשפה האנגלית. גם בעיתון "דיילי ניוז" שיצא לאור בשנחאי הופיע מאמר "מאחורי המסך האדום", שם נכתב על "הבונים החופשיים היהודים" בתוך השלטון הרוסי.

השבועון "לוי וויקלי" שיצא לאור בשפה האנגלית בשנחאי ובבייג'ין, פרסם מחזור של מאמרים "יהודים תמיד יהודים" מלא באמירות אנטישמיות. את היהודים האשימו מצד אחד בהקמת סוציאליזם ובולשביזם, ומצד שני - כאלו שרכשו לעצמם הון עולמי ללא יכולת לעבודה יוצרת. "יהדות יצרה את הסוציאליזם וקפיטליזם - כתב המחבר, - היהדות צריכה להפסיק את קיומה ולהיעלם מעל פני האדמה".

בעיר מנצ'וריה, באפריל 1921 ערב פסח, הפיצו "הרוסים הלבנים" דפים הקוראים לפוגרומים בקרב היהודים, דבר שהובא על ידי הקהילה היהודית לידיעת השלטונות הסיניים. השלטון הסיני, הוציא צו האוסר על כל פעילות אנטי יהודית.

אחת התופעות הקשות של האנטישמיות בסין הייתה החטיפה והרצח של הפסנתרן סמיון כספה ב-1933. אירוע זה הפך ל"משפט היסטורי" כנגד היהודים בעזרתם של קבוצת פושעים רוסים עם שותפים ממשרת יפן ופשיסטים רוסיים אנטישמיים. ד"ר קאופמן היה נתון לאיומי גרוש מגבולות מנצ'וריה על דברים שנשא בהלווייתו של ס. כספה, שם דרש לקיחת אחריות מהשלטון המקומי.

וכך נכתב על דפי העיתון "זו דרכנו" - "יש לגרש את ד"ר קאופמן ממנצ'ו-גו, דבריו היו מלאי שטנה ושקר נגד השלטונות המקומיים. האמנם העלבת השלטונות תעבור ליהודי בחינם?"

אנטישמיות מעולם לא הייתה הסיבה לעזיבת היהודים את סין. לאחר מלחמת העולם השנייה ובמיוחד עם הקמת הרפובליקה הסינית העממית ב-1949, ניתנה האפשרות לכל היהודים לעזוב את סין. עד 1962 עוד נותרו קהילות יהודיות קטנות בשנחאי ובחרבין. יציאת יהודים מסין הייתה לארצות הבאות: ישראל, ארה"ב, אוסטרליה (לשם נהרו רובם), וכן לאירופה. כחמש מאות יהודים יצאו לס.ס.ר. (בשנות הפינוי של עובדי תחנת הרכבת הסינית המזרחית ובסוף מלחמת העולם השנייה).

לצערי, למעלה מ-40 שנה לא היו יחסים דיפלומטיים בין סין לישראל דבר שגרם לקרע בין שני העמים. לאחר כנון היחסים הדיפלומטיים בין הארצות חזרנו לעברנו בסין, לדפי ההיסטוריה המיוחדת של עמנו, אשר ניתלש לפני שנים רבות עקב סיבות פוליטיות מהמרכזים היהודיים באירופה, ארה"ב וישראל אסיה ואפריקה, ועם זאת שמר על הזהות הלאומית שלנו.

יוצאי סין, שהתפזרו ברחבי העולם, הקימו אגודים בישראל, ניו-יורק, סן-פרנציסקו ולוס אנג'לס, קבוצות בסידי ומלבורן, ואשר התגוררו פעם בהונגקיו, נפגשים בקביעות בארה"ב וישראל, שומרים בליבותיהם זיכרונות על העבר בסין, על אותה ארץ גדולה ועל העם הנבון.

לקהילתנו - יש לא רק היסטוריה ארוכה של סבל, מאבק לשימור הלאום ולתרבות העבר. הפילוסופיה של קונפוציוס ושל יהדות מחפשת הרמוניה בין האנשים, בין השמיים, טבע ואנשים לפי קונפוציוס ובין בורא עולם ואנשים לפי היהדות. שני העמים העתיקים נאמנים לאהבת ילדים וכבוד לקשישים כיסודות ההווה.

אין ספק, שהעבר של יהודי קאי-פנג ושל יהודים בני זמננו שהתגוררו בסין, יהיו אבני יסוד להבנה הדדית, ידידות ושותפות ביחסים בין ישראל לסין, בין העם היהודי לעם הסיני.

הסמינר שלנו היום, בעיר הגדולה ביותר בסין, מהווה תרומה משמעותית בהבנה בין העם היהודי עם עברו ועם סין העכשווית. חשיבות הסמינר בכך שהוא נהנה מתמיכת מוסדות מכובדים כמו עיריית שנחאי, מועצת הונגקיו, אגודת הידידות העממית בין שנחאי

לארצות זרות ומרכז לחקר היהדות בשנחאי.

לשנחאי מקום כבוד מיוחד בהיסטוריה של סין. היהודים הראשונים הגיעו לעיר לפני 154 שנה. כאן החלו שוב החיים היהודים במקום בו הסתיים האפוס של יהודי קאי-פנג. התיישבות היהודים בשנחאי שונה ממרכזי התיישבות יהודית בסין, קודם כל היו כאן - שלוש קהילות יהודיות: הקהילה הספרדית - הותיקה ביותר, הקטנה ביותר אך המפותחת ביותר, הקהילה האשכנזית של יהודים רוסים, נאמנה למסורת היהודית רוסית, אשר תרמה רבות לשימור העם היהודי, וקהילה של יהודי אירופה "אידישע גמיינדה", הגדולה ביותר במספר אנשים, אך הענייה ביותר מבחינה כלכלית, והעשירה ביותר בתרבות והתקיימה זמן קצר ביותר בין הקהילות על אדמת סין.

ב-1920 על פי רישום אוכלוסין חיו בעיר 447 יהודים. לאחר 20 שנה, ב-1940 ועד סוף מלחמת העולם השנייה - 25 אלף יהודים. ב-1920 התעוררה דאגה בקרב יהודי שנחאי לשבויים היהודים, בעיקר מאוסטרליה, אשר קבלו רשות לחזור למולדתם באניה "שרנהורסט". יהודי שנחאי הספרדים והאשכנזים כאחד קבלו את השבויים בחמימות. שיכנו אותם בבית הספר היהודי, וסיפקו להם אוכל ודברים הכרחיים. מספר ימים לפני בואם, נאספו תרומות לבאים.

באותו זמן, יצאה מולדיבוסטוק אניה נוספת של שבויים על האניה "מאייטן", וגם כאן תרמו יהודי שנחאי ככל יכולתם.

בשנחאי החלה ההיסטוריה של עיתונות יהודית בסין. ב-1904 החל לצאת לאור הירחון "Israeli Messenger" בשפה האנגלית בהנהלתו של נ.ב. עזרא, עסקן בולט מהיהדות הספרדית.

הנה כאן כותב ד"ר א. קאופמן על זיכרונותיו משנחאי:

"ב-1904 החל לצאת בשנחאי לאור ירחון בשפה האנגלית "ישראל מסינג'ר", על ידי הקהילה הספרדית בעיר. מטרת העיתון להגן על זכויות היהודים ולעשות תעמולה למען הציונות. העיתון התקיים עד 1910 ושם להופיע ב-1917. מנהלו היה נ.ב. עזרא עסקן ציוני פעיל, אדם תרבותי ומסור לרעיון התקומה היהודית. הוא עמד בראש התנועה הציונית בקרב הקהילה הספרדית והיה פעיל בענייני הקהילה, בתי ספר יהודיים וארגונים יהודיים אחרים. נ.ב. עזרא היה אחד החלוצים הראשונים של שנחאי. הוא הגיע לשם מבגדד ב-1899.

עזרא היה היסטוריון ידוע, שלט במספר שפות אירופיות ובעברית. למען הציונות הקריב את עבודתו המדעית והישגיו הכלכליים. והקדיש עצמו לעם היהודי. הוא היה ציוני בכל רמ"ח אבריו. הוא הלך לעולמו ב-1936 בגיל 56, ונקבר בבית הקברות היהודי בשנחאי".

היום, כאשר אנו מדברים על העבר היהודי בשנחאי, יש לזכור, לכבד ולהוקיר את זיכרו של עזרא שהיה פטריט וציוני נלהב.

כתב-עת יהודי ציוני אחר היה "סיביר-פלסטינה" ("חיי יהודים") שהוקם על ידי א. יבזרוב ב-1920 בשנחאי והועבר לחרבין ב-1921. זהו כתב עת יומי שיצא לאור בשפה הרוסית ועורכו ד"ר א. קאופמן עד לסגירתו בשנת 1943 על ידי השלטונות היפניים. נפלה בחלקי הזכות להיות מזכיר ההוצאה לאור של כתב עת זה בין השנים 1941-1943.

משנחאי החלה ההגירה של הנוער הציוני מסין. הקבוצה הראשונה של חלוצים מסין - יצאה לפלסטינה משנחאי על אניה "טרייסט" ב-20 לאפריל 1920. בקבוצה היו 21 אנשים מחרבין. 15 - ממנצ'וריה, 9 - מולדיבוסטוק, 3 - משנחאי, ביניהם המהנדס גבריאל רבינוביץ', דוד של רינה קרסנו הנמצאת עתה עימנו.

קבוצה שנייה של 26 איש יצאה במאי 1921 על האניה "פורטוס", וקבוצה שלישית של 44 איש יצאה ב-12 ליוני 1921.

כעבור 28 שנה עזבו את שנחאי אלפי מהגרים לארצם המתחדשת, על האניות "ווסטר ויקטוריה" ו"אנה סלין".

תפקיד מרכזי בחיי יהודי סין היה לארגון הציוני "קדימה", שהיה המבשר של הקהילה האשכנזית והמרכז היהודי היחיד בשנחאי במשך שנים רבות.

אין ספק שהפריחה של יהדות שנחאי הגיעה בתקופת מלחמת העולם השנייה. כאשר בערו בתי הכנסת באוסטרליה, פולין ובלורוס. כאן נמצאו

הישיבות המובילות "ישיבת מיר", "ישיבת לובביץ'". כאן יצאו לאור מחדש מחזור תפילות, תלמוד ושולחן ערוך.

יהודים דוברי גרמנית, למרות מצבם הכלכלי הקשה הצליחו להקים מחדש קהילה יהודית ובה תיאטרון, תנועות ספורט, כלל המפלגות המרכיבות את התנועה הציונית - כל זה נוצר תוך כ-10 שנים מאז הגיעם מאירופה לשנחאי.

במשך 120 שנה היו בסין 13 קהילות יהודיות בערי המדינה. חוץ מהקהילות הגדולות כמו שנחאי וחרבין, היו גם קהילות קטנות יותר כמו זו בחנקואו, שם ראשוני המתיישבים היהודים הגיעו ב-1912. ב-1934 בחנקואו היו 40 משפחות יהודיות אשר הצליחו רק ב-1934 להקים בית כנסת בעירם, כאשר נשלחו מאמריקה ספרי תורה. פתיחת בית הכנסת לוותה בטקס חגיגי, בנוסף הוקמו מוסדות תרבותיים-חינוכיים, מוסד לעזרה סוציאלית, וחברה קדישא.

הקהילה הציונית בחרבין הייתה קשורה ליהודי חנקואו. עם הקמת ברית לאומית של יהודי המזרח הרחוק ב-1937 קהילת יהודי חנקואו הייתה ביניהם. וכך, 40 משפחות יהודיות מחנקואו ו-20 משפחות מציצקר, 200 יהודים מצינדאו, ו-50 משפחות ממוקדן המשיכו בחיים הלאומיים בסין.

היכן טמון סוד הפריחה של חיים לאומיים יהודים בסין? שאלה זו הצגתי בפני מספר יהודים מובילים מתוך יהדות סין, אשר אותם פגשתי ואיתם עבדתי בישראל ובסין.

משה נובומייסקי היה עד שנות ה-20 נשיא הברית הלאומית של יהודי סיביר, אורל והמזרח הרחוק בעיר אירקוצק ואשר קהילת יהודי סין השתייכה לו. מאוחר יותר היה אחד המובילים של התעשייה בפלסטניה ואשר הקים את חברת האשלג הארץ-ישראלית בים המלח. בהיותו בישראל אמר לי, שהקהילה היהודית השתמרה בסין מאחר והיא כמו יהדות דרום אפריקה הייתה במיעוט כפול - מיעוט בין מיעוטים: במנצ'וריה בין הרוסים, בשנחאי בין זרים, לא עוד מיעוט כמו יהודי ארה"ב, אלא עוד מיעוט מבודד בין העם הסיני.

הרב אהרון-משה כיסילב ז"ל, שהיה הרב הראשי של חרבין ושל יהדות המזרח הרחוק, בתקופה בה הייתי מזכיר בשנים 1946 עד 1949, אמר שיהדות סין נשמרה אך ורק הודות למסורת, עזרה לזולת וגמילות חסדים.

אבא איזגור, שהיה מחנך משכמו ומעלה, מנהל בית ספר יהודי בטינצזין ואשר בשנותיו האחרונות חי בארה"ב ענה לי באחד המכתבים על שאלתי: "חינוך לאומי והשכלה".

ד"ר סולומון רביקוביץ', יו"ר לשעבר של קהילת יהודי חרבין היה אחד המשתתפים הראשונים בקונגרס הציוני בחיפה שם הצביע על המאבק

הלאומי נגד האנטישמיות אשר מדי פעם הרימה ראש ואשר לא נתן לשכוח שאנחנו יהודים.

אלכסנדר יבזרוב, עסקן ציוני חשוב מסיביר והמזרח הרחוק, באחת ההופעות שלו באגוד יוצאי סין בישראל, אמר שהקהילות היהודיות בסין יכלו להתקיים ולפרוח מאחר ובראשם עמדו אנשי ציבור בולטים, אשר יכלו לעמוד בראש הקהילות הגדולות באירופה כמו הרב א.מ. קיסילב, ס.י. רביקוביץ', נ.ב. עזרא, ד"ר א. קאופמן, א.ס. איזגור ועוד'. אבי, זכרוננו לברכה ד"ר א. קאופמן, בהגיעו לישראל אחרי 16 שנות מאסר במחנות עבודה של ברית המועצות לשעבר, חשב, שמה שמר אותנו זה הציונות והרעיון להקמת ישראל כמדינת העם היהודי. מי צדק? כולם. ניצח השילוב בין כל הגופים, אשר נתנו לנו אפשרות להישמר כאומה בכל פינות העולם. ובסין, נתן לנו העם הסיני מקלט לאורך 70 שנים בהיסטוריה הארוכה של העם היהודי.

רק כאן על אדמת סין, נקשרו גורלות של יהודים וסינים, על אדמת שנחאי ובהונגקיו. שילובי גורל בצמצום זכויות הפרט, ומצב כלכלי קשה הובילו להבנה הדדית, ידידות ועזרה הדדית.

מיליוני יהודים הובלו לתאי הגזים באושוויץ על אדמת פולין שדם יהודי מחלחל מאדמתה ורק 20000 יהודים מאירופה הגורל שלח אותם לחיים, אל אדמת שנחאי.

ב-1929, לפני 65 שנה פורסמה הצהרת בלפור. שר החוץ הסיני דאז שו ואן, שלח לארגון הציוני של היהודים הספרדים בשנחאי מכתב ברכה: "נעים לקרוא בכל מיני מקורות על כך שהעם היהודי הצליח בשנים האחרונות להגיע להישגים ולזכות במעמד מכובד. העם סיני מעמיד גם הוא בפני עצמו שאלת ההקמה מחדש ועל כן רוחש סימפטיה רבה לעמים אחרים בעלי שאיפות זהות".

אך לא רק 65 שנים אלו, ולא רק תקופת הקיום של הקהילות היהודיות בסין היו בסיס ליחסים הדדיים בין סין לישראל. היסטוריה, טרגדיה, ומאבק של שני העמים. פילוסופיה של הישרדות הייתה בסיס לשיתוף, למרות ההבדלים בכמות האנשים, גודל השטח והמרחק.

אחד הסמלים של סין - החומה הסינית העתיקה, שנוצרה על ידי אדם והעומדת כבר מאותו שנים והיחידה הנראית מהירח "שומרת" על העם הסיני.

גם סמלנו הקדוש - הכותל המערבי - הסמל לנצחיות העם היהודי שנותר מבית המקדש שנחרב והמרוחק ששת אלפים קילומטר מהחומה הסינית, האבנים מביטות בנו דרך אלפי שנים, סמל לשתי אומות עתיקות, אשר העניקו רבות לאנושות ואשר סבלו רבות.

קבלת פנים בבית השגריר

יוסי קליין מברך בבית השגריר

אילנה וג'ורא לסק בבית השגריר

אבי פודולסקי

- סיפור חיי

בעקבות זה נוהל ע"י ועדת הפרויקט שבראשה עמד דיקן הפקולטה למדעי הטבע.

בנוסף לתפקיד הקיים התמניתי להיות מהנדס אחראי בנושאי הפרויקט בתחום הנדסה אזרחית וכדי להפוך את הקמפוס בגבעת רם לקמפוס מדעי הטבע. הפרויקט השתרע על שטח כ-40000 מ"ר והתנהל לפי ותוכניות מתואמות ומאושרות ולפי לוח זמנים שנקבע בכדי לא לפגוע בשנות הלימודים.

הנהלת האוניברסיטה החליטה להגיש את פרויקט זה לוועדה ממשלתית שעסקה בהענקת "פרס ישראל" לאותה השנה - נאלצנו לקבל פרס שני והוקרה מהועדה.

לאגוד יוצאי סין "משך" אותי יו"ר האגוד אז מר ת. קאופמן. אני מאוד אהבתי להיפגש איתו במשרדו בבית פונבה בתל-אביב, לשוחח על חרבין שלנו, להיזכר על החיים בעיר, "לטייל" ברחובות העיר, לדבר על המורים בבית הספר

(זכור לי שלא פעם הזכרנו את בית הספר שלנו "תלמוד תורה"), על בתי הכנסת שהתפללתי עם המשפחה. אגב, טקס בר מצווה שלי התקיים בבית הכנסת הישן, בביקור הראשון שלי בחרבין כבר לא מצאתי את בית הספר שלנו - המבנה נהרס ובמקומו נבנה בנין חדש. זכור לי ששוחחנו על בית הקברות היהודי שנשאר בחרבין ואני בזמנו סייעתי ל-XEDO לרשום בעברית את הנוסח העברי על המצבות שהוצבו בבית הקברות.

הנהלת האגוד מינחה אותי כאחראי בתחומי אחזקה בבית פונבה ובבית הכנסת שלנו ברמת החייל.

ברצוני לציין שהנהלת האגוד הנוכחית עם יו"ר יוסי קליין ממשיכה לנהל באחריות את ה"אגוד" שלנו ובעזרת הבולטין לקיים את הקשר המתמיד עם יוצאי סין בארץ ובחו"ל.

באוקטובר השנה הגעתי לגיל ה-80 ולשאלה, "כיצד אני מרגיש?" אני משיב "מרגיש יותר צעיר מהגיל שלי".

אני רוצה לאחל לכל אנשי אגוד יוצאי סין הרבה בריאות, חג חנוכה שמח, שהאגוד ימשיך להתקיים וימשוך את הדור הצעיר להיות יותר מעורב בפעילות של האגוד.

נולדתי ב-1936 בחרבין, שם סיימתי שבע שנות לימוד בבית הספר היהודי "תלמוד תורה" והשלמתי את שלוש שנות לימוד בבית הספר של המכון הרוסי בחרבין ובתום הלימודים קבלתי תעודה-דיפלומה בשפה הרוסית.

התחתנתי בחרבין ב-1960. הבן אלכס נולד בחרבין באפריל 1961 והבת גליה נולדה בירושלים ב-1973. לנו 4 נכדים - 2 בנים של גליה ובן ובת של אלכס.

בין השנים 1953 - 1958 הייתי סטודנט בפוליטכניקום בחרבין (ХПИ) במגמה בנין והנדסה אזרחית ובתום 5 שנות לימוד קבלתי דיפלומה - מהנדס בנין.

המשפחה עלתה לישראל באוקטובר 1961. צעדים הראשונים בארץ היו לא קלים. הסוכנות העבירה אותנו לבאר-שבע לאולפן אקדמאים. ההורים נשלחו למגורים לנצרת - עלית.

העבודה הראשונה שלי הייתה במפעלי ים המלח כמהנדס אזרחי ובתום כשנתיים עבודה במפעלי ים המלח, עזבנו את באר שבע ועברנו לירושלים והתקבלתי לעבודה כמהנדס בנין באוניברסיטה העברית במחלקת המשק באגף בנין ואחזקה.

עם פרוץ מלחמת ששת הימים גויסתי לצבא ושרתי בחוליית מודדים של הגדוד מרגמות כבדות הירושלמי ובמלחמת הכיפורים במסגרת פעילות בגדוד הירושלמי הגענו עד לתועלת סואץ.

לאחר מלחמת ששת הימים הנהלת האוניברסיטה החליטה לאחד כל ארבעת הקמפוסים האוניברסיטאיים (גבעת רם, הר הצופים, עין כרם - פקולטה לרפואה ופקולטה לחקלאות ברחובות) תחת גג אחד והתמניתי להיות מהנדס ראשי בכל הקמפוסים בנושא תחזוקה של המבנים, השטחים החיצוניים באוניברסיטה בתחומי הנדסה אזרחית. השטח הכולל של כל המבנים כ-800000 מ"ר.

הוחלט להעביר את כל שטחי הפקולטות בקמפוס גבעת רם למבנים חדשים ומתקנים בקמפוס בהר הצופים ולקלוט את השטחים והמבנים בעיר (כימיה ביולוגיה, גנטיקה, מדעי האטמוספירה, זואולוגיה) ולהעבירם לשטחים שהתפנו בקמפוס גבעת רם. הפרויקט שנוסד

סיבה (אבי) פודולסקי הבעל, האבא הסבא והאח היקר והאהוב.

To Seva Podolsky on his 80th birthday

הגעת לגיל גבורות, 80 זה גיל מאוד מכובד ומפואר

ברצוננו לברך ולחבק ותמשיך להיות בריא ומאושר

מאחלים שתזכה לחיים ארוכים, כמו שנאמר עד 120 שנים.

נטשה

גליה וסאשה

דנה, רוי גיא וטל

אסתר וצבי

סין וישראל מאיבה לקרבה

מופיעים בו. הספר, שגרסה קודמת שלו פורסמה באנגלית בסוף שנות התשעים, כולל מקורות ומאמרים נוספים ומעודכנים המתייחסים ליחסים בין שתי המדינות עד היום. הוא מיועד לסטודנטים ולקהל קוראים רחב, מקצועי ולא מקצועי כאחד.

את המהדורה הראשונה באנגלית ערך פרופ' יונתן גולדשטיין מאוניברסיטת ג'ורג'יה המערבית בארצות הברית - ידיד גדול של איגוד יוצאי סין. את המהדורה הנוכחית ערך פרופ' יצחק שיחור, פרופ' אמריטוס מהאוניברסיטה העברית בירושלים ומאוניברסיטת חיפה. להלן הפרק המסכם של הספר שנכתב על ידי פרופ' יונתן גולדשטיין בצרור תוכן העניינים ושמות המשתתפים בקובץ. מסיבות טכניות נאלצנו להוריד את "הערות השוליים" של הפרק המסכם.

הקובץ "סין וישראל מאיבה לקרבה" כולל מאמרים שעוסקים בזיקה בין משתי המדינות לפני כינון היחסים הדיפלומטיים ואחריהם. בין השאר נדונים בהם הרקע ההיסטורי והיהודי. ההיבטים הדיפלומטיים, האסיאניים והמזרח תיכוניים. תפקיד המפלגה הקומוניסטית, תהליך הקמת היחסים, הממדים הבינלאומיים, הצבאיים והכלכליים של היחסים וכן התפתחות הקשרים בין ישראל, הונג-קונג וטייוואן. המחברים משקפים שילוב של העולם המחקרי- אקדמי ושל העולם המעשי- דיפלומטי.

זהו ספר ראשון מסוגו בעברית העוסק ביחסי ישראל- סין ובמהפך שחל בהם מניתוק ואיבה לידידות וקרבה. המאמרים מבוססים על מסמכים ומקורות ראשוניים ועל ניסיון אישי. נוסף למראי המקומות בכל מאמר, נכללת בספר רשימת קריאה ובה פרסומים שאינם

מ'עם' ל'אומה', הקרב במעלה ההר - סיכום - יונתן גולדשטיין

בבז בשם 'אי ההזדהות', גילו שאין טעם בהתנכרות זו. אי הזדהות תחרותית לא הייתה עוד דוקטרינה או נוהג. לא היה עוד מישהו שעמו אי אפשר להזדהות.

מבחינה היסטורית, גם הסינים וגם היהודים התחבטו לגבי תפיסת האומה. כל עם הכריז על עושרו התרבותי הייחודי ואפילו על עליונותו על פני כל שאר העמים, ובהקשר זה, הן הפרשנות הסינית הן היהודית למושג 'לאומיות' לא הייתה חריגה. האמריקני הפרוטסטנטי הטוען

המאמרים שנכללים בספר מתחקים אחר קשרי הגומלין בין שתי תנועות לאומיות - זו של הסינים וזו של היהודים - במאות התשע עשרה, העשרים והעשרים ואחת. מודגשים בו קשרי הגומלין בין העמים והמדינות, בהתעלם מהבדלי הגודל, אף שברור שאנו דנים במדינה ובגזע הגדולים ביותר בעולם מצד אחד, ומצד שני, במילותיו של נשיאה הראשון של ישראל חיים וייצמן, ב'מדינה בגודל של מפת שולחן'.

מערכות יחסים בין מדינות ואומות מושפעות מתמורות פוליטיות ואידאולוגיות, הן פנימיות הן בין-

לאומיות. בשנים 1917-1945, הרפובליקה של סין, שנוסדה בשנת 1912 והייתה נתונה לכיבוש זר במשך חלק ניכר מתקופה זו, קידמה בברכה את השאיפות הלאומיות של היהודים, עם נרדף וחסר מדינה במשך 1,900 שנה. כשהסינים נפטרו משרידי הקולוניאליזם בשנות הארבעים של המאה העשרים הם החלו לטפח גאווה לאומית. בה בעת, הם נעשו רגישים לתנועות הלאומיות הערבית העולה ולתנועה האפרו-אסיאנית, שעמדו בסתירה ללאומיות היהודית. בראשית שנות התשעים, בעקבות מלחמת המפרץ והתמוטטות ברית המועצות, הבינו שתי מדינות סין - העממית והלאומנית - כי מדינת ישראל היא עובדה קיימת, וראויה להכרה מצד המדינות האסיאניות. לאותה הבנה הגיעו גם אש"ף, מצרים, ירדן, ומספר גדל והולך של מדינות ערביות ואסלאמיות נוספות, וכן חלק ממדינות העולם השלישי. במילותיו של שר החוץ לשעבר אבא אבן, גם הרפובליקה העממית של סין ואפילו הודו ש'דחו את ישראל

15 כי 'דרך החיים האמריקנית' היא אור לכל הגויים שואב באופן מילולי מהרעיון התנ"כי של העם הנבחר; הצרפתים מדברים על מחויבותם להקנות ערכים תרבותיים (mission civilisatrice); הגרמנים תובעים תוקף אוניברסלי לפילוסופיה הגרמנית. ואולם, יש שוני איכותי בין התביעות הסיניות והיהודיות ללאומיות לבין תביעותיהם של האמריקנים הפרוטסטנטים, הצרפתים או הגרמנים. הסינים והיהודים, במשך מאות שנות רדיפות, אפליה, קולוניזציה ותבוסה, ביקשו גם הכרה כשווים במשפחת העמים - מה שהיה ניגוד יוצא דופן לרעיון העליונות. האמריקנים הפרוטסטנטים, הצרפתים והגרמנים לא חלקו תחושת קורבנות כזו יחד עם תפיסות של עליונות ורצון בהכרה בין-לאומית במשך זמן כה רב. כפי ששגריר הרפובליקה של סין, ו'לינגטון קו (Wellington Koo) אמר לשליח הציוני אליהו אפשטיין (אילת) בשנת 1945, 'גם העם הסיני מכיר את כאב הרדיפה והאפליה המבוסס על גזע או לאום'. התפיסה הסינית בדבר ייחודיותם הייתה טבועה ברעיון מימי הקיסרות

באנונימיות שלוה. כפי שג'פרי וויטקרופט (Geoffrey Wheatcroft), מחבר הספר, *The Controversy of Zion: Jewish Nationalism*, העיר *the Jewish State and the Unresolved Jewish Dilemma*, בנוגע לישראל במלאת לה חמישים שנה: 'מדינה זו, הרואה עצמה "ככל המדינות" היא בערך בגודל של רומנוס ובעלת אוכלוסייה כמעט כמו זו של צפון קרוליינה, אבל נראה שבעשורים האחרונים מוקדשים לה טורים בעיתונים וזמן אוויר בטלוויזיה רבים יותר מאשר להודו או לאמריקה הלטינית. זה אינו סוג הנורמליות שכן גוריון חזה. האם יהיה זה מוגזם לקוות שבזמן שישראל תגיע ליום הולדתה המאה, היא תהיה באמת מדינה ככל המדינות ולא נקרא או נשמע על אודותיה יותר משנקרא ונשמע על דנמרק או קוסטה ריקה?'

כפי שמתברר מספר זה, נכון לשנת 2012, כאשר סין וישראל חגגו עשרים שנות יחסים דיפלומטיים, תחום אחד של נורמליות עבור סין ועבור ישראל הוא יחסי הגומלין בין שתייהן. חרף מגוון רחב של דעות בפוליטיקה הסינית והישראלית בנוגע לסוגיות פוליטיות, אתניות ודתיות, קיימת כמעט הסכמה מוחלטת בנוגע לחשיבות המתמשכת של הקשרים המיוחדים הללו בין שתי המדינות. בקרב הסינים, משותפת הסכמה זו הן בין קומוניסטים בלתי מתפשרים הן בין קפיטליסטים לוחצים, ובקרב הישראלים משותפת הסכמה זו למפלגות הקומוניסטיות, למפלגת העבודה, למפלגה הדתית הלאומית ולמפלגת הליכוד השלטת. מצד ישראל, קיימת היסטוריה ארוכה להסכמה זו, ששורשיה טמונים בימים שרוויזיוניסטים כדוגמת תושבת שנגחאי ואזרחית ישראלית לעתיד יהודית האסר (Judith Hassler), אנשי מפלגת העבודה כדוגמת אליהו אילת, וציונים כלליים כדוגמת ישראל גולדשטיין, כולם שידלו את הרפובליקה של סין שתתמוך במדינה יהודית. אהרן שי טוען כי אחרי 1987, אפילו המפלגה הקומוניסטית הישראלית שנטתה לצד מוסקבה השלימה עם סין הדה-מאואיסטית. מדיניותן של ממשלות ישראל, שהחזיקו במגוון אידאולוגיות פוליטיות כלפי הרפובליקה העממית של סין, הייתה רכה יותר מהתפיסה האמריקנית של 'חיבור נאור' עמה. כאשר הדלאי לאמה הגולה מטיבט הגיע לישראל ב-1994, וכאשר הפעיל הסיני המתנגד למשטר הארי וו (Harry Wu) ביקר בישראל שנה אחת אחר כך, כמעט כל שרי הממשלה התחמקו ממגע עם אורחים אלו השנויים במחלוקת. ייתכן ומשמעותית באותה מידה היא העובדה כי המבקרים התקבלו בשקט מצד האנשים ומצד התקשורת, ללא תרועת החצוצרות שאפפה כעניין שבשגרה ביקורים מעין אלו במקומות אחרים. יום השנה החמישי לטבח הסטודנטים בכיכר טיאנאנמן ב-4 ביוני 1989 צוין בשקט בישראל בכמה מאמרי מערכת. נראה היה כי האוכלוסייה הישראלית, כמו גם ממשלתה, הכירו בחשיבות הנורמליזציה שהייתה קשה מאוד להשגה עם שתי מדינות סין וחששו מ'הפרעה בהתקדמות'.

עד כמה הקשרים בין סין לבין ישראל יציבים כיום? כפי שמציין השגריר בדימוס משה יגר באסופת מאמרים זו, יחסי הרפובליקה העממית של סין עם ישראל מוצקים, אחרי חמישים שנה של עליות ומורדות. אמנה מסחרית בין שתי המדינות נחתמה באוקטובר 1992. בפברואר 1993 הסכמים מדעיים, רפואיים ותרבותיים קיבלו תוקף. במסגרת הסכמים אלו ואחרים, ערך היצוא הישראלי לסין, עלה מ-22.8 מיליון דולר בשנת 1991 לכ-2.6 מיליארד דולר בשנת 2014. היצוא של סין לישראל עלה מ-2.6 מיליון דולר בשנת 1991 לכ-6 מיליארד דולר ב-2014. חלק מגידול זה כלל משלוח ראשון של פחם מסין עבור חברת החשמל שנפרק בנמל אשדוד באפריל 1993. משנת 1991 הודפסו כתבי עת סיניים בעזרת טכנולוגיית הפרדת הצבע של 'סייטקס' (Scitex), חברת מחקר ישראלית גדולה. 'אל על' חברת התעופה הישראלית מפעילה שירות קבוע בין בייג'ינג והונג קונג לבין תל אביב. השפה העברית נשמעת בדרך כלל בקרב קבוצות תיירים ב'עיר האסורה' בבייג'ינג. דו-שיח חשוב בין אנשי אקדמיה ישראלים וסינים, שלא היה קיים כלל בראשית שנות השמונים, למעט ביקורו של הארולד צ' שיפרין (Harold Z. Schiffman),

הסינית של ג'ונגגואו (Zhongguo, 'הממלכה התיכונה'), שהגדיר את סין באופן מילולי כמדינה המרכזית ביקום, והמוקד הרוחני, הפוליטי והתרבותי של העולם. בשנת 1793, בסיכום קלאסי של תפיסה זו, הודיע הקיסר הסיני למלך אנגליה ג'ורג' השלישי ש'הטוב המלכותי של שושלתנו חודר לכל מדינה תחת השמים ומלכי כל המדינות שלחו את המס היקר דרך היבשה ודרך הים [...] חובה עליך, הו מלך, לכבד את רגשותיי ולהפגין מסירות ונאמנות גדולים אפילו יותר בעתיד, כך שבאמצעות כניעה נצחית לכס מלכותנו, תוכל להבטיח שלום ושגשוג עבור ארצך בעתיד'. במאה התשע עשרה ובראשית המאה העשרים ניצבו הסינים בפני דילמה קשה, בנסותם ליישב בין תחושת העליונות הלאומית לבין המציאות העגומה שבה הוכו שוב ושוב על ידי המעצמות הקולוניאליות. ב-10 באוקטובר 1942, ביום השנה למהפכת 1911 בסין, מנהיגים ומשכילים סינים שמחו כאשר ארצות הברית ובריטניה הכריזו על ויתורן על זכויותיהן האקסטרטריטוריאליות ועל נכונותן לשאת ולתת על חוזים חדשים עם הרפובליקה של סין, שיתבססו על שוויון והדדיות. ב-11 בינואר 1943, חוזה סיני-אמריקני כזה נחתם בווישינגטון, וחוזה סיני-בריטי דומה נחתם בצ'ונגקינג (Chungking, צ'ונגצ'ינג Chongqing), לין יו-טאנג (Lin Yutang), הסופר הסיני המפורסם ביותר במערב, שיבח את 'חשיבותם של החוזים הישנים והחדשים ואת מעמדה החדש של סין כמדינה עצמאית'. הנשיא ג'ואנג קאי-שק (Chiang Kai-shek) הכריז, 'עם ביטול החוזים הבלתי שוויוניים, השיגה סין מעמד חופשי ובלתי תלוי [...] מדינתנו נמצאת כעת במעמד של שוויון עם מדינות אחרות'. הוא הוסיף, בהתייחסו גם לזכויות היתר שרוסיה הצארית סחטה מידי שושלת מאנג'ו הסינית, ש'המעצמות הגדולות - ברית המועצות, בריטניה וארצות הברית - רצו לראות בהתגשמות השחרור של אומתנו והעצמאות והחירות של מדינתנו. ולכן, הם [...] ביטלו את החוזים הבלתי שוויוניים שהיו בעלי אחיזה חזקה בסין'.

היהודים היו בעלי תפיסה דומה באשר לייחודיות העם שאינה באה לידי ביטוי מלא בשל מציאות הרדיפות, ומכאן גם רצונם במדינה עצמאית. אחת מנקודות השיא בתפילה בבית הכנסת היא ההכרזה שאלוהים 'בחר בנו מכל העמים' וכי הוא המחיש מחויבות זו בהענקת חוקתו (התורה) ליהודים במקום לעמים אחרים. יהודי מאמין, יום-יום לפני קריאת 'שמע', או עיקר האמונה היהודית, מודה לאל ש'בנו בחרת מכל עם ולשון'. יהודים מאמינים רבים גם משבחים את האל 'שלא עשנו כגויי הארצות, ולא שמנו כמשפחות האדמה. שלא שם חלקנו בהם, ולא גורלנו ככל המונס. שהם משתחוים להבל וריק, ומתפללים אל אל לא יושע'. ספר זה מצביע על כך שבעת שהסינים והיהודים חלקו את הרטוריקה של היותם נבחרים האל ועמים 'מיוחדים', רדיפתם במציאות הפכה חלקים נרחבים מהם ללאומנים פרגמטיים. בעת היווסדה של ישראל בשנת 1948, ראש הממשלה דוד בן גוריון חזר על האמרה הציונית הישנה ש'זו זכותו של העם היהודי, בדומה לעמים אחרים, לקבוע את ההיסטוריה שלו תחת ריבונותו'. הציונים שאפו ליצור חוף מבטחים עבור קבוצה של בני אדם שזהותם כ'עם' הוגדרה לא רק באמצעות האידאולוגיה שלהם אלא גם בשל אי קבלתם בארצות שבהן חיו. פליטים אלו יכלו להתקבל עתה כאזרחים גאים של מדינה הנהנית משוויון מלא בקרב קהילת העמים. זו הייתה גם מטרתם של הסינים, אם לצטט דוגמה אחת, שקלטו באי-האין (Hainan) ובמקומות אחרים כ-250 אלף סינים שנמלטו מווייטנאם בשנים 1978-1979.

בעת שישראל, הרפובליקה של סין והרפובליקה העממית של סין שואפות להתקבל אל חיק הקהילה הבין-לאומית ואף השיגו מטרה זו בקשרים ביניהן, נמשכות בקרבן האמונות ב'ייחודיות העמים'. במובנים רבים, גם הסינים וגם היהודים נותרו אומה שאינה דומה לשום אומה אחרת. המציאות הקשה של מלחמה וסכסוך מקומי הציבו באופן תמידי את שלושת המדינות באור הזרקורים הבין-לאומי זה כמעט חמישים שנה, וקשה להניח שבמהלך השנים הבאות תשקע אחת מהן

תוכן העניינים

פתח דבר
יונתן גולדשטיין

אני הייתי שם: נקודת המבט של קונסול הכבוד של ישראל בשנגחאי,
בשנים 1951--1949 איזידור א' מגיד

סין והמזרח התיכון הערבי, 1996--1948: נקודות מבט ערביות
ליליאן קרייג האריס

המוטיב ההגמוני: סין והמזרח התיכון, 1998--1949
אנתוני אלכסנדר לו

מדיניות המפלגה הקומוניסטית הישראלית כלפי סין, 1998--1949
אהרן שי

מקומה של הונג קונג ביחסי סין-ישראל
ראובן מרחב ויצחק שיחור

1991, שנת ההכרעה
זאב סופות

כינון יחסי סין-ישראל: השלכותיו על דרום מזרח ודרום אסיה
משה יגר

דרום אסיה והקשרים הדיפלומטיים בין סין ובין ישראל
פ"ר קומאראסוואמי

הגורם הסיני במשוואת הביטחון המזרח תיכונית: נקודת מבט
ישראלית
יצחק שיחור

בייג'ינג וירושלים: יחסים דיפלומטיים והזירה הבין-לאומית
אהרן שי

כלכלה, מדע וטכנולוגיה ביחסי ישראל-סין
יורם עברון

מערכת יחסים מרובעת: ישראל, סין, טייוואן וארצות הברית משנת
1992
יונתן גולדשטיין

יחסי טייוואן וישראל
ערן נבון

מ'עם' ל'אומה', הקרב במעלה ההר - סיכום
יונתן גולדשטיין

לקריאה נוספת

המשתתפים בקובץ
מפתח

החל להתבסס באוגוסט 1992 במסגרת סימפוזיון על מערכת היחסים
הסינית-יהודית שהתקיים באוניברסיטת הארווארד ואורגן על ידי
עורך אסופת מאמרים זו. שישה מומחים במערכת היחסים הסינית-
יהודית מהרפובליקה העממית של סין הצטרפו לכנס הבין-לאומי, שבו
השתתפו 157 איש. את הכנס פתחו השגריר מיכאל שילה, ששימש
באותו זמן כסגן ראש המשלחת של ישראל בארצות הברית, ובוריס
ברסלר, ששימש אז כארכיונאי של 'איגוד התושבים היהודים של סין
לשעבר' בתל אביב.

האם יכולה מערכת יחסים חזקה לכאורה זו להאריך ימים? ככל הנראה
היא לא תקרוס בשל סוגיות קטנות, כגון רכוש ישראלי ויהודי שסין
החרימה בשנים הראשונות לקיומה של הרפובליקה העממית של סין.
יחסי סין עם ארצות הברית לא השתבשו לזמן רב בשל השתלטות
הרפובליקה העממית של סין בשנת 1949 על תחנת הכוח - Boise-
Cascade בשנגחאי או על מסילת ברזל בבעלות אמריקנית מוואהן
(Wuhan) לקנטון. ההיבט הצבאי ביחסי סין וישראל נמשך, וזאת מפני
ששתיהן חולקות דאגה משותפת בנוגע לכוח העולה של הפונדמנטליזם
האסלאמי במרכז אסיה וטרור אסלאמי בסין עצמה.

חרף אינטרסים משותפים חזקים אלו, הדבר שעלול למוטט את
מערכת היחסים הוא טלטלה במנהיגות רמת הדרג של סין. יחסי סין
עם ארצות הברית השיגו שוויון וכבוד הדדי מלא בשנת 1943, עם
ביטול ההסכמים הלא-שוויוניים מהמאה התשע עשרה ומראשית
המאה העשרים. ברם, כאשר התחלף המשטר בסין בשנת 1949
הידידות התפרקה והרפובליקה העממית של סין עשתה דמוניזציה
של ארצות הברית בעשרים השנים הבאות. סין וישראל יצרו ביניהן
מערכת יחסים תחת מנהיגים סינים מזדקנים כדוגמת דנג ס'אן-פינג
(Deng Xiaoping). מנהיג סיני חדש - קומוניסט או לא - יכול לעשות
דמוניזציה של ישראל בדיוק כפי שעשתה סין לגבי ארצות הברית
וישראל בשנות החמישים והשישים, ויחסייהן עלולים להידרדר בדיוק
באופן שבו יחסי ישראל-מצרים הידרדרו לזמן מה לאחר נפילת חוסני
מובארק. אופורטוניסטים סינים יכולים לטעון שוויתורה של ההנהגה
הקודמת על השוויון לא שירת את האינטרס הסיני. אדרבה, הייתה זו
כניעה להגמוניזם (באצ'ואנג'ואי, (baquanzhuyi המערבי. הסבירות
שתרחיש כזה יתממש נראית רחוקה, מאחר שסין עברה את המהפכה
השנייה (או השלישית) שלה, שהיא נפתחת לעולם החיצון ומבססת
מטרות לאומיות חדשות. נראה כי סין להוטה ללמוד מניסיונה של
ישראל במדע, בחקלאות ובטכנולוגיה. נכון לשנת 2015, היחסים בין סין
לבין ישראל בנויים על בסיס הוגן ושווה, והקשרים בין השתיים רווחיים
ומתפקדים ללא מהמורות בהתאם לפרמטרים המבוססים, ולאופיים
של היחסים ה'לא רשמיים באופן רשמי'. הסדרת הקשרים בין טייוואן
לבין ישראל מתאפשרת, במידה לא מועטה, בשל הנורמליזציה ביחסים
בין ישראל לבין סין.

מצוטט אצל Martin Peretz, 'Jubilee', The New Republic 218, no. 19 (May 11, 1998): 54
הנשיא הישראלי הראשון שביקר ברפובליקה העממית של סין, העיר
הערה דומה להערותיו של וייצמן. בעת ביקורו, שר הרכבות הסיני האן
ג'י-בין (Han Zhubin) אמר להרצוג שבסין יש כ-57 אלף קילומטר של
מסילות ברזל. הרצוג, שהיה נבון מכדי לציין כמה קטן היקף מסילת
הברזל בישראל, זכר ששנים רבות קודם עמד מנהל רכבת ישראל
במצב דומה בביקור שערך בארצות הברית. הרצוג ענה ששכח מהו
אורכן המדויק של מסילות הברזל בישראל, אבל ציין שרוחבן דומה לזה
שבסין. Chaim Herzog, Living History: A Memoir (New York: Pantheon, 1996), p. 399
על שתנועתו קיבלה 'מדינה בגודל של קנט' אבל הוסיף, ש'לא הקשיבו
לדעותיי, מאחר שהרעיון של מדינה עצמאית, קטנה ככל שתהיה, היה
בעל חשיבות כה גדולה עבורנו'.

פרופ' יונתן גולדשטיין מכהן כפרופסור להיסטוריה של מזרח אסיה באוניברסיטת מערב ג'ורג'יה (University of West Georgia), ומשנת 1981 ועמית מחקר במרכז על שם פיירבאנק ללימודי סין (Fairbank Center for Chinese Studies) באוניברסיטת הרווארד מ-1985. מספריו: Stephen Girard's Trade with China (2011); The Jews of China (2 vols.) (1999) China and Israel 1948-1998 (1999) America Views China: American Images of China Then and Now (1990); Georgia's East Asian Connection (1983, 1990); Philadelphia and the China Trade, 1682--1846: Commercial, Cultural, and Attitudinal Effects (1978)

פרופ' יצחק שיחור עמד בראש הקתדרה ע"ש מייקל וויליאם ליפסון (Michael William Lipson Chair) בלימודי מזרח אסיה באוניברסיטה העברית בירושלים. כיהן כראש החוג וכן כראש החוג למדע המדינה, שימש כראש המכללה האקדמית תל חי, ובחוג ללימודי מזרח אסיה באוניברסיטת חיפה. מספריו:

The Middle East in China's Foreign Policy (1979, 1981, 2008); 1949--1977 China's Defense Capability: The Implications of Military-to-Civilian Conversion (1995); Military-to-Civilian Conversion in China: From the 1980s to the 1990s (1993); A Multiple Hit: China's Missile Sale to Saudi Arabia (1991); East Wind over Arabia: Origins and Implications of the Sino-Saudi Missile Deal (1989); Small Cracks in the Great Wall: The Prospects of Sino-Israeli Relations (1987)

ד"ר ליליאן קרייג האריס (Lillian Craig Harris) היא חוקרת עצמאית של הקשרים הסינו-ערביים המתגוררת בסודאן. מספריה:

China Considers the Middle East (1993); China's Foreign Policy Toward the Third World Libya: (1985) Qadhafi's Revolution and the Modern State (1986); היא העורכת של Egypt: Internal Challenges and Regional Stability (1988); China and the Third World: Champion or Challenger? (1986)

פרופ' פ"ר קומרסוואמי (P.R. Kumaraswamy) הוא פרופסור ללימודי המזרח התיכון באוניברסיטת ג'אוואהרלאל נהרו בניו דלהי. בשנים 1992-1999. הוא היה עמית מחקר במכון למחקר על שם הרי ס. טרומן לקידום השלום באוניברסיטה העברית בירושלים. בין פרסומיו:

India's Israel Policy (2010); Historical Dictionary of the Arab Israeli Conflict (2010); Beyond the Veil: Israel-Pakistan Relations (2000); Israel's China Odyssey (1994); Caught in Crossfire: Civilians in Conflicts in the Middle East (2008); Revisiting the Yom Kippur War (2000); The Fateful Triangle: Israel Hashemites and Palestinians (2000)

פרופסור קומאראסוואמי הקים את המכון הווירטואלי למזרח התיכון, ניו דלהי (www.mei.org.in "http://www.mei.org.in" HYPERLINK) ומשמש כמנהל לשם כבוד שלו.

אנטוני אלכסנדר לו (Anthony Alexander Loh) הוא בעל תוא ראשון בכלכלה מאוניברסיטת מקגיל, תואר שני ביחסים בינלאומיים ובמנהל ציבורי מאוניברסיטת טורונטו ודוקטורט ביחסים בינלאומיים מהאוניברסיטה העברית בירושלים. הוא לימד במחלקה למדע המדינה באוניברסיטת ונדרבילט בארצות הברית.

אידור א' מגיד נולד בחרבין, סין. בשנים 1949-1951 הוא היה נציג מועצת החירום היהודית של המזרח הרחוק (The Far Eastern Jewish Emergency Council) וקונסול כבוד של ישראל בשאנגחאי. התגורר בהמפטון פארק (Hampton Park), ויקטוריה, אוסטרליה. נפטר ב-2004. **ראובן מרחב**, שגריר (בדימוס), הוא בעל תואר ראשון שלו בלימודי האסלאם מהאוניברסיטה העברית בירושלים. במסגרת שירותו במוסד פעל בין השאר באתיופיה, בקניה ובאיראן. בשנים 1985-1988 היה הקונסול הכללי של ישראל בהונג קונג. ב-1988, במסגרת תפקידיו כמנכ"ל

משרד החוץ הישראלי וכיו"ר מועצת המנהלים של קופקו (COPECO), חברה ממשלתית ישראלית בחסות משרדי החוץ, האוצר, החקלאות והמסחר והתעשייה שבסיסה בהונג קונג, המשיך לעצב את הקשרים בין הרפובליקה העממית של סין לבין ישראל.

פחפי' אהרן שי, ממקימי החוג ללימודי מזרח אסיה באוניברסיטת תל אביב וראש החוג הראשון שלו ועתה הוא מכהן כרקטור האוניברסיטה. עבודת הדוקטור שלו התפרסמה תחת הכותרת (1976) Origins of the War in the East. מפרסומיו: Britain and China, Imperial Momentum

Imperialism Imprisoned: The Fate of British and French Firms in China (1996) ספר זה ראה אור גם בהוצאת האקדמיה הסינית למדעים בבייג'ינג.

ספרו, ג'אנג שואה-ליאנג, הגנרל שלא נלחם (2008), ראה אור בעברית ויראה אור באנגלית ובסינית. חיבורו על יחסי סין-ישראל יצא לאור תחת הכותרת Sino-Israeli Relations: Current Reality and Future Prospects (2009) וראה אור בסינית.

זאב סופות, שגריר (בדימוס), שירת כנציג הבלתי רשמי של מדינת ישראל בבייג'ינג בשנת 1991 וכשגרירה הראשון של ישראל בסין בשנת 1992. הוא מחברו של A China Diary (1997). מאז שנת 1998, סופות שימש כמנכ"ל המועצה לקידום הקשרים בין ישראל לסין, שבסיסה בתל אביב, וכעמית בכיר במרכז אוקספורד ללימודי עברית ויהדות. הוא נפטר ב-2014.

ד"ר משה גר, (בדימוס), בעל תארים אקדמיים מהאוניברסיטה העברית בירושלים בהיסטוריה של ארצות האסלאם, במדעי המדינה ובהיסטוריה כללית. במאי 1956 הצטרף לשירות החוץ של ישראל ושירת בבוקרשט, ברנון, בקואלה לומפור, בלוס אנג'לס, בפילדלפיה, בניו יורק, בשטוקהולם ובפראג. כמו כן שימש כמנכ"ל לענייני הסברה וכסמנכ"ל לענייני אסיה ואפריקה במשרד החוץ בירושלים. הוא פרסם ספרים בעברית ובאנגלית על ענייני אסלאם מזרח אסיה וספרים בנושאי ציונות ומדיניות החוץ של ישראל. פרסומיו בעברית על נושאים הנוגעים לסין הם: "ה'פאנתאי' (Panthay) ביונאן ובבורמה", המזרח החדש, יג, חוברת 3 (51), 1963, עמ' 279--269; המסע הארוך לאסיה: פרק בתולדות הדיפלומטיה של ישראל, הוצאת הספרים של אוניברסיטת חיפה, 2004, פרק שלושה עשר: סין).

ד"ר יוסף עברון הנו מרצה בחוג ללימודי אסיה באוניברסיטת חיפה וחוקר בכיר עמית במכון למחקרי ביטחון לאומי בתל אביב. תחומי המחקר וההוראה שלו כוללים את מדיניות הצבא והביטחון של סין, מדיניות מדע וטכנולוגיה בסין, התפתחות השוק הסיני, יחסי סין-ישראל, והצטיידות צבאית. ד"ר עברון פרסם מאמרים, ניירות עבודה ופרקים רבים בתחומים אלה בבמות אקדמיות בארץ ובחו"ל, ביניהם Journal of Strategic Studies, Journal of East Asian Studies, עיונים בתקומת ישראל. הוא ערך את קובץ מאמריו של אלי יופה, הצבא הסיני ממאז עד ימינו (2011). **ערן נבון** הינו בעל תואר ראשון במדעי המדינה ולימודי מזרח אסיה מאוניברסיטת חיפה, ובוגר תכנית המלגות הממלכתית של ממשלת טאיוואן. נבון התגורר שלוש שנים בטאיוואן, במהלך למד סינית ב-National Taiwan Normal University, והשלים תואר שני במנהל עסקים ב-National Chengchi University. עם שובו לארץ הצטרף לנציגות טאיוואן בתל אביב והיה מעורב במגוון תכניות לשי תוף פעולה בין ישראל וטאיוואן בתחומי טכנולוגיה, חינוך ותרבות. כיום הוא עוסק בפיתוח עסקי בתחום הדיגיטלי ומלווה חברות ישראליות בתהליכי חדירה לשווקים אסיאתיים.

INCLUDEPICTURE

https://mail.google.com/mail/u/0/images/cleardot.gif?*

MERGEFORMAT

משה טרדימן הנו מזרחן, מומחה לאסלאם באפריקה ובאיים הקריביים, לסוגיות אסלאמיות חברתיות, לאיכות סביבה בעולם הערבי והמוסלמי, לאסלאם ואיכות הסביבה ולשיתוף פעולה סביבתי בין-דתי. טרדימן מרצה במכון הערבה ללימודי הסביבה ובתכנית ליישוב סכסוכים באוניברסיטת בן גוריון והוא עמית מחקר במרכז מאיר ומרים עזרי לחקר איראן והמפרץ הפרסי באוניברסיטת חיפה.

מטרות עמותת איגוד יוצאי סין

מטרות העמותה מספר
580030666

1. לארגן את כל יוצאי סין במדינת ישראל לסיוע ושיתוף פעולה הדדי בכל תחומי התרבות והחברה בישראל.
2. לשמור על קשר עם כל יוצאי סין בישראל ובחור"ל.
3. לטפח ולשמור את המורשת של דורות היהודים בסין.

פעילויות העמותה

1. העמותה מעניקה תמיכה חודשית לכ-70 חברים תושבי ישראל הנזקקים לכך.
2. העמותה מעניקה כל שנה כ-100 מלגות לסטודנטים צאצאי יוצאי סין הלומדים במוסדות חינוך גבוה בישראל
3. העמותה מוציאה לאור פעמיים בשנה עתון "בולטין" בעברית אנגלית ורוסית ובו מידע על יהדות סין בעבר ועל פעילויות אגוד יוצאי סין ושל יוצאי סין בעולם.
4. כל הפעילות (פרט למזכירה) מבוצעת על ידי מתנדבים

גילשו לאתר איגוד יוצאי סין בעברית!

באתר זה תוכלו למצוא
חומר מעניין על נושא
יהדות סין:

❖ תולדות הקהילות

היהודיות בסין

❖ קישורים לאתרים

מעניינים הקשורים לנושא

❖ חיפוש קרובים

❖ צילומים, מאמרים ועוד...

www.jewsofchina.org

לזכרה של סטלה יודוביץ' (1926-2016)

לבנות באווירה נעימה ולא מחייבת בקרב ידידים.

מדי שנה בערב "יום כפור", נערך על ידי הזוג יודוביץ' טקס זיכרון בבית העלמין בסידיני. הם דאגו להזמין חזן, שקיים טקס זכרון בנוכחות ידידים יוצאי סין. תרומות שנאספו נשלחו לאגוד יוצאי סין בישראל. גם כאשר סטלה ודויד חגגו את חתונת הזהב שלהם, הנחו את הבאים לתרום לטובת האיגוד ולא להביא להם מתנות.

סטלה ודויד התייחסו באחריות לתפקידם וראו לנגד עינם את טובת האגוד וטובת חבריהם יוצאי סין.

תמיד בהגיעם לישראל, אירגנו מפגשים מלאי שמחה עם ידידיהם מילדות ומנעוריהם.

סטלה הייתה אישה, עקרת בית ואם למופת, סבתא אוהבת לנכדים ולנינים. היא אהבה את החיים.

ביתם תמיד היה מלא בידידים, והשולחן ערוך במיטב המאכלים.

ב-2010 הלך דויד לעולמו, ומאז חייה של סטלה השתנו לחלוטין. באותה שנה חלתה ובהמלצת רופאיה לא יכלה יותר להישאר לבד בביתה.

היא הלכה לעולמה מספר ימים לפני שמלאו לה 90. הותירה אחריה בת זונה (זינאידה) ובן לו (איליה) עם בני זוגם, שלושה נכדים וארבעה נינים.

חבריה ישאו את זיכרה לעד.

יהי זכרה ברוך!

הועד המנהל

אגוד יוצאי סין

ב-26 למאי 2016 הלכה לעולמה ידיתנו מחרבין סטלה יודוביץ' (בנעוריה-רז'ינסקיה), ששמה היה קשור לחיי אגוד יוצאי סין במשך שנים ארוכות. היא נפטרה בסידיני, אוסטרליה שם התגוררה.

כמעט 20 שנה היו סטלה ובעלה דויד יודוביץ' נציגים נכבדים של אגוד יוצאי סין באוסטרליה. הם תרמו רבות מזמנם ומרצם להגשת עזרה לארגוננו. פעילותם הייתה רחבת היקף, הם אספו תרומות לקרנות של אגוד יוצאי סין, ארגנו מפגשים בערבים, לכל יוצאי סין באוסטרליה, ושמרו על קשר הדוק ומעודכן עם האגוד בישראל.

יוצאי סין מישראל ומארצות אחרות שהגיעו לאוסטרליה הוזמנו על ידם למועדון יהודי "הכוח" מיד עם הגיעם, שם אפשר היה

הועד המנהל וחברי אגוד יוצאי סין
משתתפים בצער המשפחה ו"משפחת" פרופיל
עם מותו של ידיד ושותף לרעיון ה"בולטין"

ספי דובב

שוב אומרים שלום לכינורות

פסטיבל מוזיקה שנערך עתה בחרבין שבסין מבקש לחדש את המורשת הקלאסית המפוארת של העיר ולהתחבר לשורשיה היהודיים (עם קצת עזרה מזובין מהטה)

**איימי צ'ין ניו-יורק טיימס
מאנגלית אורלי מזור-יובל**

חגיגות ברחבת בית האופרה החדש

בחורף התיירים נוהרים לחרבין שבצפון-מזרח סין להשתתף בפסטיבל בעל שם עולמי של פיסול בקרח. אבל כשהקיץ בעיצומו, העיר עובדת שעות נוספות סביב חלק מפורסם פחות במורשתה: המוזיקה הקלאסית. האמנויות בכלל-והמוזיקה הקלאסית בפרט - פרחו בעיר בתחילת המאה ה-20. חרבין המכונה "סנקט פטרבורג של המזרח הרחוק" הייתה ביתה של קהילה יהודית משגשגת שתרמה לבניית זירה תרבותית עשירה, לרבות התזמורת הסימפונית הראשונה של סין, שהורכבה ברובה מנגנים רוסים. "חרבין היא עיר מודרנית בעלת מסורת מוזיקלית עשירה" אומר לין שיפה, סגן ראש העיר. "אנחנו רוצים לחדש את

המסורת הזאת לשדרג אותה".

לפני שבוע נפתח פסטיבל הקיץ למוזיקה של חרבין במהדורתו ה-33 והוא יימשך עד שבת הקרובה. בקיץ הנוכחי אירחה העיר גם את התחרות הבענלאומית לכלי מיתר על שם אלס ואליאנורה שנפלד ושני קונצרטים בניצוחו של זובין מהטה, עם התזמורת הסימפונית של חרבין ועם 15 מחברי התזמורת הפילהרמונית הישראלית.

בעקבות קריאתו של נשיא סין שי בינפינג ליצירת "רנסנס תרבותי" השקיעה חרבין בשנים האחרונות, כמו ערים גדולות ובינוניות נוספות בסין, מאות מיליוני דולרים בפרויקטים של תשתיות תרבות. בשנתיים האחרונות חנכה חרבין אולם קונצרטים מבהיק, בית אופרה ששטחו 79 דונם וקונסרבטוריום בסגנון נאו-קלאסי, שעלות הקמתו 116 מיליון דולר. פסלי ענק של כלי נגינה סיניים קלאסיים ופסלים של מלחינים מערביים מפורסמים פזורים בפארק המוזיקה של חרבין, שנפתח ב-2012 ומשתרע על 490 דונם.

לחידוש המסורת המוזיקלית של חרבין יש חשיבות מכרעת: בין השאר הוא הביא לחזק הקשרים בין העיר לבין עברה היהודי. זה אחד ההיבטים של ניסיון נרחב לקדם את התיירות ולחזק את הקשרים הכלכליים עם מדינות כגון ישראל. פרנסי העיר מטפחים "חזון של בניית גשר תרבותי לישראל" אומר מהטה, המנהל המוזיקלי הוותיק של הפילהרמונית

הישראלית, "ולכן באתי לשמש קטליזטור בין שני הצדדים".

בקהל שגדש את האולם באחד הקונצרטים של המנצח נכח ליו, סגן ראש העיר, ואתו משלחת של בכירים מהשלטון המקומי. "העניין בקהילה היהודית של חרבין גבר במידה ניכרת" בן-כנען, מנהל המרכז הסיני-ישראלי למחקר באוניברסיטת היילונג'יאנג בחרבין. לפני 15 שנה לא היה שום עניין בקהילה ושום ידע עליה".

כיום מתחזקת העירייה בית עלמין יהודי שהוזנח ובו נקבר יוסף אולמרט, סבו של ראש הממשלה לשעבר אהוד אולמרט (גם אביה של המשוררת דליה רביקוביץ עלה מחרבין לישראל). העיר השקיעה גם מיליוני דולרים בשיפוץ מבנים שבנו היהודים, ובהם בית הכנסת העתיק, ששימש הקיץ מקום מפלט צונן בערב חם ודביק, כשרביעיית מיתרים מקומית ניגנה בו יצירות מאת ברהמס וסקוט ג'ופלין.

זמן קצר לאחר ייסודה ב-1898 צמחה חרבין והייתה למוקד פעילות מינהלי משגשג של חברת הרכבות הסינית המזרחית. מסילת הברזל נבנתה כדי לחבר בין מוסקבה לולדיוסטוק. בשנות ה-20 התגוררו בעיר כ-20 אלף יהודים. כמה מהם הו פליטים שנמלטו מאימת הפרעות ברוסיה, ובהמשך מהמהפכה הבולשביקית ומלחמת העולם הראשונה. אבל שלא כמו היהודים בשנחאי ובערים אחרות בסין שהייתה בהם קהילת יהודים גדולה, רבים בחרבין היו גם סוחרים ויזמים שבאו

קונצרט באולם המחדש של בית הכנסת הישן

מרוסיה ומאירופה חיפוש אחר הזמנויות כלכליות. "מבחינה מסוימת, היהודים בחרבין היו עשירים ואריסטוקרטיים יותר מהיהודים האחרים בסין" מספר בן-כנען. "הם הניחו יסוד עשיר וחזק הרבה יותר לתרבות".

עד מהרה הייתה העיר לשער למוזיקה הקלאסית המערבית בסין. נוסף על התזמורת הסימפונית הראשונה במדינה, שנוסדה ב-1908, היו בחרבין כ-30 בתי ספר למוזיקה, שהוכשרו בהם מוזיקאים בינלאומיים חשובים בהם הכנר הגרמני הלמוט שטרן. היו שם תזמורות ג'ז, מופעי בלט, קבוצות תיאטרון, תיאטרות גדולים ואפילו תיאטרון יידיש.

"הקהילה היהודית תרמה תרומה

עצומה לייסוד המסורת המוזיקלית של חרבין" אומר מיאו די, מנהל מוזיאון המוזיקה בעיר. "רבים מהמוזיקאים הקלאסיים הבולטים בסין בתחילת המאה ה-20 רכשו את השכלתם המוזיקלית בעיר או למדו אצל מורים שלמדו בה".

ואולם לאחר הפלישה היפנית למנצ'וריה בשנות ה-30 החלה האוכלוסייה היהודית להידלדל. היהודים נמלטו מהעיר. באמצע שנות ה-50 אחרי מלחמת העולם השנייה ובעקבות ניצחון המפלגה הקומוניסטית הסינית, נותרו בחרבין רק כמה מאות יהודים. ועם זאת, לאחר עזיבתם של מרבית הזרים את העיר, המשיכה חרבין להקדיש משאבים למוזיקה הקלאסית. ב-1958 ייסדה העיר את פסטיבל הקיץ למוזיקה. ב-2010 העניק ארגון האו"ם לחרבין מעמד של "עיר מוזיקה". גם כיום עדיין אפשר לראות נגנים ותזמורות מקומיים מנגנים לקהל במדרחוב הפופולרי שונג-יאנג בקיץ.

"בחרבין נוקטים גישה מיוחדת כלפי האמנויות היפות" אומר גינדונג קאי. מרצה באוניברסיטת סטנפורד, שמרבה לבקר בסין כמנצח אורח על תזמורות סיניות. כל עיר בסין מנסה למצוא לה ייחוד. וברור שחרבין גילתה את ייחודה בשלב מוקדם. אבל עדיין רחוקה הדרך עד שחרבין תיחשב לעיר מוזיקלית ברמה עולמית. יש צורך לטפל בבעיות קשות, למשל איך ליצור תכניות איכותיות רציפות לאולם הקונצרטים

החדש ולתיאטרון הגדול, ואיך לגייס מורים וסטודנטים ברמה עולמית לקונסרבטוריון חדש המתחרה עם מוסדות מבוססים יותר.

מאגר המוזיקאים המוכשרים בסין מדלדל משום שעוד ועוד מוזיקאים בוחרים ללמוד ולנגן מחוץ לגבולות סין. "קחו לדוגמה ואת התזמורת האמריקאיות, הן מלאות נגנים סיניים מצוינים", אומר מהטה. "העצה שלי היא לקרוא לנגנים האלה שיבואו לסין ללמד, לפחות". לקריאה נענה מוזיקאי סיני אחד לפחות - סולי שנג, כנר הפילהרמונית של לוס-אנג'לס. לפני כמה שנים הוא החליט לנצל את העניין הגדל במוזיקה קלאסית בחרבין, עיר הולדתו, הרשות המקומית נאותה במהירות להצעתו לארח את התחרות הבינלאומית לכלי מיתר, שבה הוא משמש מנהל אמנותי. התחרות תקימה בחודש שעבר בחרבין, זו השנה השנייה ברציפות. הממשלה העמידה לרשותה את האולמות ושלמה את מרבית עלויות התחרות.

חילופי תרבות בינלאומיים כאלה "מסייעים לשיפור הטעם המוזיקלי של כל חרבין" אומר לין, סגן ראש העיר. וחשובה מזה אולי, לדבריו, העובדה שהם עוזרים לקרב סין לחזון התרבותי לטווח ארוך. "אם יום אחד נשב בקונצרט של רב-אמן סיני שמוביל ביצוע של יצירה מאת מלחין סיני מפורסם" הוא אומר, "זאת תהיה התגשמות חלום".

הארץ 14 באוגוסט 2016

סגנית ראש העיר חרבין באגוד יוצאי סין

סגנית ראש העיר חרבין גב' צו לאי מגישה שי מעיר המוזיקה

סגנית ראש העיר חרבין גב' צו לאי בדיון עם הנהלת אגוד יוצאי סין

לכבוד תהיז תל-אביב 13139 תל-אביב

שלום אגוד יוצאי סין,

רציתי להודות מקרב לב על היחס וההתחשבות, תודה רבה על השי לחג. אני אשמח לאחל לכם גמר חתימה טובה, ושנה מוצלחת. תודה, עמרי סרוסי.

לכבוד אגוד יוצאי סין,

ברצוננו להודות לכם מקרב לב על קבלת המתנה לחג מכם. בברכת חג שמח רועי ועמית גינסקי הנכדים של אתי גינסקי

שלום לאגוד יוצאי סין

מצרף קובץ של צלום דף ראשון ממחזור לראש השנה ויום הכפורים.

ניוארק תרע"ו במנהג ספרד עם 3 חותמות מעניינות

1. למטה: חותמת (אנגלית): רבי יוסף מאיר רח' פירון 23 שנחאי. סין

2. חותמת אליפטית: חותמת הנהלת בית כנסת הראשי חרבין. סין

3. חותמת מלבנית: מספרי הקודש שהשתייכו לקהילת יהודי חרבין ונתרמו ע"י 3/ אגוד יוצאי סין בישראל. שנת תשכ"ז 1967 אודה לכם מאד באם תוכלו לספר את ספור החותמות שבמחזור

תודה א.לשם 0544501989

שפרה ואריק הנכדים,

לצערי אין לי מה לספר על החותמות האלה. החותמות הוחתמו כנראה עוד לפני שאני והדור שלי (שהוא הדור האחרון של יהודים ילידי חרבין סין) היו פעילים האגוד יוצאי סין. מעניין אות לשמוע מי אתם ואיך הגיע המחזור לרשותכם.

תודה

יוסי קליין

יושב ראש

שלום יוסי קליין,

אבי ז"ל אברהם דאנה היה ממקימי בית הכנסת הספרדי "אהבת אחים" (היום רחוב ראול וולנברג) שגובל בין שיכון סלע לבין שיכון עולי שנחאי בתל אביב השוכנים ברחוב הגולן. כנראה, שאחד השכנים מסר לאבי את הספר.

לאחר נישואי עם אריק, בדצמבר 1967, עברנו לגור במדרשת שדה בוקר, ואבי העניק לנו את הספר, השמור עמי עד היום.

אברהם דאנה היה גבאי בית הכנסת עד יום מותו במאי 1983.

אמי, יונה דאנה, נפטרה לפני מס' חודשים, במאי 2016.

עד יום מותה התגוררה אמי בסביבה ופקדה את בית הכנסת.

ימי ילדותי היו שזורים בסביבת המקום, ילדים משיכון עולי שנחאי למדו אתי בבית הספר, כך שגם הספר טעון במטען של זיכרונות. על גלגולו של סידור התפילה עד עלייתו לארץ יעידו החותמות שעל שער הספר. בברכה,

שפרה לשם ואריק

לכבוד איגוד יוצאי סין,

אנו עפרי מקוב ואור קידר, ממושב עמיקם, נכדיה של דינה קידר וניניהם של בוריה ומניה טריגובוב, קיבלנו מכם שי כספי לחג. אנו רוצים להודות לכם על התמיכה לאורך כל שירותנו הצבאי.

בנוסף, לפני מספר שנים, הורינו שנולדו בישראל, ביקרו בעיר הולדתם של בני משפחתנו בסין והתרגשו והתרשמו מאוד.

אנו גאים בהיותנו חלק מקהילת יוצאי סין.

בתודה גדולה,

בברכת חג שמח,

עפרי ואור.

שלום רב,
בהמשך לשיחה טלפונית נתבקשתי לשלוח מייל זה, אני נציג של משפחה שכולה ללא קשר דם של חלל צהל סגן ציבין שמריהו ז"ל בן בטי-שרה וניסים שהיו יוצאי שנחאי ואינם בין החיים הרבה שנים.
למרות זאת אני ממשיך במסורת לכבד את טכסי ההנצחה והזיכרון של שמריהו ז"ל.
לפי מיטב זכרוני האם בטי הייתה מוכרת על ידי ארגון יוצאי סין ואף הייתה מקבלת איזו שהיא קצבה מכס.
לאחרונה גיליתי שלשמריהו ז"ל הייתה אחות בשם אניה שהתחתנה בארה"ב בשנות ה-50 של המאה הקודמת.
מצ"ב תמונה מיום חתונתה:

אולי לכם בארכיונים יש אפשרות לאתר מידע כל שהוא לגביה ויתאפשר לי ליצור קשר עם מישהו מצאצאיה.
אודה לכם אם יש באפשרותכם לעזור בנושא זה.

נושא נוסף שאני מבקש לשאול לגביו הוא מזה כשנתיים אני מנסה לקבל ממשד הביטחון סיוע שניתן מידי שנה על ידי משרד הביטחון למשפחות לקיום אזכרה לנופל אך הם פוסלים בזו אחר זו את בקשתי משום שאין קרבת דם ביני לבין שמריהו.
לצערי במקרה זה היה מקום לקצת יותר אנושיות מאשר הצמדות לפרוטוקולים רשומים בכל זאת שמריהו הקריב את חייו למען מדינת ישראל וחיליו.
לכן אני רוצה לשאול האם בארגון שלכם ישנה אפשרות לסייע בנושא הנ"ל?
אשמח לקבל תגובה בידון

בברכה

דוד נחום

טל: 972-4-6448804

נייד: 972-54-6980895

מחפשים קרובי משפחה של סבא שלי רוגובין מיכאל לבוביץ', שנולד בשנת 1908 בסנט פטרסבורג והתגורר בחרבין עד שנת 1935. לאחר מכן הוא הוצא להורג על ידי המשטר הרוסי. בשנחאי נשאר הוריו: רוגובין לב מאירוביץ ורוגובינה חיה יהודולבנה (בתמונה - בשורה הקדמית משמאל) והאחים ללה (שם מלא לא ידוע), וורה ובלה (בתמונה - שורה

אחורית משמאל לימין). בלה התחתנה ושינתה את שם משפחתה לשלאו. היו לה 3 ילדים: ג'ן, אלון ומרי. המכתב האחרון מהמשפחה היה משנחאי בשנים 1948-50, ולפי השמועות ללה וורה היגרו לאוסטרליה.

I am searching for family members of my grandfather, Rogovin Michael Lvovich, born in St. Petersburg in 1908. He lived in Harbin until 1935 with his family. After leaving Harbin he was executed by the Russian government. His family stayed in Shanghai: His parents Rogovin Lev Meirovich and Rogovina Haya Yugolevna (in the photograph, seating in the front row in the left), and his brother and sisters Lala (full name unknown), Vera and Bella (in the photograph, in the second row from left to right). Bella married and changed her last name to Shlau/ She had 3 children: Jen, Alon and Merry. The last letter from the family came from Shanghai between the years 1948-50, and according to rumors Lala and Vera immigrated to Australia.

גב' גלינה פילניק

0507898588

galinababurin@yahoo.com

אהרון ורביקה סגל ב-1940

שלום רב לחברי איגוד יוצאי סין היקרים,

שמי אסי ניסלסון ואני מנסה לאתר קרובי משפחה שהתגוררו בסין, ידוע לי שלפני מלחמת העולם השנייה הם התגוררו בשנחאי. אב המשפחה אהרן סגל נולד בלטביה בשנת 1904, הוא היה בן דוד דרגה ראשונה של סבתא שלי. אהרן עזב את לטביה ונסע לרוסיה, משם לסין, אני לא יודע את כל הפרטים, הוא התחתן עם רבקה ילידת 1907, עד למלחמת העולם השנייה הם שמרו על קשר עם המשפחה בלטביה. לאהרן ורבקה סגל היו שני בנים שנולדו לפני 1940, חלאבין צבי סגל שנולד בשנת 1934 ויצחק סגל שנולד בשנת 1937 או 1938. האם יש לכם פרטים כלשהם על משפחת סגל? מצרף תמונה של אהרן ורבקה סגל. מחכה לשמוע מכם,

לכבוד איגוד יוצאי סין

שלום רב,

כותב לכם את השורות האלה, מאחר ואבא של כלתי מתעניין בסין וביהודי סין- כיצד הם הגיעו לשם. הוא אף נסע לטיינזין, לשנה ולמד שם באוניברסיטה, סינית (לדבר לכתוב ולקרוא). עכשיו הוא מדרך טיולים לסין (באזורים שהתייר הרגיל לא מגיע אליהם).

בפתיחת התערוכה, בבית התפוצות הוא יצר קשר עם אננה סונג (שהביאה את התערוכה אלינו אגב אני ובניי היינו בטיוול שורשים בסין ונפגשנו איתה והיא ריעננה אותנו וסיפקנו לה תמונות משפחתיות מסין, לפי בקשתה. סיפרתי לחמי-אמנון שאבי ליאוניד יעקבסון ז"ל הגיע מריגה לסין (אני חושב "דרך המשי") לא הספקתי לשאול אותו על איך וחבריו הגיעו.

במודעה הגדולה לתערוכה היה צילום של ארבעה אנשים יושבים על מסילת ברזל. אולי מישהו מוותיקי האיגוד או הבנים שלהם יכולים לספר את הסיפור. אודה לכם ואשמח מאד באם יימצא אחד (או יותר) שיוכלו לעזור לו (וגם לי) שמו של אבא של כלתי:- אמנון בוים.

האימייל שלו amnonboym@yahoo.com

פלאפון 052 4604000

בית 04 9530433

בכבוד רב

ובברכת גמר שנה טובה

יוסי יעקבסון

אינה

טניה

שלום רב,

אולי לכם בארכיונים יש אפשרות לאתר מידע כל שהוא לגביה ויתאפשר לי ליצור קשר עם מישהו מצאצאיה. אודה לכם אם יש באפשרותכם לעזור בנושא זה. אשמח לקבל תגובה בנידון

בברכה

דוד נחום

טל: 04-6448804

נייד 054-6980895

פקס 04-6543570

אני נציג של משפחה שכולה ללא קשר דם של חלל צהל סגן ציבין שמריהו ז"ל בן בטי-שרה וניסים שהיו יוצאי שנחאי ואינם בין החיים הרבה שנים. למרות זאת אני ממשיך במסורת לכבד את טכסי ההנצחה והזיכרון של שמריהו ז"ל.

לפי מיטב זכרוני האם בטי הייתה מוכרת על ידי ארגון יוצאי סין ואף הייתה מקבלת איזו שהיא קצבה מכם. לאחרונה גיליתי שלשמריהו ז"ל הייתה אחות בשם אניה שהתחתנה בארה"ב בשנות ה-50 של המאה הקודמת. מצ"ב תמונה מיום חתונתה:

КИТАЙСКИЕ ГОСТИ В ЦФАТЕ

Посол КНР Чжань Юнсинь (в центре) в сопровождении мэра города Цфата Илана Шохата (слева) во время посещения художественной галереи.

Справа, на заднем плане: беседуют Мэри Шварц и Юдит Сандел

Посол КНР Чжань Юнсинь (слева) в художественной галерее в квартале художников

Ави Подольский на ланче среди гостей и участников поездки - членов ИИС и ОДИК

НАУКА ПО-КИТАЙСКИ

Джозеф ХИМЕНЕЗ

За последние годы китайская экономика пережила радикальную трансформацию. А теперь здесь закладывается фундамент для выдающегося прогресса в сфере науки и технологий. В частности, Китай готовится к тому, чтобы стать крупным игроком на рынке медикаментов, и есть множество оснований полагать, что вскоре эта страна начнет играть ключевую роль в биологических исследованиях.

Начать с того, что Китай, как сообщается в “McKinsey Quarterly”, ежегодно тратит более 200 млрд долларов на научные исследования, уступая по объему этих инвестиций лишь США. Президент Китая Си Цзиньпин сделал научные инновации одним из главных пунктов государственной повестки дня, а в новом пятилетнем плане правительства приоритет отдается сложным комплексным проектам в новых, перспективных сферах, таких, как исследования мозга, генетика, «большие данные» и медицинские роботы.

Китай уделяет столь большое внимание медицинским исследованиям в том числе и потому, что у страны есть множество неудовлетворенных потребностей в этой области. Как ожидается, к 2050

году численность китайцев старше 65 лет увеличится примерно на 190 млн человек. Между тем на хронические заболевания сейчас приходится более 80% смертности в Китае. Неудивительно, что

страна уже стала вторым по величине фармацевтическим рынком в мире и что к 2020 году ее расходы на инновации, как сообщается в “McKinsey Quarterly”, могут достигнуть 1 трлн долларов.

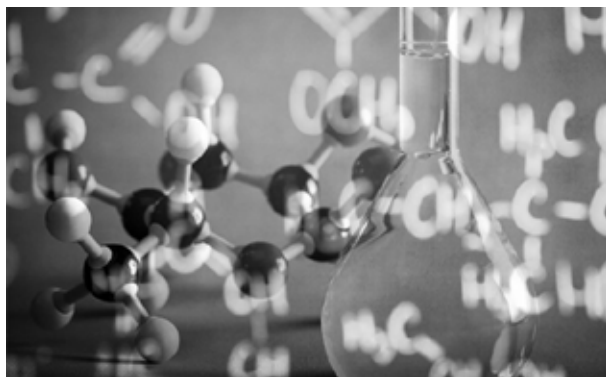
Есть и другая причина ждать начала китайской научной революции: страна готовит больше студентов университетов в области прикладных наук, технологий и математики, чем любая другая страна мира, – около 2,5 млн выпускников ежегодно, в 5 раз больше, чем США. В одной только сфере прикладных, в том числе инженерных, наук у Китая каждый год появляется почти 30 тысяч новых специалистов, имеющих степень кандидата наук.

Одновременно с этим государство стимулирует китайских ученых, работающих за рубежом (многие из них – в лучших западных институтах), к возвращению на родину. С момента запуска в 2008 году и до середины 2014 года эта программа под названием «Тысяча талантов» привлекла более 4000 возвращенцев.

Данные тенденции ясно показывают, что у Китая имеется реальная возможность стать мощной силой в глобальных фармацевтических исследованиях. Недалеко то время, когда прорывные инновации будут совершаться в стране на регулярной основе.

Глобальные фармацевтические компании сделали свои выводы. «Новартис» занимается научными исследованиями и разработками в Китае уже десять лет. В 2006 году открылся первый интегрированный научно-исследовательский центр в стране, ставший крупнейшим среди всех таких центров международных компаний. Недавно появился новый научно-исследовательский центр в шанхайском парке высоких технологий Чжанцзян.

Ученые «Новартиса» уже ведут в Китае 15 проектов по разработке новых лекарств, находящихся на разных стадиях. Темпы этой

работы будут лишь ускоряться. Вдохновляет потенциал Китая в сфере совершения эпохальных научных открытий. Эта страна начинает играть все более важную роль в глобальных исследованиях, а ее вклад в науку станет настоящим благом, причем не только для Китая, но и для всего мира.

«Казначей» («Вести»)

из советской империи закончился не в Израиле, а в других частях иудео-христианской Ойкумены. Историю зарубежного еврейства теперь пишут и сами ее персонажи. Вокруг издания возникло устойчивое ядро единомышленников Михаила Ароновича, образовался научно-исследовательский центр «Русское еврейство в Зарубежье».

Официально оформленный в 1997 году, НИЦ «Русское еврейство в Зарубежье» выпускал ежеквартальник под названием «Иерусалимский русско-еврейский вестник», информировавший о культурной жизни русско-еврейских общин Израйля, Америки, Канады, Германии, других стран. В 2006 году издавался электронный журнал «Еврей за границей». Следуя линии, предложенной М. Пархомовским, Центр интересовался евреями, покинувшими Россию, вне зависимости от их связи с русской культурой, и стало очевидным, что многие российские евреи оказывались ведущими в различных областях жизни новых стран обитания.

Начиная с Международной конференции 1997 года, связанной с открытием Центра, в рамках его деятельности был организован ряд форумов: конференции, посвященные 50-летию Государства Израиль, 50-летию Института им. Хаима Вейцмана, 10-летию нашего центра, 60-летию нашего государства, 120-летию создания Гедеры билуицами, 125-летию, а затем 130-летию Первой алии (волны иммиграции – прим.ред.) и многие другие, семинары и научная сессия в Иерусалиме. Был разработан конспект курса лекций по изучаемым темам и проект тури-

стического семинара. Центром издано около 30 книг.

Всё это стало возможным благодаря тому, что Михаилу Пархомовскому удалось собрать коллектив единомышленников, соратников, для которых проект изучения вклада евреев – выходцев из Российской империи и бывшего СССР в различные сферы деятельности после выезда за рубеж стало делом и их жизни.

Теперь видно, что из инициативы одного человека родилось новое направление исторической науки, которое продолжает развиваться по своим законам. Михаил Аронович почувствовал необходимость подвести промежуточные итоги и составил нечто вроде учебника по основанной им дисциплине – книгу очерков по истории евреев России в Зарубежье. Это был его подарок самому себе к восьмидесятилетию, а всем нам, его друзьям, помощникам и читателям – еще один том на полку под названием «Русские евреи в Новой и Новейшей истории». Не будет преувеличением сказать, что инициатива Михаила Ароновича положила начало этой главе в длинном свитке истории еврейского народа.

Михаил Аронович всегда был во власти новых инициатив, новых планов, которые осуществлялись вместе с коллективом единомышленников. У него, как у научного руководителя и главного редактора Центра, была мечта – на базе Центра создать Научно-исследовательский институт – пока есть опытные кадры, увлеченные темой. Новой ветви иудаики уже более двух десятилетий – это вполне самостоятельная жизнь, и будем надеяться, что долгая. Я очень надеюсь, что это всё сбуди-

тся. Мы продолжим работать, тема наших статей, очерков, эссе неисчерпаема. Несмотря на огромный объем уже изданного, работа не завершена, и конца ей не видно. Поток материалов продолжает поступать: вклад евреев в мировую цивилизацию необъятен. Основав научно-исследовательский центр, Михаил Пархомовский при жизни воздвиг памятник себе и российскому еврейству за рубежами России и стран бывшего СССР. На кладбище Бейт-Шемеша ему установлен памятник, на котором Чаша со змеей, символизирующая его деятельность врача и верность клятве Гиппократ, соседствует с Книгой в память о культурном вкладе евреев России в Зарубежье и Израиле.

Пусть благословенна и светла будет память о нём!

Лея БЕККЕР

В сентябре в Израиле скончалась Лея Беккер, вдова Миши Беккера. Долгие годы Лея поддерживала связь с нашей ассоциацией, постоянно жертвовала в память о своих близких. После нее остались дочь и внука.

Игуд Иоцей Син выражает искренние соболезнования семье покойной.

Светлая ей память!

Роберт МАТЕРМАН

Из Сан-Франциско пришла печальная весть. 14 октября 2016 года скончался наш земляк Роберт Матерман. Он оставил жену, детей и внуков, брата и племянников.

Игуд Иоцей Син выражает искренние соболезнования семье покойного.

Да будет светла его память!

ОБРАЩАЕМСЯ КО ВСЕМ

с убедительной просьбой сообщать в Игуд Иоцей Син о каждом печальном случае кончины наших земляков и присылать некоторые сведения об ушедших: возраст, прежнее место жительства в Китае, и т.д. Так вы поможете нам отдать дань памяти и уважения ушедшим.

Памяти Михаила Ароновича ПАРХОМОВСКОГО

ЮЛИЯ СИСТЕР

Год назад, 20 сентября 2015 года наш мир покинул доктор Михаил Пархомовский, основатель, научный руководитель, главный редактор, издатель книг научно-исследовательского центра «Русское еврейство в Зарубежье».

В это просто невозможно было поверить. Ведь совсем недавно я получила от Михаила Ароновича поздравление к еврейскому новому году... И вот - телефонный звонок, и я слышу печальную весть, которую не в состоянии принять. Ушёл в иной мир человек, с которым нас связывала многолетняя плодотворная совместная работа в научно-исследовательском центре «Русское еврейство в Зарубежье» (сегодня он называется «Евреи России в Зарубежье и Израиле»). Столько вместе пройдено, пережито, сколько было удач, интересного, важного. Это всё остаётся. В прошедшем времени писать не хочу, уверена, что его душа с нами.

Родом он - из Одессы. Как и многие другие евреи с харизмой, он прожил первую половину из отмеренных нам 120 лет в Советском Союзе, и биография его складывалась вполне типично для советского еврея его поколения: детство в интеллигентной семье, эвакуация, студенческие годы, пришедшиеся на скудные послевоенные времена, но зато проведенные в одном из лучших провинциальных вузов того времени – Саратовском медицинском институте. Затем работа по специальности на Дальнем Востоке и в Москве, в крупных медицинских учреждениях и в заводской мед-

санчасти – всё как у всех.

Необыкновенное началось, когда доктор Пархомовский с сорокалетним стажем по специальности «отоларингология» после разговора с одним из своих пациентов заинтересовался перепиской А.М.Горького. При чтении писем Алексея Максимовича всплыло имя его приемного сына Зиновия Пешкова, еврейского мальчика из Нижнего Новгорода, ставшего генералом Французской армии и кавалером ордена Почетного Легиона. Из удивления родилось желание написать книгу об этом человеке. Книга была не только написана, но и издана в самом конце советской эпохи, в 1989 году, в издательстве «Московский рабочий». На прилавках книжных магазинов она не залежалась.

На следующий год в мощном потоке Большой алии (волны иммиграции – прим.ред.) М.А.Пархомовский оказался в Израиле. Осмотревшись в местном культурно-историческом пейзаже, он почувствовал горькую обиду – огромный пласт еврейской истории, причем связанный с судьбами людей в высшей степени неординарных, евреев калибра генерала Пешкова, для местных хранителей еврейского гуманитарного наследия как бы не существовал. Российские евреи, веками остававшиеся в изгнании, вырвавшиеся из-под тяжелой имперской десницы в широкий мир, но направившие свои стопы не в Палестину, а в Европу, Америку, на Дальний Восток и в Южную Африку, считались «некошерными», а их удивительные судьбы

и великие свершения – неинтересными жителям нового Израиля.

Одессит и практикующий врач, Михаил Аронович Пархомовский не стал тратить время на бесплодные lamentации по этому поводу в кругу друзей и негодующие письма в русскоязычные газеты. Он просто решил восстановить справедливость и личными усилиями восполнить зияющую лакуну в истории еврейского народа. Так родилась книжная серия «Евреи в культуре Русского Зарубежья» и ее продолжение – «Русское еврейство в Зарубежье». Когда смотришь на тома этого издания, заполняющие добрую часть книжной полки в твоём шкафу, возникает ощущение чуда, особенно если знаешь, что за этим изданием стоит не мощный исследовательский институт с солидным штатом сотрудников и увесистым бюджетом. Но еврейские чудеса тем и отличаются от всех прочих, что реализуются не просто по мановению руки Божьей, а в результате сотрудничества между Всемогущим там, наверху, и практически умеющими работать здесь, на Земле.

Доктор Пархомовский сумел сделать свою идею движущей силой. Вокруг него объединились ученые, писатели, журналисты Израиля и России, на его призыв откликнулись самые именитые евреи Европы и Америки – Исайя Берлин, семейство Пастернак, дети эмигрантов первой волны – Н.Д.Лобанов-Ростовский, Б.Лосский... В орбиту его издательской деятельности были вовлечены и те евреи, чей исход

После продолжительной тяжелой болезни, не дожив около трех недель до своего 74-летия, в Москве скончалась Эсфирь Яковлевна Гоберник.

Эсфирь Яковлевна родилась 8 марта 1942 года в Харбине, там же окончила школу. В 1961 году переехала с родителями на постоянное жительство в Новосибирск. Получила среднее специальное музыкальное образование по классу фортепиано и полвека проработала в Новосибирском хореографическом училище в качестве концертмейстера и педагога по фортепиано. Была уважаема и любима коллегами и учениками. Все ее помнят как чуткого, доброго, отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь. Выражаем сердечное соболезнование брату Григорию Яковлевичу, а также всем родным и близким покойной.

**Новосибирские харбинцы,
друзья**

***

Ушла из жизни наша любимая подруга Фирочка Гоберник.

Мы дружили в самые счастливые годы харбинской жизни. Она была талантливым, эрудированным, добрым, дружелюбным человеком. Подруга, которая никогда не предаст, не продаст, не подведет. В 1960-е годы нам пришлось расстаться, разъехаться в разные страны, города. Но наша дружеская связь не прервалась, мы вместе сопереживали все беды и радости наших семей.

Смерть Фирочки – для нас большое горе и потеря: не стало человека, который духовно был нам близок и искренне мог поддержать в трудную минуту.

Мир и покой ее душе.

Выражаем глубокое соболезнование ее брату Григорию Яковлевичу, всем родным и близким.

**Э.Семенова (Мила Купча),
г.Красноярск, Россия
Л.Кузьменко (Мила Грязнова),
г.Сидней, Австралия**

***

Перестало биться сердце моей одноклассницы по харбинской школе – Фирры Гоберник, а ведь мы совсем недавно пообщались с ней по телефону, благодаря друзьям из Австралии и её сестры из Израйла.

Мы поговорили о нашем жизненном пути, вспомнили наши детские годы, и, как когда-то, написали на ярких страницах детского альбома: "...по разным железным дорогам отправимся счастье искать. Быть может, не встретимся больше...", – и не успели встретиться. Я в начале года Фирочке написала письмо в Новосибирск и ждала от неё ответ,

и вот... ответ пришёл в некрологе. Уходят наши сверстники! Память возвращает нас в наши чудесные школьные годы детства. Папа Фирры Гоберник – Яков Григорьевич и мама – тётя Рая, как мы звали её, были в нашем школьном родительском комитете и часто устраивали нам праздники. Я помню, как мы отмечали весной день рождения Фирры. Гриня, брат Фирры, тогда был младше нас года на два, играл нам на аккордеоне. А позже – окончание учебного года – май 1955-го. Мы тогда собрались всем классом, пили чай за большим чудесно накрытым столом у Фирры в саду, и потом всех одноклассников развезли по домам. Я понимала, что это было нашим прощанием – через месяц мы уезжали в Советский Союз на целину. Судьба раскидала нас по всему свету...

Выражаю искреннее соболезнование близким и друзьям Фирочки! Царствие небесное. Мир и покой её душе.

**Серафима Яковлевна Чугаева
(Сима Матафонова)
г. Лермонтов, Россия**

***

Очень тяжело терять друзей, особенно друзей детства. Их у меня осталось очень и очень мало...

Уехав из Харбина, мы с Фирочкой жили в разных городах, потом – в разных странах, но всегда поддерживали связь. В декабре 2013 года Фира навестила сестру в Израйле, но нам не суждено было встретиться. Это был её последний приезд.

Уходит друг, а со мной остается память и музыка.

Цецилия Любман

Из Харбина Давид и Стелла с детьми уехали поездом в Тяньцзинь. Там они арендовали дом сроком на один месяц и обратились к очень хорошему китайскому врачу, который с помощью китайской медицины вылечил Илью. Из Тяньцзиня они пароходом отправились в Гонконг. Плавание продолжалось шесть недель, и все это время Илья и Зина страдали морской болезнью. В Гонконге они пересели на другой корабль и отправились дальше. Путешествие длилось 16 дней с остановкой на индонезийском острове Таракан. Наконец корабль бросил якорь в австралийском порту города Таунсвилл в штате Квинсленд. Ступив на берег, они испытали первое потрясение: вокруг было множество пабов и босоногих людей.

В Сиднее Давида и Стеллу с детьми встречали их спонсоры Хваткины, а также очень близкие друзья Циприс и Аграновские. Первый месяц они жили в квартире у Хваткиных в восточном пригороде Сиднея Bellevue Hill. Зина каждый день убегала из школы, потому что не знала английский язык. Стелла и Давид начали изучать английский еще в Харбине, готовясь к отъезду, и теперь продолжили вечерние занятия в Сиднее. Затем им подыскивали квартиру на улице Priory Road в районе Waverton, за которую следовало внести задаток 350 фунтов, что считалось тогда незаконным, и еще платить за аренду 6 фунтов в неделю. Давид зарабатывал 13 фунтов в неделю. Он работал в фирме по производству красок "British Paints" и получил отравление свинцом, которое в течение длительного времени оставалось незамеченным. В итоге страховая компания выплатила ему 60% от его заработной платы и покрыла расходы на медицинское обслуживание в течение трех месяцев.

Стелла смогла пойти работать,

когда к ним пришла, чтобы оставаться с маленьким Ильей, бывшая соседка из Харбина, 70-летняя женщина. Она была дома с ребенком с понедельника по пятницу. Так продолжалось до тех пор, пока из Израиля к ним не приехала мать Стеллы – Хана. Стелла работала на фабрике пластмассовых игрушек в Chatswood, а затем на шоколадной фабрике. Они прожили в районе Waverton шесть лет, а затем купили дом в Kingsgrove за 5000 фунтов, но при этом им пришлось одалживать деньги, чтобы внести задаток. В 1989 году они переехали в район Dover Heights.

В течение десяти лет Стелла работала в обувном отделе универсального магазина «Дэвид Джонс». Затем они с Давидом купили магазин в пригороде Parramatta и очень успешно работали, пока не случился пожар. В 1982 году магазин полностью сгорел, и тогда, к сожалению, они оба решили удалиться от дел.

Давид и Стелла много путешествовали, навещали родственников в Израиле и своих замечательных друзей в Соединенных Штатах. Они вместе счастливо жили полнокровной жизнью и неустанно занимались благотворительностью ради благополучия их любимого землячества Игуд Иоцей Син – Ассоциации выходцев из Китая в Израиле, собирая большие суммы денег, чтобы отправить в Израиль и помочь тем, кто в свое время в Харбине помогал Давиду, когда он был бедным учащимся.

Стелла очень любила жизнь. Их дом, будь то маленький или большой, всегда был полон друзей, а стол был уставлен необыкновенно вкусными блюдами. В 2010 году Стелла потеряла Давида, и с тех пор ее жизнь уже не была такой, как прежде. В том же 2010 году она оказалась в больнице и, согласно медицинскому заключению, не могла больше оставаться одна в своем доме.

Последние годы жизни Стеллы прошли в Lulworth House в пригороде Elizabeth Bay, в обстановке заботы и внимания. После нее остались дети Зина и Илья (Лу) и их супруги Пол и Марлена, внуки Майкл, Аннет и Марк, их партнеры Шеноа и Джесси, и её четверо правнуков -- Киан и Луа Хейя, Кори и Джай.

Зина и Пол КОНВЕЙ

Павел АГРАН (АГРАНОВСКИЙ)

В августе в США, в Чикаго в возрасте 93 лет скончался Павел Агран (Аграновский).

Павел родился в известной харбинской семье Аграновских. Помимо него в семье было два мальчика и одна девочка. Павел учился в Коммерческом училище, был активным членом «Маккаби». Затем он продолжил образование и окончил восточно-экономический факультет Харбинского политехнического института (ХПИ) с дипломом инженера.

В 1948 году Павел женился на Фире (Эстер) Пугач. В начале 1950-х годов они всей семьей уехали из Китая в Австралию. Прожив в Австралии пять лет, они переехали в США, где в то время жила мать Эстер, и поселились в Чикаго.

Павел и Эстер всегда поддерживали связь с нашей ассоциацией Игуд Иоцей Син, с друзьями детства и юности в Израиле и других странах. Они были желанными гостями в Израиле и встречали здесь теплый прием.

Павел прожил долгую жизнь. Семья и друзья семьи красиво проводили его в последний путь. После него остались вдова Эстер, двое детей – дочь и сын с семьями и четверо внуков – две девочки и два мальчика.

Да будет светла его память!

Памяти Стеллы Юдович

1926 - 2016

28

И
Г
У
Д

И
О
Ц
Е
Й

С
И
Н

26 мая 2016 года в Сиднее скончалась уроженка Харбина, большой друг нашей ассоциации, бывший почетный представитель Игуд Иоцей Син в Австралии Стелла Юдович (ур.Рыженская), с именем которой связана целая эпоха в жизни ИИС.

Почти 20 лет Стелла и ее супруг Давид Юдович были почетными представителями ИИС в Австралии. Они отдавали много времени и сил делу помощи нашей организации. Их деятельность была очень активной. Занимаясь сбором пожертвований в фонды ИИС, они устраивали встречи, обзванивали всех по телефону, собирали информацию и сообщали нам новости о жизни земляков. Приезжавших в Сидней земляков из Израиля и других стран Стелла и Давид обязательно приглашали в еврейский клуб «Ха-Коах», где можно было провести время в непринужденной обстановке в кругу друзей и знакомых.

Ежегодно накануне Судного дня (Иом Кипур) на кладбище Роквуд в Сиднее состоялась церемония поминовения ушедших, которую устраивали Стелла и Давид. Они приглашали кантора, который читал молитву в присутствии собравшихся земляков – выходцев из Китая. Собранные средства направлялись в адрес ИИС. Когда Стелла и Давид праздновали золотую свадьбу в 1998 году или Стелла отмечала свой день рождения в кругу друзей, они обращались к приглашенным с просьбой вместо подарков в их адрес сложиться и направить собранную сумму в пользу нашей ассоциации в Израиле.

Стелла и Давид с большой ответственностью относились к своей

миссии и внесли огромный, неоценимый вклад в деятельность ИИС на благо земляков. Несколько раз они приезжали к нам в Израиль, и всегда это были радостные встречи с друзьями детства и юности. Они были преданными и верными друзьями ИИС, вместе выполняли свою почетную миссию, но когда не стало Давида, Стелла не смогла больше продолжать их общее дело.

Все приезжавшие в Сидней друзья и земляки непременно навещали гостеприимный дом Юдовичей. Стелла была очень добрым, отзывчивым человеком, прекрасной хозяйкой, замечательной мамой, бабушкой и прабабушкой.

Она ушла в мир иной за несколько дней до своего 90-летия. После нее остались дочь Зина (Зинаида) и сын Лу (Илья) с супругами, трое внуков и четверо правнуков. И ещё она оставила друзей, которые всегда будут помнить её. Да будет благословенна её память!

Правление Игуд Иоцей Син

СТЕЛЛА

Стелла (Штерна бат Элиягу) Юдович родилась в Харбине 30 мая 1926 года. Она была вторым ребенком из четверых детей ее родителей – трех дочерей и сына. Семья Юдович занималась оптовой торговлей мануфактурными товарами. Стелла училась в музыкальной школе по классу фортепиано и окончила ее за несколько месяцев до отъезда из Китая. Когда ей было 18 лет, она вышла замуж за Авраама Гринберга, а год спустя, в 1945 году у них родилась дочь Зина. Брак оказался несчастливым, и через полтора года они разошлись.

В 1948 году Стелла вторично вышла замуж, за Давида Юдовича, которого любила всю жизнь. Они поселились в квартире, где в 1951 году родился их сын Илья (Лу). Подошло время подумать о лучшей жизни, возможно, в Австралии или Канаде. Когда Илье было 10 месяцев, они получили разрешение на выезд из Китая в Австралию. Их спонсорами были супруги Хваткины. Начались сборы к отъезду, но тут заболел Илья – случилось отравление недоброкачественным апельсином. Его положили в больницу, и родители обратились с просьбой перенести на некоторое время день отъезда из Харбина. Однако их просьба была отклонена. Пока Стелла оставалась с Ильей в больнице, Давид готовился к отъезду, а их подруга Женя Карчемкина помогала ему упаковывать вещи. Дело не ограничивалось укладыванием одежды в чемодан – Стелла везла с собой пианино.

*Семейное фото семьи
Роговиных в Китае*

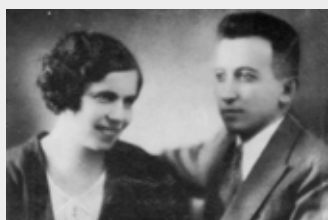
ИЗРАИЛЬ

Я хотела бы найти членов семьи моего дедушки. Мой дед Роговин Михаил Львович родился в 1908 году в Санкт-Петербурге, жил в Харбине со своей семьей до 1935 года, а затем вернулся в СССР, был репрессирован и расстрелян. Его семья осталась в Китае и жила в Шанхае: родители Роговин Лев Мейерович и Роговина Хая Юголевна (на фото, сидит в первом ряду слева), брат и сестры Лала (полное имя неизвестно), Вера и Белла (на фото, во втором ряду, слева направо). Белла вышла замуж и поменяла фамилию: Белла Шлау (Shlau). У неё было трое детей: Джен, Алон и Мэри. Последнее письмо от их семьи из Шанхая было получено в 1948-1950 гг. По слухам, Лала и Вера эмигрировали в Австралию. Заранее благодарю за помощь.

Галина ПИЛЬНИК

Тел: 050-7898588

galinababurin@yahoo.com

Ривка и Аарон Сегал

ПО ИНТЕРНЕТУ

Я, Аси Нисельсон, пытаюсь разыскать родственников, жителей Шанхая. Известно, что до Второй мировой войны они жили в Шанхае. Глава семьи Аарон Сегал, двоюродный брат моей бабушки, родился в Латвии в 1904 году. Он уехал из Латвии в Россию, а затем в Китай. Подробности я не знаю. Аарон был женат на Ривке (р. 1907) и до Второй мировой войны они поддерживали связь с родственниками в Латвии. У Аарона и Ривки были два сына, которые родились до 1940 года: Хлавин Цви Сегал – в 1934 году и Ицхак Сегал – в 1937 или 1938 году.

Может быть, вы располагаете какой-нибудь информацией о семье Сегал? Я прилагаю фото Аарона и Ривки Сегал.

С нетерпением жду вашего ответа.

Аси НИСЕЛЬСОН

asi.look@gmail.com

Дорогие друзья!

Нашей Ассоциации выходцев из Китая ИГУД ИОЦЕЙ СИН 65 лет. Проходят годы, но ИИС продолжает свою деятельность, которая существенно активизировалась после продажи старого помещения и переезда в новый офис.

ИИС оказывает ежемесячную социальную помощь нескольким десяткам наших нуждающихся земляков – пожилым, одиноким и больным людям. ИИС заботится о внуках и правнуках выходцев из Китая: студенты университетов и адемиических колледжей Израиля получают стипендии на праздник Ханука, а солдаты Армии обороны Израиля – скромные подарки ко Дню независимости и к Рош ха-Шана. Наша Ассоциация попрежнему является связующим звеном между разбросанными по всему миру выходцами из Китая, и эту функцию успешно выполняет наш «Бюллетень ИИС», который выходит на трех языках – русском, английском и иврите.

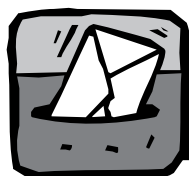
Мы, как и прежде, обращаемся к вам с просьбой вносить свой посильный вклад в наше общее дело путем пожертвований к праздникам или по случаю других событий вместо цветов. Своим благородным актом вы поможете нуждающимся и поддержите деятельность нашей ассоциации, которая, несмотря на солидный возраст, все еще нужна людям.

Ваши пожертвования просим присылать денежным переводом по адресу:

IGUD YOTZEI SIN, P.O.Box 13139, Tel Aviv 6113101, ISRAEL

С благодарностью и наилучшими пожеланиями всем вам!

РОССИЯ, Москва

Большое спасибо за ваш прекрасно изданный журнал. Я была поглощена чтением. Замелькали давно забытые слова – Модерн, Желсоб, милые названия знакомых улиц, и конечно, Розовая школа. Я прочла просьбу некоего Смурова, который просил отозваться его родственников Плоткиных, проживавших в Харбине. И тут меня словно ударило током: Плоткина – это я! Я тоже пыталась через новосибирский бюллетень «НСМ» найти кого-нибудь, кто знал нашу семью, но безуспешно.

Назавтра я написала по указанному адресу. Мы очень оперативно соединились через Скайп. Я увидела приятного, интеллигентного человека, чуть старше моего сына, и услышала от него то, что часто слышала в детстве в Харбине от бабушки – о начале нашей семьи. Этот человек действительно со стороны его матери (еврейки) наш родственник. Он послал мне фотографии матери, племянников, удивительно похожих на мужчин нашей семьи и носящих те же имена – Александр, Даниил, Борис, как бывает у сестер, выбирающих имена для своих сыновей.

Павел Михайлович Смуров тщательно изучает родословную своей семьи. Он сообщил мне интересные данные, например, где жил мой отец до женитьбы, адрес на Китайской улице, где жили дед с бабушкой, и наш адрес – Пекарная, 12, откуда мы и уехали после смерти отца.

Я так давно хотела попросить прислать мне ваш журнал, но как-то не решалась, и вот попала в точку. Еще раз благодарю вас и желаю всего самого лучшего вам и вашему изданию.

Цецилия ОСИПЕНКО (Плоткина)

ГОНОЛУЛУ, Кула

Друзья, продолжайте вашу замечательную работу, которую вы все делаете.

С наилучшими пожеланиями,

Джо МРАНЦ

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

УКРАИНА

Валя Равве,
пианистка

Ищу сведения о судьбе своей родственницы Валентины (Вали) Лазаревны Равве, 1923 г.р., пианистки, которая проживала в Китае с 1925 по 1948 год.

По моим сведениям, Валя проживала в Харбине с 1925 года, окончила Английскую гимназию, 1-ю Харбинскую музыкальную школу, с 1938 года давала персональные концерты, преподавала частным образом. В 1941 году заняла первое место на Всеманьчжурском конкурсе музыкантов по классу рояля.

После 1945 года была арестована и выслана в СССР, возможно, из города Дайрена.

Прилагаю фото Вали Равве 1942 года из картотеки БРЭМ.

Буду благодарен, если поможете отыскать людей, которые знали Валью по Харбину или которым известно что-либо о её судьбе в СССР.

Хотел бы связаться с Виталией (Татой) Бурсук. Родилась в 1930-е годы, окончила 1-ую Харбинскую музыкальную школу по классу рояля. Прилагаю фотографию Таты Бурсук. Буду благодарен за информацию о её судьбе.

Виталия (Тата) Бурсук –
пианистка, ученица В. Гершгоиной

Роман РАВВЕ
roman.ravve@gmail.com
skype: roman_ravve

В ОБЩЕСТВЕ ДРУЖБЫ ИЗРАИЛЬ-КИТАЙ И ИГУД-ЮЦЕЙ-СИН

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА

2 мая 2016 г. в Американском еврейском общинном клубе АИС в Иерусалиме прошел вечер памяти жертв Холокоста. В рамках мероприятия обсуждался вопрос о связи между дипломатией и Холокостом. В обсуждении принял участие исполняющий обязанности посла КНР в Израиле г-н Сы (китайский посол проводил свой отпуск в Китае), посол Албании в Израиле д-р Берди Наджи, посол Сальвадора Иерди Ромеро. ОДИК представляли Бернард Дарэль, Эли Кама, Рина Шарон и Рони Вейнерман.

ВИЗИТЫ ДЕЛЕГАЦИЙ ИЗ ХАРБИНА

19 мая 2016 г. офис ИИС посетила делегация правительства Харбина во главе с заместителем мэра госпожой Чу Лай, возглавлявшей в свое время важный проект реконструкции интерьера харбинской Старой синагоги и превращения помещения в концертный зал в центре города. Целью визита делегации было проведение переговоров с израильскими государственными органами в целях укрепления связей в области торговли и промышленности между Китаем и Израилем. В беседе был затронут вопрос, поднятый профессором Бен-Канааном во время реконструкции здания, о том, чтобы установить в бывшей синагоге мемориальную доску в память об Аврааме и Теодоре (Тедди) Кауфман.

***

2 июня 2016 г. в офисе ИИС и ОДИК побывала делегация молодых людей из Китая в сопровождении гидов Юй Ван и Уди.

ГОСТИ ИЗ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

14 июня 2016 г. в офисе принимали делегацию правительства провинции Хэйлунцзян во главе с генеральным директором Дун Имином. В составе делегации был советник по истории Цюй Вэй, бывший директор Академии общественных наук в Харбине и один из организаторов конференций бывших жителей Харбина в 2004 и 2006 гг. Члены делегации были также советник по бизнесу, руководитель отдела Хай Дунмэй и советник Чэнь Юнхуан. Обсуждался вопрос о доступе к архивным материалам, включая архив харбинской еврейской общины, а также культурные связи между провинцией Хэйлунцзян и ОДИК. Гости привезли с собой недавно вышедшую в свет книгу о евреях Харбина, в двух томах (на китайском языке), под редакцией Цюй Вэя и нашего друга Гали, научного сотрудника Академии общественных наук в Харбине.

***

27 июня посол КНР в Израиле, представители китайского посольства и члены ОДИК посетили город Цфат на севере Израиля.

ЭКСКУРСИЯ СО СТУДЕН- ТАМИ ИЗ КИТАЯ

1 июля 2016 года по инициативе Института Конфуция при Еврейском университете в Иерусалиме была организована экскурсия по местам, связанным с волной еврейской иммиграции из Китая, в которой приняли участие китайские студенты, обучающиеся в Израиле. Программа экскурсии включала посещение Музея диа-

споры «Бейт ха-Тфуцот» в Тель-Авиве, могилы д-ра Якова Розенфельда на тель-авивском кладбище и Синагоги памяти еврейских общин Китая на ул. Голан в районе Рамат-ха-Хайяль. В заключение участники экскурсии посетили офис ИИС и ОДИК в том же районе Тель-Авива на ул. Ха-Барзель.

ОБЕД В ЧЕСТЬ ПОСЛА КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

13 июля 2016 г. в тель-авивском ресторане «Ям ха-сини» («Китайское море») Общество дружбы Израиль-Китай и Игуд-Юцей-Син устроило обед в честь посла Китая в Израиле Чжань Юнсиня по случаю даты его вступления в должность.

ВСТРЕЧА С ГРУППОЙ СТУ- ДЕНТОВ ИЗ ПЕКИНА

14 июля 2016 г. в офисе ИИС и ОДИК состоялась встреча с группой китайских студентов факультета международных отношений Пекинского университета. В рамках визита делегация из пяти человек посетила Израиль, Иорданию и Палестинскую автономию.

ОБЕД В РЕЗИДЕНЦИИ ПОСЛА КИТАЯ

15 августа 2016 г. члены правления ИИС и ОДИК были приглашены на обед в резиденцию посла КНР в Израиле Чжань Юнсиня в Герцлии.

ПОСОЛ КИТАЯ В ГОСТЯХ У ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ ИЗРАИЛЬ-КИТАЙ И ИИС

Как и в прошлые годы, летом Общество дружбы Израиль-Китай (ОДИК) организовало традиционную поездку по стране представителей китайского посольства во главе с послом КНР в Израиле Чжань Юнсинем. На этот раз по просьбе господина Чжань Юнсина состоялась экскурсия в город Цфат, который китайские гости посетили впервые.

27 июня 2016 года посол КНР Чжань Юнсинь и сопровождавшие его чины китайского посольства, а также члены Игуд Иоцей Син и ОДИК прибыли в Цфат. Визит начался с приема, организованного мэрией Цфата в зале академического колледжа. Гостей встречали мэр города Илан Шохат и генеральный директор колледжа Шмуэль Хар Ной.

Директор Шмуэль Хар Ной ознакомил гостей с деятельностью колледжа и рассказал об обучающихся в его стенах студентах, особо отметив при этом уникальную структуру университетского городка. В отличие от других израильских кампусов, здесь здания расположены не на закрытой территории с оградой и входными воротами, оборудованными системой контроля, а разбросаны по разным частям города Цфата, что позволяет студентам интегрироваться в повседневную городскую жизнь и не чувствовать себя изолированными от городского населения. Директор также рассказал о недавно открывшемся медицинском факультете, на который принимают молодых людей из числа жителей района – евреев, мусульман, религиозных, светских, а также тех, кто приезжает в Цфат учиться благодаря хорошим условиям, созданным для студентов.

Академический колледж в Цфате предлагает студентам севера страны множество возможностей для получения специальностей, пользующихся спросом на рынке труда. Здесь можно получить первую академическую степень в таких отраслях, как юриспруденция, физиотерапия, социальная помощь. Программы обучения в колледже адаптированы к израильскому рынку труда, что позволяет выпускникам найти работу по окончании учебного заведения. Плата за обучение в колледже соответствует университетскому уровню. Кроме того, студенты могут пользоваться различными стипендиями.

Мэр города Илан Шохат рассказал гостям о планах развития Цфата и его интеграции в судебную-правовую сферу, поскольку в будущем предполагается объединить населенные пункты, примыкающие к Цфату, включая Хацор и Рош-Пина, и создать общий административный орган управления. Площадь, на которой располагаются пятнадцать поселков, включая Рамат-ха-Голан, предназначена для промышленно-научного городка при условии, что там будут созданы научно обоснованные промышленные предприятия. Мэр также подробно рассказал о достижениях в развитии города в течение последних нескольких лет и об улучшении его финансового положения.

В ответ посол КНР Чжань Юнсинь преподнес мэру города подарок. Затем гости посетили библиотеку колледжа. Китайскому послу очень понравилась библиотека; он сказал, что это его первый визит в Цфат, и выразил желание побывать здесь еще раз.

По окончании приема в колледже гости в сопровождении мэра города отправились на экскурсию в Старый город Цфат. Программой предусматривалось посещение художественных галерей в квартале художников и киосков в переулках. Затем гостей принимали в Каббалистическом центре Цфата, где руководитель центра Эаль Рисс коротко рассказал о сущности Каббалы.

Участники экскурсии выразили благодарность мэру города Цфата Илану Шохату, директору академического колледжа Шмуэлю Хар Ною и уполномоченному по туризму за гостеприимство и теплый прием в таком уникальном городе, как Цфат. К вечеру, возвращаясь из поездки, все были в хорошем настроении, довольные проведенным днем.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ ОДИК

11 июля 2016 года состоялось общее собрание членов ОДИК, на котором были представлены и единогласно утверждены отчеты о деятельности общества за 2015/2016 гг. и балансовый отчет за 2015 год, а также план работы на текущий год. Я.Гринберг был утвержден в качестве аудитора на новый срок. Председателем ОДИК был избран Ран Вейнерман, заместителями – Иоси Клейн и Тедди Пястунович, членами комитета – Эли Кама, Юдит Сандел, Варда Привер-Зусман, в контрольную комиссию – Моше Лихоманов (председатель) и Рафи Рашинский, в комиссию по культуре и разным мероприятиям – Варда Привер-Зусман, Эли Кама и Одед Гон.

Вкус пирогов, скрип снега

В Улан-Удэ у Елиа Кама теперь есть друг Рада Жалсараева - председатель общественного совета по туризму при Республиканском агентстве по туризму. Их дружба началась с его первого визита.

- Он приехал с большим списком, с названиями мест, о которых рассказывала его мать, - говорит Рада Жалсараева. - Мы постарались всех их посетить.

В 2010 году Елиа Кама увидел своими глазами памятные места детства матери о которых она ему не раз говорила. Каменный дом его деда Наума по улице Линховеина. Раньше эта улица носила название, Соборная, а потом Первомайская. Сейчас в нем располагается частная компания. В доходном доме, принадлежавшем купцам Капельманам, живут новые хозяева. Елиа Кама увидел улицу Большая, ныне Арбат, Царские врата - теперь Триумфальная арка, дом Общественных собраний, где сейчас находится Музей природы республики.

- Мать ему рассказывала об изумительных верхнеудинских рыбных пирогах, деревянных домах, в которых между бревнами проложены мох, о том, как скрипит снег под ногами. Про мост через Уду и даже про лодку, на которой в 1891 году Цесаревич Николай II переплывал через Уду, а потом ее хотели установить как памятник на одной из центральных улиц, - рассказывает Рада Жалсараева.

Они нашли старинное еврейское кладбище, которое когда-то располагалось в районе Набережной. - Там была захоронена его тетя, мамина сестренка, которая умерла еще в отрочестве, к сожалению найти ее могилу мы не смогли, а сейчас от кладбища нет и следа, - говорит экскурсовод.

«Меня тянет сюда»

Елиа Кама признается, каждый раз он возвращается в Улан-Удэ с радостью. Пройдясь по улицам, по которым когда-то маленькой девочкой бегала его мама, он навсегда полюбил Улан-Удэ.

- Когда пишу Раде письма, они всегда начинаются со слов «Я скучаю по Улан-Удэ», - с улыбкой говорит потомок Капельманов.

На вопрос, какие вы испытываете чувства, вернувшись на родину предков, Елиа разводит руками и отвечает: «Как будто я дома».

Он всегда интересуется новостями из Бурятии. Даже на мониторе компьютера у него выведен прогноз погоды в столице нашей республики.

- Я всегда смотрю, какая температура в Улан-Удэ, - улыбается израильский гость.

Елиа Кама пробудет в Улан-Удэ три дня, а затем уедет с друзьями на Байкал в Гремячинск и далее в Горячинск.

- Он с благодарностью и уважением всегда отзывается о том, что безмерно рад, что в Улан-Удэ хранят память о его предках, - говорит Рада Жалсараева.

Справка

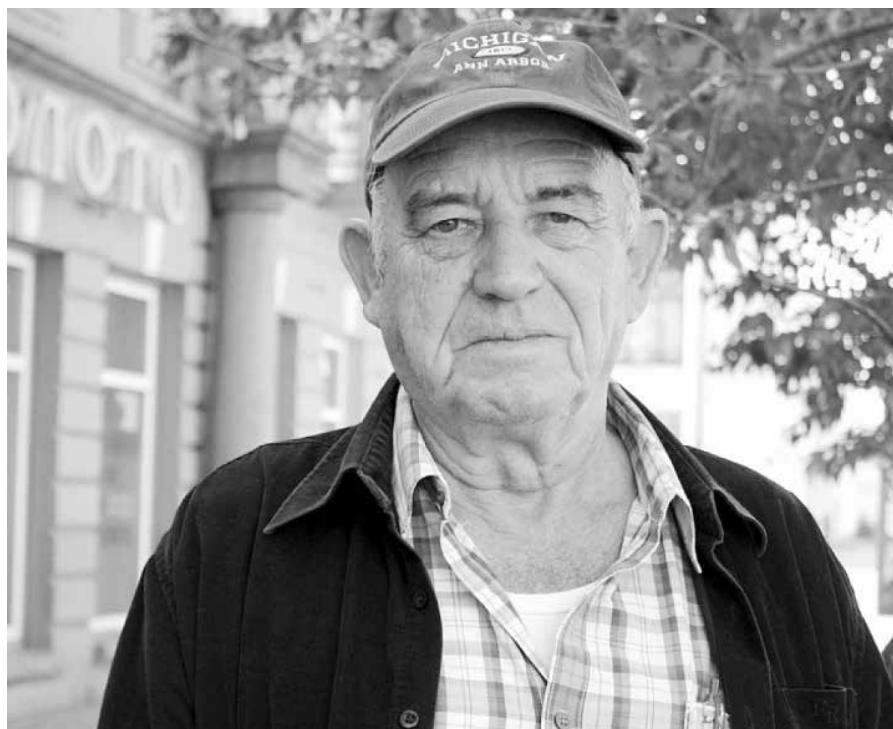
Нафтолий Капельман - купец I гильдии. Стал известен благодаря построенному им знаменитому «дому с атлантами». Его возвели в 1907 году на бывшей Большой Николаевской улице всего за 4 месяца. После открытия лесопильного завода при станции Онохой Забайкальской железной дороги, братья Наум и Нафтолий Капельман добиваются выделения на берегу Уды двух тысяч квадратных саженей земли для строительства мельницы и лесопилки. За четыре года Капельманы не только насыпают дамбу из камня, но и выписывают из Самары около 1000 деревьев для озеленения набережной Уды, строят жилье для рабочих. В годы первой мировой войны завод Капельманов - одно из крупнейших предприятий Забайкалья. В настоящее время в здании дома Капельмана размещены нотариальная контора, управление Буркоопсоюза, магазины. Объект состоит на государственной охране в соответствии с постановлением Совета Министров Бурятской АССР №379 от 29.09.1971 г.

В Улан-Удэ приехал потомок бурятских купцов Капельманов

Туяна Цыренжапова

**ПЕНСИОНЕР ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА 73-ЛЕТНИЙ ЕЛИА КАМА
ПРИБЫЛ НА РОДИНУ СВОИХ ПРЕДКОВ**

Мама любила Бурятию

Наша встреча и знакомство с Елиа Кама состоялось 2 июня возле «дома с атлантами». Ранним рейсом он прибыл из Москвы. Едва устроившись в гостинице, наследник бурятских купцов направился навестить памятные места родственников. Его мама – дочь одного из братьев Капельманов Наума. В Улан-Удэ потомок купцов прилетел с двумя друзьями. Кстати, Елиа Кама неплохо говорит на русском языке. Впервые в республике он побывал 5 лет назад.

- Я инженер-механик, когда вышел на пенсию, решил съездить в Бурятию о которой мне очень много рассказывала моя мама. Она очень любила Улан-Удэ, Сибирь. Постоянно вспоминала свое детство. Ей было 93 года когда ее не стало, - говорит израильский гость.

Родительница навсегда сохранила память о Верхнеудинске, где она родилась и жила до 16 лет, пока Капельманы не эмигрировали в Китай.

- В Китае, в 1926 году мама познакомилась с моим отцом, где позднее и я родился, - с улыбкой говорит Елиа.

Когда он уже стал взрослым, мама много рассказывала о родном ей бурятском городке.

Он внучатый племянник бывшего владельца известного «дома с Атлантами» купца Нафтолия Капельмана. Его родной дед Наум Капельман вместе с братом владельца лесопильным и мукомоль-

ным заводами в Верхнеудинске. После революции братья-купцы вместе с семьями эмигрировали в Китай. А затем переехали в Израиль. Елиа Кама уже в третий раз приезжает в Бурятию.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: "СДЕЛАНО В КИТАЕ"

Эндрю ШЕНЬ

КНР переходит от экономики, опирающейся на промышленность и экспорт, к упору на сектор услуг и внутреннее потребление. И это хорошая новость не только для Китая, но и для будущего глобальной экономики.

Происходящие перемены зафиксированы в новом выпуске «Синей книги коммерческого сектора Китая» (2016-2017), подготовленном "Fung Business Intelligence" и Китайской академией социальных наук. В 2015 году, после более чем десятилетия двузначных темпов роста, объем розничного сектора Китая достиг 30 трлн юаней (4,6 трлн долларов). Несмотря на падение темпов инвестиций, потребление домохозяйств быстро растет, и уже сейчас на его долю приходится 60% ВВП. И хотя темпы роста потребления замедлились до 10,7%, по прогнозам «Синей книги», к 2020 году объем внутреннего рынка Китая может достигнуть 7,7 трлн долларов.

Главным двигателем этой трансформации стали Интернет-технологии. Опираясь на осуществленные ранее масштабные инвестиции в инфраструктуру – порты, аэропорты, дороги, железные дороги и телекоммуникации, Интернет быстро расширяет возможности выбора, одновременно снижая цены и ускоряя доставку. В результате за последние годы розничные онлайн-продажи в Китае резко выросли: с 6% от общего объема розничных продаж в 2012 году до 13% в 2015-ом. К 2020 году 40% всех розничных транзакций в Китае будут, скорее всего, совершаться онлайн. Объемы онлайн-продаж через мобильные телефоны также под-

скочили со скромных 1,5% в 2011 году до 55,5% в 2015-ом. А еще через два года они могут достичь 74%.

В соревновании за создание крупнейшего в мире розничного Интернет-рынка Китай уже обошел США. При этом китайский рынок онлайн-торговли является еще и самым быстрорастущим, увеличиваясь примерно на 33% ежегодно. И хотя число пользователей Интернета в Китае значительно выросло (с 253 миллионов в 2008 году до 688 в прошлом году), места для дальнейшей экспансии еще предостаточно.

Эти успехи стали результатом инноваций, которые содействуют массовому потреблению без затрат на строительство и поддержку дорогой физической инфраструктуры розничной торговли. Одной из важнейших инноваций стали многосторонние платформы, такие, как "Alibaba". Они обеспечивают клиентам доступ к продукции, а также услугам логистики, дистрибуции и платежей, что позволяет им успешно конкурировать с традиционными бизнес-моделями. Во втором квартале 2016 года "Alibaba" объявила, что ее выручка от продаж на розничном рынке Китая выросла на 49% по сравнению с прошлым годом.

Китайские платформы Интернет-торговли становятся все более глобальными, угрожая подорвать доминирующие позиции транснациональных гигантов в международной торговле. Предполагается, что в следующем году объемы международной электронной торговли Китая достигнут 23% от общих торговых оборотов страны.

Превращение Китая в общество потребителей будет иметь глубокие последствия для поставщиков и дистрибьюторов товаров и услуг – как внутренних, так и глобальных. Поначалу этот процесс может ударить по некоторым торговым партнерам Китая, особенно развивающимся странам, которые давно зависят от спроса этой страны на их сырьевую экспортную продукцию. Какими бы ни были новые вызовы, непреложный факт в том, что процветающий Китай, опирающийся на внутренних потребителей, будет содействовать процветанию глобальной экономики и формировать ее. Мы можем сказать за это спасибо Интернет-торговле.

От редакции: автор статьи – бывший председатель Комиссии по ценным бумагам в Гонконге, адъюнкт-профессор университета Синьхуа в Пекине.

Подготовил Петр Синдик
«Казначей» («Вести»)

ВИЗИТ МАРКА РЕЙСБАУМА

24 июля 2016 офис ИИС посетил гость из США Марк Рейсбаум, исполнительный директор благотворительного Фонда Александра и Джун Мейзиных, из которого ежегодно Игуд Иоцей Син получает 30.000 долларов США в фонд стипендий для израильских студентов, обучающихся в университетах и академических колледжах страны. Как и в прежние годы, студенты – внуки и правнуки выходцев из Китая получают стипендии ИИС в декабре, в один из ханукальных вечеров.

Такое впечатление, что на этой улице толпятся одни иностранцы, поэтому ее еще называют Иностранной улицей. А мы бы сказали, что это улица Шопинга, так как отсюда можно привезти множество сувениров. Главное – торговаться, ибо цены очень завышены, и тут уже не до природных красот.

Зато местная и отнюдь не природная красота ждала нас поздним вечером, когда совсем стемнело. По-китайски это действие называлось «Лю Санцзе» (LIU SAN JIE impression), а нам переводили и как «Представление сестер Лю», и как «Впечатление на воде». Это феерическое шоу проходит под

открытым небом на реке. В нем участвуют несколько сот артистов, которые поют, танцуют и изображают сценки из легенды народности чжуан. Представители этой народности издавна населяли земли по берегам реки Ли, а легенда такова. Жили-были сестры Лю. Третья из них, Лю Санцзе, считалась богиней песен. Никто не мог сравниться с ней в песнопениях и красоте ее голоса. Считалось, что она воплощает собой звонкоголосого жаворонка. Но вот своей красотой и талантом Лю Санцзе приглянулась одному китайцу, Мо Хуайжэну, который захотел сделать ее своей наложницей. Однако с помощью одно-

сельчан Лю убежала со своим любимым.

Говорят, что легенда эта древняя и передавалась из поколения в поколение. Многие чжуаны до сих пор верят. Что Лю Санцзе в действительности жила в деревне на берегу реки Лицзян. Так или иначе, мы с восхищением посмотрели грандиозную, как все китайское, постановку с невероятными световыми эффектами. Стоит добавить, что эту феерию поставил знаменитый китайский режиссер Чжан Имоу. Который был главным режиссером церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр в Китае в 2008 году.

«Мир путешествий»

НАХОДКА АРХЕОЛОГОВ

Китайские археологи обнаружили руины большого отрезка древнейшей Великой Китайской стены.

Группа археологов из краеведческого музея автономного округа Нинся-Хуэй обнаружила на границе провинции Ганьсу с Нинся-Хуэйским АО девять секций древнейшей Великой Китайской стены общей протяженностью более 10 километров. Ученые предполагают, что эта находка является частью Великой стены, которая была построена во времена правления объединителя Китая Цинь Шихуанди из династии Цинь (221 г. до н.э.) – 206 г. до н.э.), пишет Интернет-ресурс China Daily.

Сообщается, что шесть секций стены из камня и лёсса расположены между деревней Нанчаньтан в Нинся и областью Цзиньюань в Ганьсу, на южном берегу реки Хуанхэ (Жёлтой). Остальные три секции из лёсса находятся в районе Дамьяо области Цзиньюань. Их длина составляет около 50

метров, высота 5 метров.

Цинь Шихуанди объединил Китай военной силой, завоевав все ранее независимые китайские царства. После объединения страны он начал строить на северной границе Великую стену, чтобы оградить государство от набегов кочевников гуннов. До этого в Китае уже был опыт строительства больших фортификационных валов, но никогда это не принимало таких масштабов.

В народной памяти строительство Великой стены при Цинь Шихуанди осталось как всеобщая трагедия. Строительство стоило империи огромного числа человеческих жертв. Все эти усилия оказались абсолютно напрасными, так как Поднебесная не могла содержать армию, которая была бы способна охранять эту стену. Китайские хронисты упоминают, что стена стала препятствием для беглых китайских крестьян, которые пытались сбежать в северные степи, чтобы осво-

диться от гнета империи Цинь, но она не защитила империю от набегов кочевников. Уже при следующей династии Хань была принята другая стратегия обороны от гуннов – создание мобильных конных отрядов быстрого реагирования для оперативного отпора кочевникам, совершающим набеги на приграничные китайские территории. Стена пришла в негодность и разрушилась. В последующие века стену неоднократно строили заново, хотя она никогда не оправдывала возложенных на нее надежд.

Та Великая Китайская стена, которая является одним из знаковых туристических объектов в современной КНР и даже видна из космоса, – это более поздняя постройка времен династии Мин (1368-1644 гг.). В любом случае Великая Китайская стена является выдающимся памятником древней архитектуры.

«Мир путешествий» («Вести»)

осталось без легенды. Она гласит, что некий мудрец, очарованный красотой этой пещеры, захотел прославить ее в стихах. Он думал, думал и только успел сочинить: «Лудиянь – шедевр природы! Хочу описать твою красоту, но нужных слов подобрать не могу», как превратился в камень, нависающий теперь над одной из стен грота. Много удивительных пещер есть в Гуйлине, обо всех не расскажешь...

ЕДА

Поговорим немного и о том, благодаря чему наши впечатления станут еще более яркими, - о еде в Гуйлине. Самое популярное местное блюдо – это лапша из рисовой муки «гуйлинь ми фэнь», которая здесь продается в любой закусочной, однако в других районах Китая ее не найти. Говорят, что многие китайцы приезжают в Гуйлинь не столько ради прекрасных гор, сколько для того, чтобы попробовать это знаменитое блюдо. Суп из «гуйлинь ми фэнь» отличается необыкновенным вкусом и запахом, недаром рецепт его приготовления насчитывает более трехсот лет. Большинство гуйлинцев считают, что день по-настоящему задался только в том случае, если после утренней зарядки съесть ароматную гуйлинскую лапшу.

Еще одно традиционное яство – гуйлинский масляный чай, который нам показался немного странным на вкус. Этот напиток приготовить довольно сложно, так как все необходимые компоненты можно найти только в Гуйлине. Такой чай, приготовленный из имбиря, имеет горьковатый привкус, поэтому к нему подают соль, сладкий воздушный рис и зеленый лук. Казалось бы, взрывоопасная смесь! Но китайцы утверждают, что после пары-тройки пиал гуйлинского масляного чая сразу наступает прилив сил и энергии. Кроме того, имбирь – прекрасное

средство от простуды, частого недуга во время затяжных дождей.

УДИВИТЕЛЬНАЯ РЫБАЛКА

Как можно поймать рыбу без удочек, спиннингов, сетей и всяких хитроумных приспособлений, то есть без рыболовных снастей? А вот гуйлиньские рыбаки знают такой способ. Для этого они используют тренированных бакланов. Ночью мы присутствовали при такой необычной рыбалке. Бакланы немного похожи на уток, но имеют более длинную шею, тонкий вытянутый клюв, на конце которого есть острый крючок. Они отличные ныряльщики и могут долго находиться под водой.

Одним концом веревки баклану обвязывают шею, чтобы он не смог проглотить добычу, а другой конец веревки привязывают к бамбуковому плоту. Затем птицу-рыбака сталкивают в воду. Баклан ныряет и ловит рыбу. Его вытаскивают на плот, из горла достают добычу. Кидают в корзину, и процесс продолжается. На горло тренированных бакланов вместо веревки иногда надевают кольца, так как на плот хозяина они возвращаются сами.

Пару слов стоит сказать и о бамбуковых плотках. Мы привыкли иметь дело с тонкими бамбуковыми стволами, в основном удочками или лыжными палками. А здесь мы увидели плоты из стволов бамбука диаметром десять и более сантиметров. На носу плота концы стволов слегка загнуты. Вот такое плавсредство используют вместо лодок, что гораздо проще в изготовлении и дешевле.

СОН НАЯВУ НА РЕКЕ ЛИ

Впечатления от Гуйлина померкли, когда мы отправились в круиз по реке Лицзян, которую ласково называют «Ли». Горы между Гуйлинем и Яншо красоты необычайной, неземной. Неда-

ром древняя китайская поговорка утверждает: «Пейзажи в Гуйлине прекрасны, а в Яншо – еще лучше». Длина реки Ли между Гуйлинем и Яншо примерно 80 километров, здесь на ее берегах насчитывается около 40 тысяч гор. Бесполезно пытаться описать эту красоту, горы необычной формы, подернутые легким туманом, и саму реку, которую великий поэт Хань Юй назвал «шелковой лентой с горами, отражающимися в ее изумрудных водах». Все это мы видели перед собой словно во сне. А по берегам тянулись заросли бамбука, рисовые поля...

Пейзажи Яншо настолько прекрасны, что один из них запечатлен на купюре достоинством 20 юаней. Известные места имеют своеобразные названия: «Гора Бутыль», «Гора, где жена ждет мужа», «Пик Рыбий хвост», «Гора Девять лошадей», «Голова дракона», «Пики Пять пальцев».

ВЕСЕЛЫЙ ГОРОДОК ЯНШО

Приплыли в Яншо. Атмосфера, царящая здесь, сразу развеяла наши романтические впечатления от круиза. Яншо, стиснутый горами город, открытый только к реке, полностью живет туризмом. Его считают самым туристическим китайским городом. В центре находится главная пешеходная улица Сицзе (Западная), на которой с давних времен сохранились дома южнокитайского стиля с резными крышами. Здесь множество магазинов и ресторанов с китайской, индийской и европейской кухней, повсюду уличные лоточники, вывески на китайском и английском языках. Мы обратили внимание на ресторан с такой необычной вывеской: «Мей Ю», и по-английски: «У нас нет». У входа разъяснение: «У нас нет теплого пива, нет плохой еды, нет обираловки, нет “плати валютой”, нет плохого обслуживания».

А если уж совсем по-китайски, поэтично, то – «лес ароматных деревьев». В Китае с цветком этого дерева связано много традиций и легенд. Говорят, что он приносит счастье и является знаком романтической любви, а также символом китайского праздника луны. Цветки османтуса добавляют в чай и используют в лечебных целях. Цветение растения начинается осенью и продолжается до весны. Чарующий запах цветущего османтуса, разлитый в воздухе, придает Гуйлиню еще большее очарование.

ГОРЫ

У каждой гуйлиньской горы – скорее холма – есть название, которое она получила благодаря своим очертаниям: «Камышовая флейта», «Холм белого тигра», «Складчатая парча»... На некоторых горах имеются лестницы, построены храмы и беседки.

В центре города высится 152-метровый пик «Одинокая красавица». Его еще называют «Фиолетовым» или «Золотым», так как на закате или восходе солнца он окрашивается в фиолетовые или золотистые цвета. Преодолейте 306 ступеней, и вы окажетесь на вершине, откуда открывается прекрасный вид.

При слиянии рек Лицзян и Таохуацзян находится самое знаменитое место в городе, где высится холм, даже можно сказать – утес, под названием «Слон, пьющий воду». Единственное, что несколько смущает, – это растущая «щетина» в виде кустов и небольших деревьев на спине «слона». Это любопытное творение природы – символ Гуйлиня.

В Китае существует легенда про каменного «слона». Однажды в глубокой древности стадо священных слонов небесного владыки-императора спустилось в Гуйлинь. Удивительные пейзажи здешних мест настолько поразили этих животных, что они захо-

тели остаться здесь. Но небесный император повелел им немедленно вернуться. Все слоны послушались и вознеслись, кроме одного, который никак не хотел покидать очаровавшую его землю. И вот когда мучимый жаждой непокорный слон пил воду из реки Лицзян, разгневанный небесный владыка, вынув меч, вонзил его в спину строптивца и пригвоздил к берегу, навечно оставив в Гуйлине. Так и стоит непокорный слон, превратившийся в утес, а на спине его виднеется пагода, как рукоятка от вонзенного священного меча.

Гора Фубо названа в честь победоносного воителя генерала Фубо Ма Юаня. На этой горе находится построенный в первом тысячелетии нашей эры храм маркиза Синьси – такой титул был пожалован легендарному Фубо. Но так как гора Фубо находится на берегу реки Лицзян и с одной стороны опускается в воду, ее называют также «Фубошань» («Гора, умиряющая реку»). И действительно, весной, когда Лицзян разливается, гора преграждает путь стремительным потокам, которые подвергают ее склон интенсивной эрозии. Они вымыли в скале некое образование в виде колонны с зазором внизу, что также породило легенду. Давным-давно могущественный Фубо решил проверить прочность своего клинка. Взмахнув мечом, он ударил по колонне и прорубил в ней щель. Этой щели жители Гуйлиня приписывают мистические свойства. Существовало поверье, что если мужчина просунет в нее кулак, то у него родится сын, который станет высокопоставленным чиновником императора. Поэтому здесь всегда толпились мужчины, мечтавшие о лучшей судьбе для своих сыновей. В экзотических гротах и пещерах, а также на поверхности горы сохранились наскальные изображения Будды и письма знаменитых каллиграфов времен династии

Тан. Не стоит удивляться множеству древних памятников письменности, высеченных на скалах: бумаги тогда еще не знали, а высказаться хотелось.

ПЕЩЕРЫ

Гуйлинь – край не только гор, но и удивительных карстовых пещер и гротов. Во время Второй мировой войны жители города прятались в них от бомбежек японской авиации. В то время была заново открыта пещера Лудиянь. На самом деле она была известна еще в древности, примерно двенадцать столетий назад, о чем свидетельствуют наскальные надписи первого тысячелетия. Существует поверье, что эту пещеру обнаружил некий крестьянин, собиравший хворост. Он провалился в расселину, которая оказалась входом в подземелье.

Лудиянь – знаменитая пещера Тростниковой флейты – расположена на южном склоне горы Гуанминшань, километрах в семи от города. Свое название пещера получила благодаря растущему в этой местности тростнику, из которого изготавливали флейты. Искусственная подсветка пещеры, ее известковых наплывов, сталактитов и сталагмитов, вызывает необычайные световые эффекты. Кажется, что ты попадаешь в неведомый сказочный мир волшебных образов. Недаром залы пещеры получили поэтичные названия: «Хрустальный дворец», «Башня дракона», «Заря в Львиной роще», «Красный порог»...

В пещере есть озеро, поверхность которого представляет собой гигантское зеркало, так как вода здесь ничем не колеблется. Интересен один из каменных столбов, который носит название «Волшебный посох царя драконов». Считается, что благодаря ему море сохраняет спокойствие. Пещера огромна, в ней можно заблудиться. Разумеется, такое изумительное творение природы не

ЛОХМАТЫЙ САОН ГУЙЛИНЯ

Ефим ТЕРЛЕЦКИЙ

«Поднебесная» - так когда-то китайцы называли свою обожаемую империю, полагая, что всё, лежащее под небом, принадлежит им. А Фан Чэнда, великий поэт империи Южная Сун, воскликнул: «Удивительные пейзажи Гуйлиня – первые в Поднебесной!»

Да, есть на юге Китая город Гуйлинь, издавна славящийся окружающими его пейзажами невероятной красоты.

Особую прелесть городу придает река Лицзян со сказочными видами, открывающимися с ее берегов. Кстати, эта река по качеству и чистоте воды занимает сегодня первое место среди городских водных артерий Китая. Ландшафты Гуйлиня представляют собой крупнейшие отложения карстовых пород, которые своей причудливой формой создали этим местам всемирную известность, привлекая множество туристов.

Здесь особенно впечатляют удивительные невысокие горы с округлыми, как у холмов, вершинами, подернутые мягкой дымкой, которые отражаются в водной глади реки, извивающейся между ними. Все это являет собой такое восхитительное зрелище, что кажется, будто тут не обошлось без божественного творения. Китайцы выделяют четыре особенности здешних мест – зеленые холмы, прозрачные воды, удивительные пещеры и камни причудливых очертаний. А еще они говорят: «Если есть горы и реки, что еще нужно для души!» Естественно, поэты, вдохновленные такими пейзажами, воспевали их в стихах, а художники изображали эту кра-

соту на шелке особым стилем, применяя тушь и водяные краски.

В ГОРОДЕ ГУЙЛИНЬ

Несмотря на то что Гуйлинь был основан в 214 году до н.э., в Европе о нем было известно только по рассказам и картинам. Есть сведения о том, что впервые природные чудеса Гуйлиня увидели пленные португальские моряки примерно в 1550 году, а спустя сто лет этими же ландшафтами любовались иезуитские священники, тщетно пытавшиеся обратиться в христианство властителей Поднебесной. Наконец и мы, люди третьего тысячелетия, приобщились к созерцанию гуйлиньских пейзажей.

Из-за бедных почв это место неохотно заселялось представителями хань – основной народностью Китая. Здесь сохранились древние традиции и обычаи малых народов – мяо, дун и чжуан. Говорят, что вообще эти края населяют около тридцати народностей. Не знаю, к каким именно этническим группам принадлежали весьма приятные дувушки в разных нарядах, которые обступили нас в центре Гуйлиня. Окружив туриста мужского пола, они охотно фотографировались с ним, однако потом требовали за это деньги. Вот такое «гаремное» развлечение встретило нас в гостеприимном городе. В Гуйлине много прекрасных парков, где расположены интересные места, о которых мы еще расскажем. Несмотря на то что город этот древний, от прежних времен мало что сохранилось. По обе стороны главной городской улицы Чжуншаньлу находятся два

озерца- Жун и Шань. Это остатки городских рвов, когда-то окружавших крепостную стену. По их берегам растут плакучие ивы, вызывают умиление горбатые мостики. Здесь уцелел древний баньян, которому, как говорят, восемьсот лет. Баньян – это такой фикус. На его ветвях вырастают воздушные корни, которые, свисая все ниже, укореняются в земле, образуя целую рощу. На берегу озера Жун сохранились старинные южные городские ворота.

Есть в Гуйлине и Музей удивительных камней, который, безусловно, стоит посетить. Невозможно пройти мимо панно из нефрита, как бы демонстрирующего не только шедевр искусства, но и неповторимый образец истинно китайского терпения и старания. А еще достойным объектом для посещения мы назвали бы Академию искусств, где привлекает внимание Музей китайской живописи. Здесь мы послушали чрезвычайно интересную лекцию об особой бумаге и туши, которыми пользуются живописцы. Долгими упражнениями они разрабатывают нанесение мгновенных мазков. При нас такими мазками художник быстро набросал тушью эскиз рисунка с цветущим бамбуком.

ДЕРЕВЬЯ

Даже растительность вокруг Гуйлиня красива и необычна. Это главным образом вечнозеленое коричное дерево, или душистый османтус, близкий родственник жасмина и сирени. Само название города переводится как «лес османтуса», или «коричный лес».

него своего, как самого себя”... Будем верны этим заветам и в свете их будем продолжать нашу работу на благо наших земляков». Так писал Тедди в 1995 году... «Мы нашли нашу мелодию», а ведь это они и про себя, ни слова не сказав о своей роли. Как пишет о нем

харбинка Ц.Любман, Тедди Кауфман всецело посвящал себя, свою жизнь служению на благо земляков. Его отличала преданность делу, отзывчивость и скромность, интеллигентность в сочетании с талантом организатора. Это был очень добрый и светлый человек.

Тедди Кауфмана, нашего земляка-харбинца, не стало 15 июля 2012 года – ровно четыре года тому назад. Будем хранить память о нем.

А.С.СВИСТУНОВ
г.Лермонтов, Россия
«НСМ», № 194, 2016

ЭТА СТАТЬЯ ОБО МНЕ

16

И
Г
У
Д

Й
О
Ц
Е
Й

С
И
Н

Мы приехали в Израиль всей семьей в октябре 1961 года. Нелегки были первые шаги в нашей жизни в стране. Родителей отправили на жительство в Верхний Назарет, а меня с женой и сыном поместили в «Ульпан Академаим» в Беэр-Шеве.

Первая моя работа была в «Мифалей-Ям-ха-Мелах» на Мертвом море, где я проработал около года. Следующим местом работы стал строительный отдел в Еврейском университете в Иерусалиме, где я работал инженером-строителем почти сорок лет вплоть до выхода на пенсию в 2002 году. Я закончил свою карьеру в должности главного инженера по эксплуатации университетских зданий и филиалов на территории всех четырех кампусов – это Иерусалим, Гиват-Рам, Хар а-Цофим, медицинский факультет в Эй-н-Карем, а также сельскохозяйственный факультет в Реховоте. Общая площадь университетских помещений составляла тогда около 800 тысяч квадратных метров.

После Шестидневной войны последовало перемещение многих университетских структур из Гиват-Рама на Хар а-Цофим, и руководство университета приняло решение превратить кампус в Гиват-Рама в факультет естественных наук. Меня назначили ответственным инженером по строительной части в этом колоссальном проекте перестройки и реконструкции университетских зданий общей площадью 40 тысяч квадратных метров. Проект предусматривал проведение работ по намеченному плану в определенные сроки, чтобы ни в коем случае не нарушать текущий учебный год. Университет представил необходимые документы

в государственную комиссию «Прас Исраэль» для участия в конкурсе, и наш проект занял второе место в своей области среди участников со всей страны.

В Харбине с 1953 по 1958 год я был студентом ХПИ и, закончив пятилетнее образование в институте, получил диплом инженера-строителя. Наша семья покинула Харбин в 1961 году и прибыла в Израиль после кругосветного путешествия 31 октября 1961 года.

В нашей семье двое детей – дочь и сын и четверо внуков – двое у дочери и двое у сына. Мы проживаем в Иерусалиме, приобрели здесь много хороших друзей и знакомых.

В Игуд Иоцей Син меня «затянул» наш бывший председатель Тедди Кауфман, с которым я любил встречаться, вести интересные разговоры, «гулять» по улицам нашего Харбина, вспоминая разные объекты, здания, общественные еврейские учреждения, синагоги, в которых проходили моления до последнего дня существования еврейской общины.

Я принимал активное участие в работе нашего Игуд Иоцей Син и был назначен ответственным за решение проблем строительства и прочих вопросов, связанных с нашим помещением «Бейт-Понве» на ул. Грузенберг и Синагогой памяти еврейских общин в Китае на ул. Голан в Тель-Авиве. Хочу отметить, что нынешнее руководство ИИС во главе с Иоси Клейном продолжает успешно управлять текущими делами нашей организации, которая постоянно с помощью нашего журнала «Бюллетень ИИС» поддерживает связь с нашими земляками в стране и за границей.

Мне в октябре этого года исполнилось 80 лет. На вопрос, как я себя чувствую, отвечаю, что чувствую себя моложе своих лет.

Я хочу пожелать всем нашим землякам хорошего праздника Ханука и чтобы наш Игуд Иоцей Син в дальнейшем существовал и процветал.

Сева ПОДОЛЬСКИЙ

ТЕДДИ КАУФМАН:

«МЫ НАША И НАШУ МЕЛОДИЮ»

Никак не пойму: то ли мир так тесен, то ли в нем все так плотно, так взаимосвязано, взаимосвязано? А главное – перетекает, вытекает одно из другого. Вот в «НСМ» № 192 мелькнула фамилия: «Дзгоев», а в памяти всплыли воспоминания моей жены (увы, покойной) о Нине Батоевой – дочери тоже «выходцев из Осетии». Дома у Нины, как вспоминала моя Валя, на стене висел портрет Косты Хетагурова: «Наш Пушкин!» А вспомнилось это еще и потому, что в сборнике стихов Алексея Ачаира есть переводы из «Осетинской гармонии» Кошгъта Хетагкате, т.е. из «Осетинской лиры» Хетагурова. Ведь, если я правильно запомнил, Нина окончила колледж ХСМЛ и даже работала там после окончания, а, значит, могла познакомить Ачаира со стихами Хетагурова, перевести их с осетинского, пересказать на русском. Дальше по цепочке воспоминаний всплывает Тедди Кауфман. Ведь его семья снимала квартиру в доме Батоевых на Пристани. И еще – они, т.е. Нина и Валя – «танцевали» с Тедди в Желсобе». Так Тедди поселился в моей памяти не просто, а по-хорошему знакомым и непонятно в чем близким. Естественно, любое напоминание о нем с тех пор было для меня всегда доброй вестью, пусть и о заочном, но близком человеке. Таким напоминанием стал и редактированный им столько десятилетий – с первого выпуска и до последнего вздоха – «Бюллетень», журнал Ассоциации выходцев из Китая в Израиле. Благодаря «Бюллетеню» я косвенно и нежданно-негаданно для себя даже прикоснулся, поучаствовал в поиске поте-

рвавших друг друга сородичей.

Ассоциация выходцев из Китая в Израиле... Она – наследница и продолжательница на Земле Израиля традиций, сложившихся еще в Китае. А Тедди – наследник и продолжатель еще и дела своего отца, А.И.Кауфмана, врача и видного харбинского общественного деятеля, -- дела помощи своим землякам, нуждающимся в поддержке как бытовой, так и финансовой, в социальной адаптации, и общения в условиях дальневосточного рассеяния. А ведь это не просто дело, работа, это – служение. Тедди репатриировался из Харбина в молодое еврейское государство в конце 1949 года, активно включившись там как в трудовую, так и общественную работу. По приезду, с самых первых месяцев он включился и в становление, и в развитие содружества выходцев из Китая в Израиле. Уже в 1951 году при его активном участии была создана Ассоциация и он стал ее почетным секретарем, а в 1954-ом им был организован первый выпуск «Бюллетеня» на русском языке (впоследствии к русскому были добавлены приложения на английском и иврите). Просматривая имеющиеся у меня номера «Бюллетеня», я наткнулся на небольшую статью Тедди из выпуска за июнь 1995 года. Пожалуй, я ее процитирую, чуть сократив: «Сорок четыре года тому назад группа еврейских общественных деятелей, в прошлом активно работавших в еврейских общинах Китая, создала... объединение выходцев из Китая... В большинстве своем неустроенные, со всеми проблемами, возникающими перед новыми иммигрантами, в

тяжелых экономических условиях израильской действительности начала 1950-х годов, эти люди поняли, что нельзя порвать с традициями еврейских общин, существовавших в Китае, нельзя отрывать от своих корней, а следует продолжить историю наших еврейских общин и необходимо объединиться во имя благой цели – помощи землякам. И земляки, проживающие в иммигрантских лагерях... в протекающих палатках и бараках, стали получать помощь. У них появился адрес, по которому они могли обращаться за советом, помощью, информацией. Теперь было к кому прийти поговорить о наболевшем, посоветоваться в случае необходимости, получить срочную помощь. Так было 44 года тому назад (а сегодня – уже 65 лет! - А.С.), так было все последующие годы, так есть сегодня. Вот поэтому и был создан Игуд Иоцей Син (т.е. Ассоциация выходцев из Китая в Израиле - А.С.). А почему он существует сегодня? Видимо, корни слишком сильны. Видимо, те два завета, на которых было воспитано еврейство Китая, сильнее времени и пространства: «В будущем году в Иерусалиме» и «Люби ближнего своего, как самого себя». Просто, велико и вечно! Есть китайская притча. Жена говорит мужу: «Ты все время играешь одну и ту же мелодию, а твои друзья играют все новые и новые мелодии». На что муж ей отвечает: «Они ищут свою мелодию, но еще не нашли ее. Я нашел, поэтому играю ее всегда». Мы нашли нашу мелодию, которая неизменна и которая дает нам силы жить и идти по пути: «В будущем году в Иерусалиме» и «Люби ближ-

ПРАВЛЕНИЕ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

сердечно поздравляет

Ави ПОДОЛЬСКОГО с 80-летием

и желает ему и всей семье здоровья, счастья и благополучия

Дорогого и любимого СЕВУ поздравляем

с достижением весьма почтенного и великолепного возраста –

с 80-летием.

Мы все – жена Наташа, сын Саша, дочь Галя и Ори,

внуки Дана, Рой, Гай и Таль, сестра Эстер и Цви

обнимаем Севу и желаем крепкого здоровья, счастья и

долгих лет жизни. До 120!

ТОСТ В ЧЕСТЬ РОШ ХА-ШАНА

22 сентября 2016 г. в офисе собрались члены ИИС, чтобы провозгласить тост в честь наступающего еврейского нового года Рош ха-Шана. Был накрыт стол и поданы легкие закуски. Иоси Клейн приветствовал присутствующих и пожелал всем землякам в Израиле и за границей здоровья и благополучия в наступающем году. Собравшиеся с большим удовлетворением отметили очень приятную обстановку, которая сложилась в новом помещении офиса. Их мнение особенно приятно потому, что такое мероприятие было устроено впервые после переезда ИИС на новое место. Шана Това!

отдаленных пригородов, где жила беднота.

Когда я уезжал из Харбина в 1949 году, население города составляло 800 тыс. человек. Спустя много лет мне довелось побывать в Харбине четыре раза - в 1992, 1994, 2004 и 2006 годах, и передо мной предстал современный город с населением 8 млн. 400 тыс. человек, с торговыми центрами, туристическими объектами и культурными учреждениями. Набережная реки превратилась в прекрасную зону для прогулок, через реку был возведен новый мост, а на горизонте выросли небоскребы.

Но для меня Харбин остался чудесным уютным местом, где прошло мое детство и юность. Мы, родившиеся в Харбине или приехавшие туда в раннем детстве, бережно храним воспоминания о том времени. Мы помним прежнюю набережную реки Сунгари, экипажи, запряженные лошадьми, которые поднимали облака пыли, проезжая по немощеным улицам, и никогда не забудем дачи в Затоне на противоположном берегу реки, где проводили лето, Солнечный остров, городской сад и виадук.

Мы считали себя евреями, живущими в Китае, и для нас это было совершенно естественно. Хотя Китай не был моей родиной, китайцы, окружавшие меня в детстве и юности, обладали большим терпением. Их гостеприимство и доброжелательность позволяли нам чувствовать себя желанными гостями на китайской земле. Правда, они видели в нас нечто необычное, но при этом принимали фактически такими, какие мы есть, не строили козни против нас, не мешали нам чувствовать себя евреями и не запрещали заниматься сионистской деятельностью.

Действующие при общине общественные учреждения внушали нам чувство уверенности и служили источником вдохновения. Не было ни одного ребенка в

общине, который хотел бы учиться, но не мог из-за того, что некому было оплачивать его учебу. Не было такого пожилого человека, который бы боялся быть брошенным в старости. Не было больного, который бы не получал медицинскую помощь. И каждый знал, что когда придет его время уйти в мир иной, его проводят в последний путь должным образом. Еврейская община предоставляла покровительство и социальную защиту всем ее членам.

Мы в нашей Ассоциации выходцев из Китая Игуд Иоцей Син стараемся продолжать, хоть и в гораздо меньших масштабах, завещанные нам традиции харбинской общины и следуем еврейскому изречению «Деяния отцов – знак сыновьям» (דְּעִינִי מִן הַאֲבוֹת לְבָנֵי שְׁמִי), смысл которого в следующем: дела отцов служат началом того, что предназначено делать их сыновьям, что бы ни случилось. Мы поддерживаем связь с внуками и правнуками евреев – выходцев из Китая, следуем традиции взаимной ответственности, оказываем социальную помощь нуждающимся и присуждаем стипендии студентам высших учебных заведений.

Эта книга написана с целью сохранения для потомков уникального наследия, которым отличалась харбинская еврейская община, а также в знак любви и уважения к её лидерам, указавшим нам путь и научившим нас ставить общее благо выше собственного. Это были лидеры, которые проповедовали братство и справедливость, обладали предприимчивостью и способностью создавать новое, трудолюбием и безграничной любовью к Сиону и народу Израиля.

----- К О Н Е Ц -----

Перевод с иврита Ц.Любман

НАМ ПИШУТ СОЛДАТЫ

ИЗРАИЛЬ

Мы, Офри Маков и Ор Кедар, из мошава Амикам, внуки Дины Кедар и правнуки Бори и Мани Трегубовых, получили от вас денежный подарок к празднику Рош ха-Шана.

Хотим поблагодарить вас за вашу поддержку на протяжении всей нашей военной службы. Несколько лет назад наши родители, которые родились в Израиле, посетили родной город членов нашей семьи в Китае. Они были очень взволнованы поездкой, которая произвела на них большое впечатление. Мы горды тем, что принадлежим к сообществу выходцев из Китая. Большое вам спасибо.

С наилучшими пожеланиями к празднику.

Офри МАКОВ и Ор КЕДАР

ИЗРАИЛЬ

Искренне благодарю вас за внимание и доброе отношение. Большое спасибо за подарок к празднику. Хочу пожелать вам на Судный день (Иом Кипур) завершающего хорошего подписания - Гмар Хатима Това и удачного года. Спасибо.

Омри САРУССИ

Китайцы ожидали его вместе с нами. Встречавшие были очень взволнованы, у многих на глазах были слёзы. Мы ожидали увидеть старого еврея, сгорбленного, возможно, опирающегося на палку, но, к счастью, к нам вышел человек, собранный, подтянутый, с гордо поднятой головой, готовый завтра приступить к врачебной практике.

Вывавшись из мрака на свободу, к свету, отец готов был кричать на весь мир о том, что происходит с евреями за «железным занавесом». Внутри у него всё кипело: «Я не могу спать, не могу сидеть спокойно, не могу обрести душевный покой. Надо прервать заговор молчания, необходимо выпускать евреев из Советского Союза. И надо кричать об этом!» Он повторял это много раз.

До восьмидесяти пяти лет отец работал врачом полный рабочий день в поликлинике «Клалит» в Рамат-Гане. В 1967 году, когда началась Шестидневная война, он как врач хотел пойти добровольцем в армию, но его не взяли из-за возраста. Отец никогда не отказывался посещать больных на дому, не ленился подниматься по лестнице к больным даже на третий этаж, добровольно работал по очереди с другими врачами по субботам и всегда был готов заменить кого-нибудь из врачей в случае необходимости.

Он ежедневно читал газету «Давар» и газеты на идиш, не желал выслушивать претензии или высказывания недовольства в адрес государства. Он присоединился к профсоюзному движению («Мапай»). У него был абонемент на концерты Израильского филармонического оркестра. Он выступал с лекциями на русском языке, писал увлекательную книгу воспоминаний и жил полноценной, насыщенной жизнью. Это был человек, мечта которого сбылась. Он верил в сионизм с самого начала, и эта вера всю жизнь поддерживала его и помогала выжить. Тот сионизм, который был его опорой, его мечтой и надеждой -- его сионизм, превратился, наконец, из мечты в реальность!

Мои отец и мать были и остаются для меня не только родителями, они символизируют историю харбинских евреев. Харбинская еврейская община оказала большое влияние на формирование моего характера, сопровождала меня на протяжении всей моей жизни, и я горжусь, что имею честь быть причастным к этому замечательному сообществу.

Любовь и духовная связь между мной и моим отцом продолжала существовать в течение долгих лет, проведенных отцом в Советском Союзе. Когда же он вернулся после освобождения, у меня появилось такое чувство облегчения, будто я заново обрел отца. С этого момента мы – отец и сын – еще крепче привязались друг к другу.

Отец перестал работать врачом за три месяца до смерти. Он скончался в марте 1971 года в возрасте 86 лет.

Эпилог

Евреи, которые жили в Харбине с момента основания общины в 1903 году и до 1962 года, не только создали замечательную еврейскую общину – они сделали гораздо больше. Их предпринимательская деятельность способствовала становлению и развитию всего города. Помимо еврейских общественных институтов, таких, как синагога, общинный центр, школа, дом престарелых и молодежные сионистские организации, харбинские евреи основали учреждения, которые служили интересам всех горожан. Особо следует упомянуть Еврейскую больницу и Еврейскую бесплатную и дешевую столовую для нуждающихся.

Однако вклад еврейской общины не ограничивался только созданием общественных учреждений. Еврейским предпринимателям принадлежала важная роль в развитии экономики и торговли. Соскины владели мукомольными предприятиями и развивали коммерческий флот речных судов; пищевые продукты экспортировал Кролл; сахарное производство принадлежало Цикману; заготовкой пушнины и торговлей мехами занимались Абрамович, Муравчик, Зондович, Золович и многие другие. Пользовалась большой популярностью продукция пекарни Мейзина и фабрики по производству соков Кофмана. Братьям Скидельским принадлежали угольные копи, Кабалкину – фабрики по переработке соевых бобов, а Самсоновичу – универсальные магазины. Владельцами типографий были Френкель, Абрамович, Лемберг и братья Бурсук. Шоколадные фабрики, кафе и рестораны принадлежали Дризину, Цукерману, Бреслеру, аптеки – Гуревичу и Роговину, а превосходный, пользовавшийся мировой известностью отель «Модерн» -- Иосифу Каспе. Евреи основали в Харбине фондовую биржу, создав при этом рабочие места, и многие горожане работали там брокерами. Одно время президентом биржи был Яков Кабалкин. В эти годы установились партнерские связи между китайцами и евреями. Впоследствии многие предприятия, основанные евреями, перешли в руки китайцев.

Среди харбинских евреев было много музыкантов, в том числе преподавателей, которые обеспечивали высокий уровень преподавания в Высшей музыкальной школе имени Глазунова. Хорошо известны такие имена, как профессор Шиферблат, профессор Гольдштейн, Дилон, Аптекарева, Гершгорина, Трахтенберг и другие. Еврейские театральные актеры и вокалисты тоже завоевали признание харбинской публики.

Многие евреи занимали видное место в области медицины. Особенно они проявили себя во время эпидемии холеры, которая разразилась в Харбине в 1932 году. Еврейские врачи приходили тогда на помощь не только состоятельным пациентам, они добивались до

стями. Первую весточку от отца мы получили в 1955 году, спустя десять лет после его ареста.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года начались чистки в НКВД и других секретных службах. Многие сталинисты, сторонники жесткой линии, были сняты со своих постов. Свежий ветер перемен подул в сторону либерализации, свободы мысли и самовыражения. Жертвы сталинского террора, которых заставляли молчать и отправляли в ссылку, постепенно освобождались. Множество тех, кто погиб, удостоились посмертной реабилитации. После смерти Сталина его преемником стал Хрущев, противник сталинизма. Он разоблачил акты жестокости и осудил культ личности, сложившийся вокруг Сталина.

В свете происходивших перемен мой друг из Харбина, режиссер и актер Юра Хорош совершенно случайно увидел моего отца в лагере, осмелился подойти к нему и сказал, что его жена и оба сына находятся в Израиле. Встреча с моим отцом произошла, когда Юра вместе со своей театральной труппой приехал в этот лагерь, чтобы выступить перед заключенными. До этого момента наш отец не знал, что мы эмигрировали в Израиль. Мой друг, теща которого жила в Израиле, предложил отцу написать письмо, а сам взялся переслать его нам. Совершая такой поступок, Юра проявил исключительное мужество, потому что, хотя это было время правления Никиты Хрущева и страх перед властью понемногу исчезал, однако агенты КГБ (НКВД) были повсюду. Так или иначе, мой друг взял письмо и переправил его нам через свою тещу. В письме не назывались имена, оно было без подписи, но мы сразу узнали почерк отца.

Затем начался длительный процесс освобождения отца. Раз в три месяца через московское отделение Красного Креста мы получали от него открытку. Обратным адресом служил номер почтового ящика в Москве, откуда поступающие для заключенных письма рассылались во все лагеря по всей территории Советского Союза.

Вскоре после смерти Сталина большинство заключенных было освобождено. Отец вышел на свободу в числе последних лишь в 1956 году, когда срок его заключения был сокращен до 11 лет, однако он не был реабилитирован. После освобождения он попросил разрешения жить в Москве, но власти отклонили его просьбу. Освобождение из тюремного заключения вовсе не означало, что бывший заключенный становился свободным человеком. В Советском Союзе понятие «свободный» носило относительный характер. Всем известно, что «освобожденных» из исправительно-трудовых лагерей, особенно политических заключенных, отправляли в ссылку. Более того, даже после ссылки бывшие политзаключенные не могли

стать полноправными гражданами страны. Им было запрещено жить в столичных и портовых городах, а в удостоверении личности были указаны ограничительные положения, которым каждый обязан был следовать. Кроме того, в удостоверении личности был указан адрес, по которому проживал его владелец, но если адреса не было, это считалось нарушением закона, а нарушитель закона мог быть арестован полицией.

Получив отказ в праве жить в Москве, отец обратился с просьбой разрешить ему остаться в Караганде, в Казахстане, где он содержался в лагере перед освобождением. Он вернулся в Караганду – город, окруженный угольными шахтами, и стал работать в поликлинике для шахтеров. Поселился он в доме, где жила еврейская семья инженера Бортмана. Тогда же мы получили от отца письмо, в котором он сообщал о своем освобождении и начале борьбы за право эмигрировать в Израиль.

Когда отец вышел на свободу, представители власти пытались заставить его взять советское гражданство. Однако отец утверждал, что он был лицом без гражданства и не являлся советским гражданином, поскольку уехал из России в Китай в 1912 году, затем, проживая в Китае, лишился российского гражданства, а теперь он не желал становиться гражданином СССР. Он упорно стоял на своём, отказываясь от советского гражданства. Борьба узника Сиона за право выезда в Израиль продолжалась пять лет.

Мы обращались ко всем нашим израильским посланцам в Москве: к Мордехаяу Намиру, Шмуэлю Эльяшвицу, Йосефу Авидару и профессору Арье Харэлю. Мы просили, чтобы отцу дали израильское гражданство и возможность уехать из СССР в Израиль, где живет его семья. Это продолжалось несколько лет. Наконец Министерство иностранных дел Израиля распорядилось, чтобы наше посольство в Москве выдало отцу израильский паспорт. Но даже вручение ему паспорта было само по себе подвигом: поездка из Москвы в Караганду занимала несколько дней, членам посольства запрещалось посещать закрытый для иностранцев город Караганду, а отец, как бывший политзаключенный, не имел права ехать в Москву.

Когда отец все-таки получил израильский паспорт, он обратился в Отдел виз и регистраций (сокр. ОВИР) Министерства внутренних дел за разрешением на выезд. Пятнадцать раз он получал отказы. Советские органы как всегда создавали препятствия. Наконец, в шестнадцатый раз, когда наступил праздник Пурим в 1961 году, власти позволили ему покинуть Советский Союз.

26 марта 1961 года отец прибыл в Израиль. Мне было 37 лет, а отцу – 75. Не только я и моя семья встречали отца в аэропорту, несколько сот выходцев из

в Советском Союзе в лагерях находились заключенные со всей страны. Управление лагерей занималось тем, что всех узников бесконечно переправляли из одного лагеря в другой, с запада на восток и с юга на север. При этом повсюду обращение с заключенными было невероятно жестоким, не поддающимся описанию.

Итак, в одной камере находились трое политических заключенных: один из них – бывший заведующий библиотекой КВЖД, русский, харбинец, о котором было сказано выше, второй – русский православный священник и третий – мой отец. Остальные заключенные были уголовники. Как-то раз мой отец сказал обоим русским сокамерникам: «Мы должны подумать, как уцелеть среди этих хулиганов». Положение становилось настолько опасным, что все трое ночи напролет не смыкали глаз. И тогда они вместе решили попробовать последнее средство: стали беседовать между собой на разные темы. Отец рассказывал предания из Ветхого Завета и хасидские истории, а рассказчик он был прекрасный, умел увлечь аудиторию. Священник рассказывал притчи и повествования из Нового Завета, а библиотекарь хорошо разбирался в этнографии Дальнего Востока, особенно в китайском и монгольском фольклоре. Им удалось завладеть вниманием своих сокамерников – уголовных преступников, которые затихли и стали слушать, а потом настолько заинтересовались, что даже просили рассказать еще какую-нибудь историю.

В течение десяти лет, прожитых в Израиле, отец вновь и вновь рассказывал нам о тяжелейшем периоде своей жизни в России, особенно о выпавших на его долю испытаниях в первые годы заключения. Это было время страха, мучений и бесконечных попыток следователей НКВД сломить его дух. Для этого они пользовались методом подавления путем внушения ложных надежд. Например, они говорили заключенному: «Вам следует признаться в том, в чем вас обвиняют. Как только вы подпишете, вас сразу переведут из камеры в лагерь на перевоспитание, а через некоторое время освободят за хорошее поведение, и тогда вы сможете начать новую жизнь». Отец называл их инквизиторами 20-го века. Он ненавидел советский режим, но любил русскую культуру и русских людей. Дважды в его жизни случилось так, что при очень сложных обстоятельствах русские люди не разочаровали его.

Первый раз это произошло, когда в Харбине в 1919 году мой отец был призван в Белую армию под командованием адмирала Колчака, воевавшую против большевиков. Он участвовал в знаменитом «Голодном походе», который закончился в Монголии, в пустыне Гоби. Именно тогда отец увидел и по достоинству оценил милосердие и доброту русских людей. В Мон-

голии отец и бывшие с ним русские военные были арестованы по обвинению в коммунизме и провели вместе некоторое время в тюрьме, хотя на самом деле они воевали против коммунистов. Однако этот арест и тюремное заключение, после которого отец вернулся в Харбин, не идут ни в какое сравнение с последовавшим позднее длительным тюремным заключением и пребыванием в советских лагерях принудительного труда.

Второй раз это было после вынесения приговора. Отец, как и тысячи других заключенных, несколько месяцев ехал в железнодорожном вагоне, предназначенном для перевозки скота, и на каждой остановке вдоль всего пути стояли простые люди, русские крестьяне, и давали заключенным хлеб и горячую воду. Такой поступок был сопряжен с большим риском, поскольку поезд охраняли конвоиры, сотрудники НКВД. Однако эти русские люди, которые не знали никого из тех, кто находился в вагонах, проявляли гуманность и из чувства сострадания давали заключенным еду.

В течение шестнадцати лет, пока отец находился в заключении, мы постоянно думали о нем и очень скучали. Наша жизнь превратилась в постоянную борьбу за его освобождение. Мы обивали пороги всевозможных офисов, вели борьбу с многочисленными чиновниками, посылали бесчисленное количество писем и заявлений, обращались с запросами в различные инстанции, к юристам, генералам, даже к доктору Левину, занимавшему в свое время пост главного военного врача частей Советской Армии, которые вошли в Харбин. К нему, доктору Левину, еврей, который был тесно связан с членами высшего кремлевского руководства, мы обращались ещё в Харбине в надежде на помощь с его стороны. Мы не просили его содействовать освобождению отца, только хотели узнать, где он находится, но даже этого нам не удалось сделать. К сожалению, сам доктор Левин погиб, став жертвой сталинского «Дела врачей»³¹.

В упорной борьбе нам приходилось преодолевать множество препятствий, возникавших на нашем пути. Мы пытались получить информацию от польских евреев, которые к тому времени были уже освобождены. Ведь мы ничего не знали об отце с 1946 года, где он, что с ним, жив ли он. Иногда удавалось что-то узнать от кого-нибудь из польских евреев, иммигрировавших в Израиль после освобождения из лагерного заключения, услышать, что кто-то из них видел нашего отца в одном из лагерей в конце 1940-х годов, однако никто не мог поделиться с нами свежими ново-

31 В январе 1953 года еврейских врачей в Советском Союзе обвинили в сговоре с американскими евреями. По приказу Сталина врачи и интеллектуалы были расстреляны. Еврейская энциклопедия. Т. 35, Сталин, стр. 711.

дня он возвращался в больницу, а вечером проводил совещания по общественным делам. Отец был также председателем городского совета Сионистской организации, Еврейского национального фонда «Керен Кайемет», фонда «Керен ха-Йесод», молодежных сионистских движений. По ночам он редактировал газету «Еврейская жизнь», которая в то время была единственной еврейской еженедельной газетой на русском языке. На протяжении 21 года он был редактором этой газеты, переводил на русский язык тексты с идиш, иврита и немецкого, а также писал передовые статьи. В период японской оккупации я работал вместе с отцом в качестве секретаря газеты в течение двух лет, с 1941 по 1943 год, а с 1943 по 1949 год - в секретариате общины.

Несмотря на то, что мой отец был сионистом, он не эмигрировал в Палестину (Эрец Исраэль), а остался в Китае, возможно, потому, что пережил две личные трагедии: его старшая дочь Дина умерла в возрасте 11 лет, а спустя два года он потерял жену, мою мать. Может быть, причиной послужило обращение к нему руководителей еврейского поселения, находившегося тогда в Палестине, с просьбой продолжать возглавлять харбинскую общину. Отец переписывался с доктором Гликсоном, доктором Мосинзоном, доктором Буграшовым и другими своими друзьями студенческих лет в период жизни в Швейцарии. В письмах они очень просили его не бросать на произвол судьбы еврейскую общину на Дальнем Востоке, не оставлять её без сионистского лидера.

В 1945 году японские друзья моего отца готовы были переправить его на юг Китая, который в то время был уже занят американцами. Однако отец не хотел бежать, он обладал чувством ответственности и знал, что, являясь главным представителем сионистской организации для всех евреев Дальнего Востока, не может их оставить без поддержки, и потому остался в Харбине.

В августе 1945 года советские органы НКВД арестовали отца как сионистского лидера и отправили в Советский Союз на долгие 16 лет, до марта 1961 года, из которых 11 лет он провел в исправительно-трудовых лагерях.

В течение первого периода тюремного заключения отца беспрерывно допрашивали, днем и ночью – об этом он пишет в своей книге «Лагерный врач»³⁰. Три года следователи пытались заставить его признаться в том, что он является американским агентом, британским или японским шпионом. Они требовали от отца признания в том, что он, якобы, посылал еврейских

молодых людей взрывать советские военные объекты и что сам он, являясь агентом империалистов, получал деньги от Великобритании с целью свержения советского режима. Он страдал от бесчисленных ночных допросов, психологических пыток, голода и лишения сна, испытывая на себе все методы истязаний, применявшиеся в сталинских тюрьмах.

Первые три года отец провел в московской тюрьме на Лубянке в одиночной камере. Он отказывался признавать предъявленные ему обвинения и ничего не подписывал. Спустя три года он был заочно приговорен к двадцати пяти годам каторжных работ в исправительно-трудовых лагерях, причем неизвестно, подделали ли следователи его подпись или они ограничились его показаниями на допросах. Отец обладал невероятной силой духа. Большинство заключенных не выдерживали и признавались в совершении мнимых преступлений, но его не сломили суровые допросы на протяжении всех трех лет, и он выстоял. Следующие восемь лет отец провел в исправительно-трудовых лагерях. Много раз отца переводили из лагеря в лагерь, но его спасали профессия врача, непоколебимая сила духа и надежда вновь воссоединиться с семьей в Израиле. Пожалуй, он обладал такой силой духа благодаря своему происхождению. Родом мой отец был из семьи любавических хасидов с их особой духовной стойкостью. Он был правнуком любавического ребе (мать моего отца была внучкой основателя движения любавических хасидов Хабад раввина Шнеерсона). Мой отец не был религиозным человеком, но он соблюдал иудейские традиции и верил в Бога Израиля.

Мало кто возвращался в Харбин из тех, кто был арестован в 1945 году. Однако спустя три года после ареста, приблизительно в 1948-ом, двое оказавшихся на свободе русских харбинцев вернулись в город. Один из них, бывший заведующий библиотекой КВЖД, человек очень образованный, интеллигентный, рассказывал мне, как, находясь в заключении, встретил в лагере моего отца. Этот человек, которого трудно было заподозрить в особом расположении к евреям, рискнул ночью тайно прийти к нам, и от него мы впервые услышали о том, как мужественно вел себя отец. Впоследствии, уже живя в Израиле, я услышал рассказы о докторе Кауфмане от нескольких польских евреев, один из которых повстречал моего отца еще в Гродеково, в тюрьме, служившей пересыльным лагерем. Условия содержания заключенных были нечеловеческие. В камерах вместе с политическими находились уголовники и почти ежедневно случались убийства. Кроме того, начальство старательно разжигало этническую ненависть. Русских уголовников помещали в камеры с украинскими, литовскими с эстонскими, и все они ненавидели евреев. В 1945 году

30 Д-р А.И.Кауфман. Лагерный врач. На иврите. Изд. «Ам Овед», Тель-Авив, 1971. Книга вышла также на рус.яз. Изд. «Библиотека-Алия», Тель-Авив, 1973.

напившимися пилотами и о полете, который едва не закончился трагедией.

Наш полет продолжался 42 часа. Мы приземлились в аэропорту Лода 25 января 1950 года в четыре часа утра. По этому маршруту в Израиль прибыло большинство иммигрантов из числа членов харбинской еврейской общины. Большая часть шанхайских евреев прибывала в Израиль морским путем на больших пароходах. Дважды, в мае и декабре 1949 года, в израильский порт заходил пароход “Wooster Victory” с иммигрантами на борту. Такой же путь проделал пароход “Anna Salen” в 1950 году.

Мы, как и все другие иммигранты, приехавшие тогда в Израиль из разных стран мира, прошли через многие испытания. Нас опрыскали дустом и отправили в палаточный лагерь для иммигрантов «Шаар Алия» в Хайфе. Вечером пришел мой брат, который к тому времени был уже направлен на офицерские курсы, и забрал нас в гостиницу «Палга» на приморской набережной в Тель-Авиве.

После создания Государства Израиль количество евреев в Харбине резко сократилось. Большинство эмигрировало в Израиль, остальные выбрали другие направления. После 1952 года в Харбине оставалась всего лишь горстка членов еврейской общины. Спустя некоторое время общественные учреждения, существовавшие при общине, были закрыты, и лишь память о них жива до сих пор.

Воспоминания бывшего секретаря харбинской еврейской общины Залмана (Зямы) Аграновского о последнем периоде существования - с 1950 по 1963 год – некогда процветавшего в Харбине еврейского сообщества впоследствии были опубликованы в нашем журнале «Бюллетень Игуд Иоцей Син».

Свеча в память о родителях ²⁹

Мой отец Абрам Иосифович Кауфман родился на Украине, в городе Мглине Черниговской губернии. Его дед, мой прадед, был богатым купцом, торговал текстилем. Успешно занимался торговлей и его отец, мой дед Иосиф Залманович Кауфман. Увлече-

ние моего отца сионизмом началось в родительском доме: дед был членом «Ховевей Цион» и представителем доктора Пинскера на Украине. Впоследствии, когда семья переехала на Урал, в город Пермь, дед и там продолжал активную сионистскую деятельность. Отец мой по окончании гимназии уехал из Перми в Швейцарию изучать медицину в Бернском университете. Там он встретил свою будущую жену, мою мать. Мать Берта Кауфман (ур. Шварц) родилась в Бессарабии в небогатой семье. Поскольку семья не располагала достаточными средствами, учебу матери в Швейцарии оплачивала ее старшая сестра, которая была замужем за состоятельным человеком.

Мои родители сначала изучали общую медицину, а затем мать специализировалась в области гинекологии, а отец – в области педиатрии и внутренних болезней. Мать была одной из первых женщин в Швейцарии, присоединившихся к сионистскому движению, участвовала в работе первых сионистских конгрессов, а впоследствии стала одним из основателей женской сионистской организации в Харбине. Получив университетское образование, мои родители некоторое время прожили на Урале, в Перми, а затем отправились на восток и в ноябре 1912 года прибыли в Харбин.

В 1925 году, спустя восемь месяцев после моего появления на свет, моя мать скончалась. Ей было 37 лет. Мне не суждено было знать ее, но остались фотографии, с которых на меня смотрела красивая женщина. И еще я слышал, что люди хорошо отзывались о ней как о враче-гуманисте. Так в России называли врачей, которые видели в медицине свою миссию, а не только профессию. Это были представители целого направления в медицине, которые считали главной задачей врача спасение жизни больному, облегчение его страданий, тогда как материальной стороне придавали гораздо меньше значения. Им были свойственны самоотверженность и подвижничество. Мой отец тоже разделял такой подход к медицине. Родители посещали своих пациентов в пригородах Харбина, где жили бедные люди, русские и китайцы, и зачастую не брали денег за визит. Когда отец в 1961 году приехал в Израиль и стал работать врачом в поликлинике, он оставался верен своей философии и не придавал никакого значения материальной оценке своего труда. Помимо врачебной практики, отец большую часть времени отдавал общественной деятельности, поскольку был председателем еврейской общины. Его рабочий день начинался рано утром в Еврейской больнице, где он занимал должность главного врача, и продолжался до полудня. К 12 часам дня отец приходил в канцелярию общины, принимал и выслушивал посетителей, а в те годы, к слову сказать, у людей хватало неприятностей. Во второй половине

²⁹ Я счел необходимым включить эту главу в книгу, потому что история моих родителей является неотъемлемой частью истории харбинской еврейской общины. Их личная история и идеологические взгляды, о которых я рассказываю, сходны с мировоззрением многих выходцев из Китая.

в Израиль уехали мой младший брат Давид Миндлин, а также Яна Ротенберг, Вера Фридман и другие. Сначала они прибыли в Тяньцзинь, оттуда – в Шанхай, а затем отправились морем, огибая Южную Африку. Спустя два месяца, в конце декабря 1949 года все благополучно прибыли в Израиль.

Вскоре после их отъезда советское консульство создало новые препятствия для евреев, пожелавших уехать из Харбина. Теперь, чтобы получить разрешение на отъезд, нужно было представить в консульство документ, подтверждающий, что тот, кто желает уехать, заранее уже подыскал себе работу в Тяньцзине. Пришлось нам с моей мачехой обратиться к проживавшему в Тяньцзине еврею Шикману, который торговал пушниной, и договориться о том, что он предлагает ей и мне работу в своем магазине по продаже мехов

Получив от Шикмана требуемые документы, я отнес их в советское консульство. Увидев меня, высокопоставленный сотрудник консульства, агент НКВД Зюкин заявил, что ему известна истинная причина моего отъезда: я направляюсь вовсе не в Тяньцзинь, а в Израиль. Я подтвердил его догадку, и тогда он сказал мне: «Вы понятия не имеете, что там происходит: вы будете жить в палатках, умирать от голода и малярии, вас убьют арабы, вы не в своем уме!» - «Товарищ Зюкин, - ответил я ему, - вся моя семья уже там».

Это была в известной степени ложь, потому что мой брат действительно уехал, однако на тот момент он был в пути и еще не добрался до Израйля, а наш отец находился где-то в Советском Союзе, и мы даже не знали, жив ли он. «Это страшная ошибка, вы еще об этом пожалеете, плакать будете, - уговаривал меня Зюкин. - Вы человек молодой, в Советском Союзе вы могли бы добиться успеха и сделать карьеру».

Впрочем, обеспокоенность Зюкина моей карьерой вовсе не помешала ему заставить меня несколько раз возвращаться домой ни с чем и вновь приходить в консульство за разрешением. Прошло немногим более месяца, и я, наконец, получил разрешение на выезд, но прежде меня попросили внести небольшую денежную сумму в пользу Общества советских граждан. Имея на руках квитанцию о внесении необходимой суммы, я пришел в китайский Департамент общественной безопасности и встретил там Чена, ответственного работника отдела виз и паспортов, который был близким другом двух моих друзей Исраэля Брунера и Павла Смушковича. «Когда ты хочешь уехать?» - спросил он меня. - «Как можно скорее», - ответил я. Через неделю я получил две визы, одну для моей мачехи и другую для себя.

В декабре 1949 года мы покинули Харбин, город, где я родился и вырос. По прибытии в Тяньцзинь мы обратились к представителю Еврейского агент-

ства «Сохнут» доктору Вольфсону и представителю UNRRA – Администрации помощи и восстановления ООН, сдали харбинские визы, а спустя месяц пришло сообщение, что нам разрешен выезд из Китая в Гонконг морским путём.

Вместе с нами на небольшом датском корабле “Henry Jansen” находились пятьдесят семь эмигрантов. Корабль пришвартовался в гонконгском порту, но сойти на берег нам не разрешили, поскольку Гонконг являлся британской территорией, а мы были советскими гражданами. И тут нам повезло: близким другом губернатора Гонконга был еврейский миллионер Кадури, а личным врачом Кадури была доктор Софи Бард, моя двоюродная сестра, которая жила в то время в Гонконге. Благодаря ей для нас было сделано исключение. К нашему кораблю, стоявшему на якоре, подошел небольшой катер, на котором прибыл господин Кадури в сопровождении моей кузины. Они поднялись на борт судна, и Кадури лично вручил нам пропуск, позволявший всем пассажирам сойти на берег и провести в Гонконге один день.

Следующей ночью все эмигранты из Харбина отправились в дальний путь на американском военном самолете типа “Constellation”, переделанном в гражданский. По дороге самолет совершал посадки для дозаправки в городах Калькутте и Бомбее (ныне Мумбай), затем в Карачи, и, наконец, последняя посадка должна была быть на американской военной базе в Саудовской Аравии. Экипаж самолета состоял из пяти человек. Все они были американцы, уже немолодые, возможно, армейские резервисты.

Когда мы приземлились на базе, ко мне, поскольку я был главой группы, обратился командир экипажа. Я увидел, что он очень бледен. «Что случилось?» - спросил я. Заикаясь и бормоча что-то, он признался, что летчики напились, задремали и посадили самолет по ошибке не на американской базе, а на саудовской, и добавил: «Мы собираемся ехать на джипе на американскую военно-воздушную базу, чтобы взять топливо для самолета. Если кто-нибудь спросит вас, почему вы здесь, скажите, что вы американцы и направляетесь в Бейрут».

Экипаж американского самолета, переодевшись в чистую военную форму со знаками различия, уехал. В самолет вошли два босых арабских солдата. Я велел всем пассажирам молчать и притвориться спящими. Мы все чувствовали себя очень напряженно. Потянулись долгие часы ожидания. Наконец вернулся джип, на котором доставили топливо для самолета. Американские летчики мгновенно заправили самолет и стремительно взлетели, унося ноги, причем настолько быстро, что двери самолета закрылись, когда машина уже оторвалась от земли. На следующий день в израильских газетах появились сообщения о скандале с

В бюллетене № 4, который вышел 18 мая 1948 года, мы сообщили о бомбардировке Тель-Авива. В тот же день мы выпустили бюллетень № 5 с информацией об обмене телеграммами между первым израильским министром иностранных дел Моше Шаретом и министром иностранных дел СССР В.Молотовым. Моше Шарет в своей телеграмме обратился к СССР с просьбой признать Государство Израиль.

Бюллетень № 137 от 14 мая 1949 года был посвящен первому Дню независимости. Израиль праздновал год со дня основания государства, и мы поместили полный текст Декларации независимости, слово в слово. В последнем выпуске бюллетеня под номером 153, который вышел 22 сентября 1949 года, мы сообщили о принятии Израиля в члены ЮНЕСКО, об эмиграции из Китая в Израиль и поместили текущие новости.

Спустя некоторое время несколько выпусков нашего подпольного бюллетеня попали в руки советского консульства. Одного из руководителей еврейской общины вызвали в консульство, показали ему наши листки и спросили, видел ли он это раньше. Получив утвердительный ответ, они спросили, от кого он получал их, и тогда тот, кого спрашивали, вынужден был ответить: «От Тедди Кауфмана».

Первый секретарь советского консульства Осипов, который, как и весь консульский персонал, был сотрудником НКВД, вызвал меня к себе. На вопрос, откуда у меня эти листки, я ответил с бесстыдной наглостью, что нашел их у себя под дверью. Они знали, что я лгал, отвечая на их вопрос, но ничем не могли доказать мою ложь. «Кому вы передали их?» – последовал вопрос. Продолжая лгать, я ответил, что никому ничего не передавал, а всего лишь прочитал сам и отдал одному из руководителей общины. Это была игра с огнем, несмотря на то, что мы сами себя страховали, помещая в каждый выпуск нашего информационного бюллетеня некоторые материалы из советской газеты «Правда». Мы также неоднократно подчеркивали тот факт, что Сталин поддерживал Израиль, что Советский Союз голосовал в ООН за создание Государства Израиль, а Чехословакия, советский сателлит, снабжает оружием молодое еврейское государство.

Таким образом, мы ставили консульских сотрудников в затруднительное положение: им было сложно доказать, что они имеют дело с антисоветской организацией. При этом они ничуть не сомневались в сионистском характере нашего бюллетеня, а сионизм в Советском Союзе всегда считался движением, подрывающим режим. К счастью, китайский коммунистический режим был более мягким и гибким по сравнению с советским. Излишне говорить о судьбе советских евреев, на которых падало подозрение в

причастности к сионизму.

В 1949 году в газете «Правда» была напечатана статья всемирно известного советского писателя Ильи Эренбурга «По поводу одного письма», в которой автор, еврей, отвечал на вопрос кого-то из читателей, почему бы евреям не эмигрировать в Израиль именно сейчас, когда еврейское государство уже создано. Эренбург ответил, что Израиль – капиталистическое государство и в сущности не отличается от любой другой страны. «Сионизм и империализм – это одно и то же. Государство Израиль предназначено для евреев-беженцев, таких как евреи из Германии, а у нас есть Советский Союз – наша единственная родина». Такими словами заканчивалась статья Эренбурга, из которой следовало, что произраильский курс, который проводился до недавнего времени, теперь меняется. Со стороны Кремля подул другой ветер.

Путь в Израиль

Осенью 1948 года через посольство Израиля в Москве члены харбинской еврейской общины стали получать временные заграничные паспорта, или «лессе-пасе», дававшие право безвизового въезда в страну. Это были прежде всего те евреи, которые считались перемещенными лицами. Всего таких набралось не более ста пятидесяти человек. Среди них были врачи, которые работали вместе с моим отцом в Еврейской больнице: д-р Робинзон, д-р Дункельман, д-р Гольдхаммер, д-р Вольфенштейн и другие. Они письменно обратились в Израильское посольство в Москве и смогли выехать после 1 октября 1949 года, когда была провозглашена Китайская Народная Республика. Однако даже тогда советское консульство продолжало чинить препятствия, настаивая на том, что мы должны покинуть Харбин и вернуться в Россию, «на родину».

Чтобы поехать из Харбина в любой другой город в Китае, каждый советский гражданин должен был обратиться в консульство за разрешением. Китайцам печать не требовалась: они незамедлительно получали такое разрешение. Однако мы, имевшие советское гражданство, сталкивались с волокитой, бюрократизмом и всякого рода отговорками.

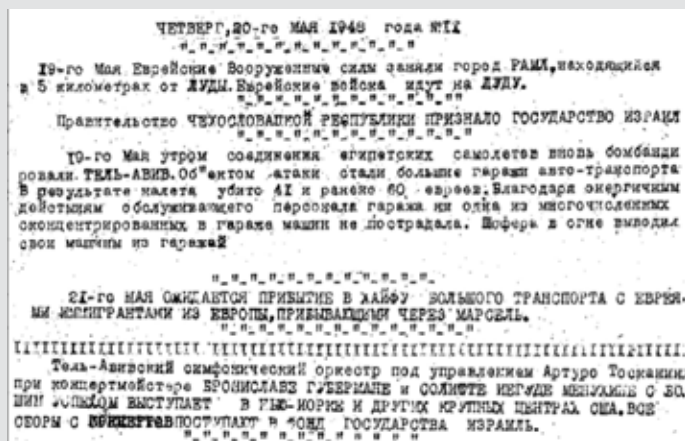
В октябре 1949 года семь молодых евреев, имевших советское гражданство, обратились в консульство за разрешением на выезд в Израиль. К величайшему удивлению и большой радости, через несколько дней каждому из них поставили печать в советском паспорте, что давало право на выезд. Однако радость этих ребят оказалась преждевременной: спустя сутки их вызвали в консульство и поменяли в паспортах слово «Израиль» на слово «Тяньцзинь». Так советское консульство, желая скрыть тот факт, что евреи едут в Израиль, выдавало разрешение на проезд только до портового города Тяньцзиня.

Именно таким путём в октябре 1949 года из Харбина

ного листка. Заняться этим вопросом поручили мне. Информация доходила до нас окольным путем благодаря евреям Шанхая, где все еще продолжало существовать сионистское движение. Население Шанхая, находившегося под властью Чан Кайши и под влиянием американцев, пользовалось свободной прессой, поскольку город был открыт миру. В городе выходили две еврейские газеты: всеобщая сионистская «Наша жизнь» и бейтаровская «Тагар» («Борьба»). Пересылать газеты почтой из Шанхая непосредственно в Харбин не представлялось возможным, поэтому наши друзья отправляли материал из Шанхая в Гонконг, который в то время являлся британской территорией, а оттуда газеты и письма шли в Харбин. Мы получали почту даже с помощью китайских контрабандистов. Ночью раздавался стук в дверь и на пороге появлялся китаец. Оглядевшись с опаской по сторонам, он совал мне в руки письмо или сионистский информационный бюллетень. Нередко поступающая информация оказывалась устаревшей, и потому мы с опозданием на месяц узнавали о том или ином событии. Однако даже в подобных случаях мы горячо обсуждали всё, что было связано с Израилем.

Самые свежие новости мы узнавали из передач радиостанции «Голос Америки» на русском языке. По ночам я слушал радио, записывал главное, а затем печатал текст на пишущей машинке. Я делал восемь машинописных копий таких информационных бюллетеней, а затем размножал их на ротаторе в количестве от пятидесяти до ста экземпляров. Вся работа проводилась у меня дома. Каждую ночь мы выпускали один-два листка, в которых содержались свежие новости и информация о текущих событиях. Мы складывали их несколько раз, доводя до размера со спичечный коробок, и распространяли среди членов еврейской общины. Опасаясь обвинений в незаконной деятельности нашей организации, мы никогда не занимались распространением информационных бюллетеней в канцелярии общины и принадлежавших ей общественных местах. Наши распространители, члены молодежных сионистских движений, разносили их по домам или тайно вручали в синагоге, но только лично в руки. Одного из них я хорошо помню: это был Изя Слуцкер, преданный делу 12-летний подросток, сын одного из видных сионистских деятелей харбинской еврейской общины раввина Зелига Слуцкера. Более чем за год, с 14 мая 1948 по 22 сентября 1949 года, мы выпустили в свет 153 номера информационного бюллетеня. Иногда мы выпускали его ежедневно, а то и дважды в день.

Далее приводится отрывок из текста одного из выпусков нашего информационного бюллетеня²⁸.

ЧЕТВЕРГ, 20-го мая 1948 года № 11

"_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "

19-го Мая Еврейские Вооруженные силы заняли город РАМЛ, находящийся в 5 километрах от ЛУДЫ. Еврейские войска идут на ЛУДУ.

"_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "

Правительство Чехословацкой Республики признало Государство Израиль.

"_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "

19-го Мая утром соединения египетских самолетов вновь бомбардировали Тель-Авив. Объектом атаки стали большие гаражи авто-транспорта. В результате налета убито 41 и ранено 60 евреев. Благодаря энергичным действиям обслуживающего персонала гаража ни одна из многочисленных сконцентрированных в гараже машин не пострадала. Шофера в огне выводили свои машины из гаражей.

"_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "

21-го Мая ожидается прибытие в Хайфу большого транспорта с евреями иммигрантами из Европы, прибывающими через Марсель.

"_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "

Тель-Авивский симфонический оркестр под управлением Артуро Тосканини при концертмейстере Брониславе Губермане и солисте Иегуде Менухине с большим успехом выступает в Нью-Йорке и других крупных центрах США. Все сборы с концертов поступают в фонд Государства Израиль.

"_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "_ "

28 Рамле в конце концов был взят в результате операции «Дэнни» в июле 1948 года. Луда - современный Лод.

ской организации Шломо Спивак, ветеран сионистского движения, редактор журнала «Еврейская жизнь», бывший руководитель еврейской сионистской общины Владивостока. «Бейтар» представляли Яков Тандет, Дов (Борис) Миркин и Вера Клейн, а «Маккаби» - Павел Смушкович и я, Тедди Кауфман, исполнявший также обязанности секретаря комитета. Перед китайскими коммунистами мы не испытывали страха, однако советское консульство представляло для нас серьезную опасность. Несмотря на то, что сотрудники консульства уже не обладали такой властью и таким влиянием, как прежде, когда в городе стояли части Советской Армии, да и китайцы теперь не позволяли им причинять вред мирному населению, тем не менее, поскольку мы считались советскими гражданами и находились под юрисдикцией советского консульства, они могли отравить нам жизнь, лишив гражданства. Как-то в 1946 году нас пригласили в Генеральное консульство СССР и со словами «Родина радушно принимает вас» вручили советские паспорта -- так мы поневоле стали советскими гражданами. С этого момента в случае лишения нас гражданства мы могли вообще потерять всякую возможность выехать из Китая.

В июле 1948 года советское консульство решило оценить степень лояльности еврейской общины. Нам предложили собрать всех в Главной синагоге с тем, чтобы провозгласить приветствие в адрес Сталина и послать ему телеграмму со словами благодарности от имени Харбинской еврейской общины за то, что Советский Союз при голосовании в ООН поддержал создание Государства Израиль. В назначенный час в синагоге собралась вся община. Люди были нарядно одеты, взволнованы, в приподнятом настроении. Зал синагоги на 1200 мест был заполнен до отказа. Раввин Киселев прочел молитву, а затем произнес речь и благословил Советский Союз. Я зачитал текст телеграммы, которую мы отправили Сталину.

Тогда же, летом 1948 года, Голда Меир была назначена послом Израйля в СССР. Ее прибытие в Москву глубоко взволновало всю нашу общину в Харбине, по другую сторону «железного занавеса». Для многих Голда Меир стала символом возрождения многострадального еврейского народа и присоединения его к мировому сообществу как равного среди равных. По этому случаю советское консульство предложило устроить киносеанс специально для членов еврейской общины. Просмотр состоялся в бывшем Коммерческом собрании, к тому времени уже ставшем Советским клубом при Обществе граждан СССР. Вначале был показан киножурнал «Новости дня», в котором мы увидели, как проходило вручение первым послом Израйля Голдой Меир верительных грамот заместителю Председателя Президиума Верховного Совета

СССР И.А.Власову. Затем демонстрировался советский фильм о Нюрнбергском процессе. Мы с огромной радостью посмотрели сюжет с Голдой Меир, который длился всего несколько минут, и стали просить, чтобы его повторили. В итоге, по нашей просьбе сюжет был показан трижды, и мы трижды смотрели, как Голда в Москве вручает верительные грамоты. При этом всякий раз, когда сюжет заканчивался, публика в зале аплодировала, пока не возникло опасение, что кто-нибудь вдруг запоем «Ха-Тикву». В зале было 800 мест, но нам хотелось, чтобы все члены общины могли увидеть своими глазами это событие. Некоторые даже покупали билеты на три сеанса, чтобы еще и еще раз посмотреть все происходившее в Москве.

Восторженный отклик общины на оба события -- молитву благодарения и приезд Голды Меир в Москву -- был воспринят в советском консульстве как сигнал опасности. Они понимали, что у членов харбинской общины пробудилось сионистское национальное самосознание; они увидели, насколько эмоционально реагируют харбинские евреи на создание еврейского государства, не проявляя при этом ни заинтересованности в получении советского гражданства, ни лояльного отношения к власти Москвы.

Действительно, большинство евреев предпочли репатрироваться из Китая в Израиль. Однако были среди них и наивные люди, которые поехали в Советский Союз. Они добровольно поднялись на борт роскошного советского парохода в шанхайском порту и отправились морем в Россию. С той минуты, как они ступили на советскую землю, роскошь закончилась. Все их имущество было отнято, а сами они были отправлены в богом забытые места на краю света. Эти евреи сполна вкусили все прелести сталинского режима, известного своими арестами, ссылками и преследованиями невинных граждан.

Немногие оставшиеся в живых приехали в Израиль в начале 1990-х годов. Это стало возможным в период перестройки и гласности, когда Михаил Горбачёв разрешил евреям уезжать из СССР. Тогда в Израиль с большой волной иммиграции прибыло около двухсот евреев, в прошлом выходцев из Китая, сорок лет бродивших «по советской пустыне».

Подпольная пресса

Поскольку мы не получали ни газет, ни писем, были оторваны от внешнего мира и не знали, что происходит в Израиле и в еврейской среде, возникла необходимость снабжать общину свежими новостями. Теперь, после провозглашения Государства Израиль особенно важно было слушать по ночам новости и узнавать о текущих событиях в мире. Большинство людей боялись слушать радио, и тогда мы решили выпускать подпольную газету, вроде информацион-

ЕВРЕИ ХАРБИНА В МОЕМ СЕРДЦЕ

Теодор (Тедди) КАУФМАН

(Окончание. Начало в № 410)

«Настоящим заявляем о создании Государства Израиль»

С 1945 по 1949 год мы были отрезаны от всего мира. В то время Маньчжурия оказалась в полной изоляции сначала из-за введенного советского режима, а затем вследствие вспыхнувшей в Китае гражданской войны между коммунистами и их противниками. Мы перестали получать почту и газеты из Палестины и стран Европы, и лишь немногим из нас удавалось как-то поддерживать связь с другими еврейскими общинами, существовавшими в Китае, в основном с шанхайскими евреями. Китайское радиовещание велось в коротковолновом диапазоне, так что мы могли слушать только передачи радиостанции «Голос Америки», которые передавались из Японии и с юга Кореи на средних волнах.

О принятии резолюции ООН от 29 ноября 1947 года нам стало известно гораздо позже. Мы не имели ни малейшего представления о результатах голосования по разделу Палестины между евреями и их соседями-арабами. В то время как внимание евреев всего мира было приковано к радиоприемникам, когда все, затаив дыхание, слушали радиопередачи и подсчитывали голоса, мы в далеком Харбине пребывали в полном неведении. О провозглашении Государства Израиль я услышал по «Голосу Америки» на следующий день после свершившегося факта. Когда 14 мая 1948 года, в пятницу, во второй половине дня в Тель-Авиве Бен-Гурион объявил о создании независимого Государства Израиль, у нас в Харбине было уже поздно, наступила ночь с пятницы на субботу. Разница во времени составляла шесть часов, и новость дошла до нас только в субботу утром. Советское радио сообщило, что представитель СССР в ООН Андрей Громыко выступил в поддержку создания Государства Израиль, а советская газета на одной из внутренних страниц поместила краткое сообщение: «Было провозглашено государство для евреев и сразу развернулись военные действия». Я побежал к раввину Киселеву, чтобы сообщить ему о случившемся, потому что раввин, естественно, не слушал радио по субботам. К тому времени он был уже тяжело болен. Услышав мои слова, раввин произнес: «Я удостоился

честь дожить...» и заплакал от волнения.

По случаю образования государства мы в честь этого великого события тайно устроили празднование в доме доктора Штерна, беженца из Германии, который жил на Конной улице. Доктор и члены его семьи не имели советского гражданства и не смотрели с опасением на советское консульство. Мы, еврейская молодежь, члены «Бейтара» и «Маккаби», перед тем как собраться вместе, тщательно отобрали приглашенных. Следует сказать, что доктор Штерн умер еще в Харбине, а две его дочери, Маргарита и Сюзанна, переселились из Китая в Израиль.

С 1946 года, когда власть в Китае перешла в руки коммунистов, еврейскую молодежь Харбина стали заставлять вступать в советскую молодежную организацию - «Союз советской молодежи» (ССМ). Однако большинство молодых евреев не желали становиться в ее ряды и принимали решение эмигрировать в Израиль. Польские евреи и лица, не имевшие гражданства, иными словами, те, кто приехали из Европы в конце 1930-х годов, стали подавать прошения на выезд в Израиль. В Шанхае евреям, которые считались перемещенными лицами, давали транзитные визы. Созданная во время Второй мировой войны Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA)²⁷ уже весной 1948 года помогала евреям уезжать из Шанхая в Израиль. Однако у нас в Харбине действовал более жесткий режим, и все приготовления к отъезду в Израиль мы должны были держать в строгом секрете. Члены сионистских движений объединились и создали подпольный комитет по вопросам иммиграции, в который вошли представитель сионистской организации, три представителя «Бейтара» и два представителя «Маккаби». Комитет возглавил секретарь сионист-

²⁷ United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA) была основана в 1943 году и стала первым международным органом, который занимался перемещенными лицами и беженцами.

ПРАВЛЕНИЕ ИГУД ИОЦЕЙ СИН В ИЗРАИЛЕ

ПОЧЕТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИИС В ДИАСПОРЕ

ИГУД ИОЦЕЙ СИН

Председатели ИИС со дня основания:

Лев Пястунович (1951– 1952)

Борис Коц (1953–1971)

Тедди Кауфман (1972– 2012)

Правление ИИС (с 2012):

Иоси Клейн – председатель ИИС
и казначей

Ран Вейнерман – зам.председателя

Тедди Пястунович – вице-предсе-
датель

Эли Кама

Ави Подольский

The AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President

Eric Hasser – Vice-president

Luba Tuck – Vice-president

Joseph Wainer – Vice-president

Rose Britanisky-Peiser –Treasurer

Leona Shluger-Forman – Secretary

Sally Berman

Lilly Langotsky

Robert Materman

Odetta Rector-Petersen

Address:

**The American Far Eastern
Society, Inc.**

Lilly Langotsky

160 West 66th Str. # 55B

New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser

7400 SW 170, Terrace

Miami, Florida 33157, USA

E-mail: rpeiser@aol.com

2 Контрольная комиссия:

Моше Лихоманов - председатель

Рафи Рашинский

Почетный юрисконсульт:

адвокат Дэниел Фридман

Почетные представители ИИС:

Эстер Вандель –

в Хайфе и на севере

Ави Подольский –

в Иерусалиме и на юге

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives

Jesse and Naomi Tracton

2 Oaks Place

North Bondi 2006, Australia

Tel. 61-2-91302575

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL Association of the former residents of China

31, Habarzel Str., Tel Aviv

Address: P.O.Box 13139

Tel Aviv, 6113101, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 Fax. 972-3-5161631

E-Mail: igud-sin@013.net www.jewsofchina.org

РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ:

Т.Кауфман (редактор) И.Клейн, Ц. Любман, И.Бакшеева

АССОЦИАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

основана в 1951 году

БЮЛЛЕТЕНЬ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

Д е к а б р ь 2 0 1 6 ♦ 6 3 - й г о д и з д а н и я ♦ Н о . 4 1 5

СОДЕРЖАНИЕ

Т.Кауфман. Евреи Харбина в моем сердце	3	В Улан-Удэ приехал потомок бурятских купцов	
Нам пишут солдаты	13	Капельманов	22
А.Свистунов. «Мы нашли нашу мелодию»	14	Посол Китая в гостях у ОДИК и ИИС	24
С.Подольский. Эта статья обо мне	15	В Обществе дружбы Израиль-Китай и ИИС	25
ИИС. Тост в честь Рош ха-Шана	16	Почтовый ящик 13139	26
Е.Терлецкий. Лохматый слон Гуйлиня	17	Памяти ушедших	28
Находка археологов	20	Д.Хименез. Наука по-китайски	33
Э.Шень. Глобальный экономический рост	21	Китайские гости в Цфате	34

Старейший в Израиле журнал на русском языке
1-й номер «Бюллетеня ИИС» вышел в свет 6 мая 1954 г.

1

И
Г
У
Д

Й
О
Ц
Е
Й

С
И
Н

"I made it my personal business to integrate into Chinese culture, to learn the language, because I expected to spend the rest of my life in Shanghai."

But had Japan's German allies had their way, matters would have been even worse. Prior to the formal establishment of the ghetto, SS Colonel Josef Meisinger was dispatched to Shanghai, reportedly with a canister of Zyklon B gas in tow, to advise the Japanese on exterminating the city's Jewish population. Though Meisinger was unsuccessful in implementing this policy, pressure from the Germans did inspire the creation of the ghetto.

***

The Japanese occupation provided Shanghai's Chinese and Jewish population with a common cause-and a common enemy. Author Daniel Kalla has described the Shanghai ghetto as a "testament to human perseverance and dignity," a sentiment Matzdorff echoes: "We lived side by side, we both had the same problem: the Japanese. We had the same fate."

The ghetto, along with the rest of Shanghai, was officially liberated on September 3, 1945 in a combined American-Chinese effort.

"The word spread like wildfire: the war is over, the war is over!" Matzdorff recalls. "I got in touch with some of my friends-we had made an arrangement, when the war is over we're going to get revenge on the Japanese. So we went to the police station: empty. They disappeared into thin air overnight. We were ready to punch them out! But we didn't have that opportunity."

Matzdorff had to settle for a more symbolic victory. "I climbed up on the telephone pole and tore down one of the signs that said 'Stateless Refugees Are Not Allowed to Pass.' I still have it, it's my souvenir, my payoff."

Japan's defeat did not put an end to unrest in China, however, and the

country soon fell into civil war. As the situation in Europe improved and conditions in China worsened, many Jews began to leave the city.

"[Shanghai] was not a paradise for us, so everyone tried to improve their situation, to go somewhere new," Matzdorff says. "Word got out that under President Truman you could apply for a cooperative affidavit of support that the Jewish organizations would issue a combined guarantee for anyone who wanted to come to America." After the war, China's Jewish population dwindled sharply. "From 1949 to 1956, the Jewish community in Shanghai effectively ceased to exist," Rabbi Shalom Greenberg, who administers to the approximately 2,000 Jews living in the city today, told me in an interview. Matzdorff, along with his parents and his new wife, moved to the U.S., eventually settling in California, where he lives today. But he still likes to visit Shanghai, saying that the city "draws me back."

"Every time I come here, huge changes. Rapid changes. Old neighborhoods being torn down. My desire [in returning] is always to see the old neighborhood, because that draws you back to a place." This is becoming less and less possible as China's rapid growth outpaces the country's nascent historical preservation movement. Shanghai's city planners face enormous pressure-and incentives-to develop the modern city.

"We'll do our best to remove and save some of the most valuable artifacts, if feasible," Chen Jian of the Hongkou district government told NPR in 2007. "But that's not to say that we won't demolish these buildings."

For those interested in Shanghai's Jewish past, this is a worrying trend. "[The historic community] is very detached, but every Jewish person who comes to Shanghai, the first thing they learn is about this history. This is something that is

unknown to most of us, I knew very little about it when I came here," Rabbi Greenberg says, "it is a part of history that is almost untold."

***

But while many landmarks and historical buildings did not survive the madness of the Cultural Revolution and China's subsequent economic boom and continuing obsession with growth, what does remain is a deep affection felt by the Jewish community for Shanghai.

"One thing we encourage our people to do," Rabbi Greenberg says, "is find a way to give back to the aging Chinese people-especially those who live in [the former ghetto]-as a recognition and appreciation for their friendship during WWII, something which was uncommon in the world at the time."

It is this desire to give back to a community which sheltered so many during the war that tempers any frustration Rabbi Greenberg might feel over the lost history, and makes him critical of those who seek to save history at the cost of the area's modern residents.

"These people, they were nice to you, why are you being mean to them? It should be the opposite, it should be 'Here, new buildings! We'll help you get new buildings!'" Rabbi Greenberg says, "of course if people want to maintain some buildings as a historic landmark so there is something to show people when they come here, it's nice. But they don't have to."

Indeed, Rabbi Greenberg's efforts in creating a modern Jewish community that embraces but does not selfishly guard its links to the past may be more effective in honoring a city which harbored Jews while the rest of the world was turning them away.

Editor's note: Gary Matzdorff passed away on November 8, aged 92.

Kenneth Tan and Elliot DeBruyn contributed to this article.

Shanghai's Forgotten Jewish Past

In the 1930s and 40s, the Chinese city hosted a large, vibrant community of refugees fleeing persecution in Europe. Can survivors, rabbis, and historians preserve this heritage?

The Shanghai Jewish Refugees museum commemorates the city's large, vibrant community before and during the Second World War. (Wikimedia Commons)

SHANGHAI—When Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu visited Shanghai in May 2013 and hailed the city's role as a "haven" for Jewish people fleeing Nazi-occupied Europe in the 1930s and 40s, his comments highlighted a part of the city's history that many contemporary residents don't know. Today, few would guess that this quintessentially Chinese city once played host to a bustling community of over 20,000 Jews.

While a Jewish community has existed in Shanghai since the late 19th century, the first large wave of immigrants came in the 1920s and 30s, as thousands of Russian Jews fled the Bolshevik Revolution for the more business-friendly foreign concessions in Shanghai. A decade later, the mainly Russian and Sephardic Jewish community was supplemented by tens of thousands of Ashkenazi Jews from Europe, who fled during the early stages of Nazi rule in Germany.

Before Nazi policy turned actively genocidal in the late 1930s, exile was seen as a perfectly acceptable solution to the "Jewish problem" and German and Austrian Jews, stripped of their citizenship rights, property, and employment, were encouraged to emigrate to any country that would have them. Unfortunately, there were few options for these would-be emigrants: At the Évian Conference in 1938, the great powers collectively decided to shut their borders to all but a small selection of Jewish refugees.

Aside from the Dominican Republic, Shanghai was the only

place that remained open to these refugees and 20,000 or so European Jews found their way to the city in the late 1930s. Shanghai at the time was a political anomaly: Control was split between the beleaguered Republic of China, an increasingly aggressive Imperial Japan, and France, Britain, and the United States, countries that operated self-governing "concessions" exempt from Chinese law or influence.

When the Second World War broke out in 1939, more European Jews had taken refuge in Shanghai than in any other city in the world. One was Gary Matzdorff, who left Germany with his family in 1937.

"My father heard from a friend that it was possible to go to Shanghai without a visa, but only Shanghai, because for the rest of China we needed a visa," Matzdorff, now 92, told me during an interview at the Shanghai Jewish Refugee Museum. "We took a train to Genoa, Italy and boarded the ship—the SS Victoria—and one month later we arrived [in Shanghai]."

"It was a shock, culturally, language wise, but being young you adapt very quickly, and I made it my personal business to integrate into Chinese culture, to learn the language, because I expected to spend the rest of my life in Shanghai."

Matzdorff's remembers a bustling, cosmopolitan city, not unlike London or New York. After days working at an import/export company, he was fond of exploring the city's night life.

"One of my favorite places was a dance hall at the Wing On department store. Up on the top floor there was a dance floor, big band."

Shanghai was not without its

problems. By 1937, Japan's invasion of China was underway, and the Battle of Shanghai in November ended any remaining control the Republic of China had over the city. But despite being occupied, Shanghai's Europeans did not bear the brunt of Japanese aggression: In the then-capital of Nanjing, Japanese troops murdered over 200,000 civilians that year, an incident now remembered as the Rape of Nanjing.

In December 1941 the Japanese attack on Pearl Harbor brought the U.S. into World War Two, and soon thereafter Japanese troops invaded Shanghai's international settlements and took full control of the city. Like many residents of Shanghai at the time—including author J.G. Ballard, whose book *Empire of the Sun* is based on his experiences as an internee of the Japanese—Matzdorff's first warning that the Japanese were taking control of the city came when he heard the explosions that sank the HMS *Peterel*, a British gunboat anchored in the Huangpu River and the only foreign vessel which refused to surrender to the Japanese.

"I remember it like it was yesterday," he says, "because we heard the bombing of the ship—we didn't know what it was, but we heard the explosions."

With Japanese control came more restrictions on Shanghai's Jews, as well as an end to the flow of money from American organizations that had served as the lifeblood of many of the more destitute refugees. By 1943, the majority of Jews in the city were forced into the Restricted Sector for Stateless Refugees in Hongkou district, an area which would become known as the "Shanghai Ghetto."

little, although only Abby and I are continuing. She grumbles about it, and her sister takes her side, but she likes having a language that half the family can't understand. The other day, she even tried to tell me in Chinese her idea for daddy's birthday present.

Embracing our children's multiple identities is about more than latkes and mooncakes. Comparing experiences reveals there's no one

way to raise a Chinese child in a Jewish home. But what we have in common is that we all do it thoughtfully. And while Abby and our friends' children may find that they will never have all the questions about her earliest beginnings answered, they understand a great amount more about tolerance than most. Our children have the capacity to be spokespersons for a more tolerant world – a world in which we celebrate similarities,

respect differences, and can see the beauty of every individual's family flower garden.

Lauren Goldman Marshall is an award-winning playwright and freelance writer. She lives in Seattle with her husband and two daughters.

Asian Jewish Life.
(Reprinted with permission).

China and Israel agree on 10-year multiple-entry visas for citizens

---

72

I
q
u
d

y
o
t
z
e
i

S
i
n

Israel's Interior Ministry has announced that the Chinese Israeli 10-year multiple-entry visa agreement will take effect this month on 11 November. The agreement was signed at the second meeting of the China-Israel Joint Committee on Innovation Cooperation on 29 March 2016. Chinese Vice Premier Liu Yandong and Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu attended the signing ceremony.

The Chinese-Israeli 10-year multiple-entry visa agreement is another major move after Israel and China agreed on a mutual visa waiver for diplomatic and official passport-holders this January. According to the agreement, Chinese tourists will be able to have multiple entries to Israel, with the maximum duration of each stay being 90 days.

In recent years, Chinese-Israeli relations have been developing rapidly in various fields, including intergovernmental platforms such as the China-Israel Joint Committee on Innovation Cooperation, and co-operation in trade, bilateral investment, culture, academia and tourism. The visa agreement is

expected to continue to strengthen co-operation between the two countries.

China's tourism industry is the fastest-growing in the world. The number of Chinese tourists visiting Israel has been increasing by 30% annually. Israel welcomes Chinese tourists and hopes that this momentum will be long-lasting.

Israel's Interior Minister Aryeh Deri expressed his satisfaction over progress in the process. "China is a very important country and we are starting a new and important track with the Chinese Government. It is essential that as many Chinese tourists come to Israel as possible. This is a move that will greatly assist

Israeli and Chinese tourism and will significantly contribute to bilateral relations and the economies of both countries."

"Over the past few years, we have witnessed the development of the China-Israel relationship in many aspects such as tourism, investment, academia and cultural exchanges. I believe that with the approaching of the 25th anniversary of the diplomatic ties between China and Israel, the new visa policy will enhance the bilateral relationship between the people of the two countries," said Matan Vilnai, Israel's Ambassador to China.

Still, for them, Julie's Jewish and Michael's Presbyterian values are best translated into action. For example, Lucy accompanied her parents to do phone-banking to protect same sex marriage in Washington State. "I hope it was empowering for her to see how beliefs can effect change," Julie reflects.

In contrast, Karen and David share a connection to religious community, despite coming from different faiths (she Congregationalist, he Jewish Conservative), and want to pass that on to their children. "For me it's important to carve out time to talk about the sacred, acknowledge the miracle of life, and talk about the hard questions of right and wrong," Karen explains. They joined a Reform synagogue and both their girls take Sunday school classes. For the girls, embracing their Jewish identity has been a way to connect with David's family, which is observant. June loves the singing, while Ariana just loves meeting people, and both like learning languages. They also take Chinese dance class, where they learn Mandarin, and are active in our playgroup. "Our kids get overbooked," Karen laments. "Something has to go." They don't play soccer.

Nancy and Steven, also an interfaith couple, take a middle ground approach. Nancy and her Chinese adopted daughter Lia attend a Jewish worship that incorporates elements of Buddhism. For Nancy, Buddhism provides a spiritual depth she found lacking in mainstream American synagogues. Yet the meditative practice of Buddhism is fundamental to Judaism, especially Chassidism. "It's about mindfulness and presence, how we treat each other and what's important in

life," Nancy offers. At Lia's school, interestingly, there are many Asian kids, but few Jewish ones, so Lia likes to highlight her Jewishness as something that makes her special.

The extent to which our Chinese daughters self-identify as Jewish is influenced by the amount of family involvement. June and Ariana strongly identify with being Jewish, more so, it seems, than Abby and Lucy. "Still, if asked," their mom Karen says, "my daughters would say they are 'Chinese' first."

Our Chinese-Jewish adopted daughters have a foot in both cultures, but how fully do they belong in either?

A friend, who is Orthodox, once suggested that Abby could "convert" to Judaism, but in the more liberal leaning Jewish communities, there is never any question that my adopted daughter is Jewish. At their Reform synagogue, Karen notes, "everyone's very accepting."

Integration into the Asian community seems a little trickier for our girls. Several of our playgroup families have at least one Asian parent, and there

are connections through Mandarin teachers and friends they make at school. Still, when it comes to acceptance in the non-adoptive Asian community, there can be cultural and socio-economic differences to bridge.

For example, Lia rides the bus to school with several girls from Chinese immigrant families who live in the predominantly Asian International District. They braid each other's hair, and

at recess, Lia bounces back and forth between separate circles of immigrant girls and white girls. Still, it took years of invitations, Nancy explains, before the immigrant girls finally came to Lia's birthday party. Arranging playdates was even harder. Their parents work long hours, and the girls might stay after school with a grandparent who doesn't speak English. One time, when an immigrant friend did come over for a play date, she came with several siblings and brought food.

My sister and her husband, who was born and raised in China, are both China historians, and their 3-year-old son is bilingual, so there was a compelling reason to learn Mandarin. I signed both the girls and myself up for Saturday Mandarin classes when they were

But there is no one story that can encapsulate her history. Raising our Chinese daughter in a Seattle home also means giving her and exposing her to a variety of values and traditions as she herself is the product of many different cultures. She has a secular Jewish mother, an atheist father of Southern Baptist descent, and an older sister (who resembles her parents). How we blend and balance these influences will shape her self-identity.

Our approach has been to give the girls a heaping spoonful of Jewish and Chinese cultures, with a sprinkling of dominant American culture thrown in. When it comes to the holidays, it's a joyful, if exhausting, undertaking: latkes for Chanukah, gingerbread houses for a taste of American tradition, and homemade jiaozi for Chinese New Year's. Fortunately, I like to cook. My childhood family's tradition of going to a Chinese restaurant (the only ones open) on December 25 later morphed into my sisters and I helping our mother prepare a twelve-course Asian holiday meal.

My family's love affair with China may have started with cuisine, but there's also an affinity between Chinese and Jewish values. We're both people of the book. One civilization is grounded in the Confucian classics; the other in the Torah and accumulated commentaries. Both place a premium on education. And while both societies can be patriarchal and hierarchical, they share an ideal of the righteous rebel who overcomes a humble beginning to achieve personal and civic success through study, hard work and moral action. In different generations, Jewish and Chinese immigrants have become model minorities in the U.S., and weathered resentment for it. This kinship of values influenced our decision to adopt from China. It also means that when I push Abby to work harder on an essay or take

supplemental math, I can imagine my mother and her birth mother approving.

Here in Seattle, Abby's multi-cultural identity isn't as unique as one might think. It's actually somewhat common to meet children who are both Asian and Jewish, either because they are adopted or bi-racial. During an ancient civilizations class at the middle school, the teacher asked if anyone in the class was Jewish. Only two students raised their hands – one who is Chinese and another girl, who is part Japanese. "Asian domination!" they shouted, and everyone laughed. The fact that these Asian children don't "look Jewish" may spare them from certain assumptions and stereotyping in the greater community, and that may color their experience of what it means to be Jewish. For them it will not be a label, but a matter of personal choice.

I want to give my children a stronger sense of Jewish identity than I had. My family, an assimilated family in the Pacific Northwest, rarely went to synagogue, and I didn't go to Sunday school, but we practiced the Jewish tradition of activism. My grandmother Rose was a seamstress and labor organizer, my mother was a dedicated community organizer for children's welfare, and I have been active in Israeli-Palestinian reconciliation. The aspects of Judaism that I connect to most are its ethical underpinnings and emphasis on social reform, rather than religion or ritual.

When my older daughter Hannah reached middle school, I signed her up for a Jewish studies class, focusing on history and Torah interpretation. Now, at age 13, Hannah meets monthly with a rabbi to prepare for an alternative style bat mitzvah. I hope both my girls will experience this important rite of passage, which I did not have growing up.

But to only speak of her Jewish

connections is to ignore an important part of who she is. Bridging these identities is important to me. I want Abby to feel a part of the broader Asian-American culture, and not just our adoptive subgroup. After I did a Chanukah presentation in Abby's classroom, her teacher asked me if I would do one for Chinese New Year.

As a white person, I felt embarrassed to appear before the class as an authority on Chinese New Year, so I invited a Taiwanese mom to join me. She probably would have been asked initially, except for the fact she works full time. For two years now, we've done our presentation together. She talks about the traditions in her family, and I read a book to the kids. As a result of our conversations, she signed her daughter up for the Chinese dance program that Abby and our friends' children Ariana and June are in. Previously, that program catered mostly to adopted children. Step by step, our adopted children are building bridges across communities.

Here in Seattle, we're also most fortunate to belong to a close-knit playgroup of families with children adopted from China. We meet regularly for holidays and outings, and traveled with ten of those families to China on a heritage trip. There are several families with one Jewish parent and a Chinese daughter.

Our friends, Julie and Michael, for example, have made a commitment to exploring their daughter Lucy's Asian heritage. Lucy is learning Japanese in school and Mandarin on weekends along with her dad. Together they share Chinese traditions with a diverse community of adoptive, biracial and Chinese-American families at the Mandarin school. Julie acknowledges that emphasizing cultural community over religion means some trade-off, in the lack of a spiritual element.

A Family Flower Garden: Raising My Jewish Chinese Daughter

By Lauren Goldman Marshall

Abby (writer's daughter) at a Chinese New Year festival

Abby was found at the gate of the orphanage complex on the night she was born. Our only artifacts are the handmade cotton clothes she was wearing and a scrap of ledger paper with her birthdate and time scrawled in imperfect Chinese characters.

In third grade last year, my daughter Abby had to do a family origins project for school. She was to answer questions such as "Where do your grandparents come from?" Wanting to simplify her job, I asked do you want to focus on your adoptive family or your biological

family?

But to Abby this wasn't an option. She couldn't choose one over the other. A simple family tree wouldn't suffice if she was to honor all her ancestry, Chinese and European. I had tried to simplify the matter, but Abby taught me that she needs to embrace all the aspects of her identity and create not a traditional family tree, but instead a "family flower garden." And though a beautiful idea, this task proved to be complex.

"I wish I knew something about my birth parents!" she lamented.

"We could be detectives, like Nancy Drew," I suggested, "and speculate from what we do know."

We have no actual information about her birth parents. We can only surmise, from the scant information that we have, that her birth parents were poor and probably uneducated. But we can also surmise that they wanted her to have a better life.

For all that I can't give her, there are many more things that I can. I can give her, the stories of my family and my husband's. So I told her about my grandmother,

Ruchel (Rose) Winarksy, who, in 1912, at age 14 fled the pogroms in Russia with her two older sisters and a younger brother, leaving behind their parents, whom they never saw again.

I told her about her paternal great-grandfather and namesake, Abner McCall of Texas, whose mother placed him in a masonic orphanage to receive a good education after his father died in the 1918 flu epidemic.

The sacrifice of parental rights to provide a better future for one's offspring is a familiar theme in immigrant stories. It is something that can deeply resonate with Abby. It is also the Moses story, for Moses too was loved by his adoptive family, but he also learned about his roots. The story took on new resonance for me when I first read it to Abby.

Abby lighting the menorah

criticizing intrusive actions in Kashmir, Tibet, East Timor or Afghanistan. Indeed, as Sufott well explains, China stood out as "the only non-Muslim and non-Arab country that avoided all official contact with Israel" since the 1950s.

Lilian Craig Harris's article *China and the Arab Middle East 1948-1996: Arab Viewpoints* ably describes the Chinese position vis-à-vis the Arab world: Even though the People's Republic of China sided with the Arab world against Israel for forty years, the Arab regimes distrusted the PRC for its supply of weapons to local revolutionaries in Yemen, Sudan and Oman. Later on the PRC sold weapons to both sides in the Iran-Iraq war (1980-1988), as part of a pragmatic foreign policy called "friendly to everyone."

On this topic, of special interest is the article by Anthony Alexander Loh, which apologetically describes the anti-hegemonic motif in Chinese policy since the days of Confucius. (Loh is a Chinese scholar who completed his PhD in Political Science at the Hebrew University of Jerusalem.)

Other articles deal with the network of small organizations set up in China to assist Jews. Thus, Magid describes how two institutions were

set up in Shanghai to help the migration to Israel of several hundred Jews, including personalities such as Sinologue Ellis Joffe (1942-2010).

Aharon Shai, a historian of South-East Asia and former rector of Tel Aviv University, writes about a relatively marginal issue - the policy of the Israel Communist Party towards China during the second half of the last century. Having interviewed a number of Israeli Communist leaders, including Meir Vilner and David "Sasha" Hanin, Shai describes how Israeli Communists distanced themselves from China in 1969 - indeed, the chaos brought about by Mao's Leap Forward was despised even by their mentors in the Kremlin. Less convincing is the supposition that the rapprochement between Israeli and Chinese Communist parties in 1987 strengthened mutual understanding between the two nations, considering the anti-Zionist rhetoric that Israeli Communists voiced in Beijing.

One remarkable point is that, during Deng Xiao Ping's reforms, interest in Israel was prompted by Israel's success in defeating Soviet weaponry. Reuven Merhav and Yitzhak Shichor deal with the place of Hong Kong in China-Israel relations, noting that the path to the establishment of

relations was paved in Hong Kong, which hosted meetings between the two countries on science, agriculture and security issues. Moshe Yegar and P. R. Kumaraswamy (a research fellow at the Harry S. Truman Institute of the Hebrew University) discuss the implications of China-Israel relations for South and South-east Asia.

The anthology is focused more on history than on the future. Thus, an interesting topic not included is the possibility that Israel will become a bridge between the US and China, equidistant as it is between them as it was between previous world empires -- Egypt and Babylonia, the Greeks and the Persians, the Romans and Asia.

From Discord to Concord was published in a previous version in English (1999); this Hebrew version includes some new articles and updated versions of the others.

Gustavo Perednik, an Israeli educator and author, has been a member of the SJI International Advisory Board for a decade. He has lectured on Sino-Judaic topics in several Chinese universities, as well as in the US and Israel. His twentieth book, *Chinese and Jews*, will be released in Spanish by the end of this year.

Points East July 2016

Shanghai Grand: Forbidden Love and International Intrigue in a Doomed World by Taras Grescoe

On the eve of WWII, the foreign-controlled port of Shanghai was the rendezvous for the twentieth century's most outlandish adventurers, all under the watchful eye of the fabulously wealthy Sir Victor Sassoon.

Emily "Mickey" Hahn was a legendary New Yorker journalist whose vivid writing played a crucial role in opening Western eyes to the realities of life in China.

At the height of the Depression,

Hahn arrived in Shanghai after a disappointing affair with an alcoholic Hollywood screenwriter, convinced she will never love again. After checking in to Sassoon's glamorous Cathay Hotel, Hahn is absorbed into the social swirl of the expats drawn to pre-war China, among them Ernest Hemingway, Martha Gellhorn, Harold Acton, and a colourful gangster named Morris "Two-Gun" Cohen. But when she meets Zau Sinmay, a Chinese poet from an

illustrious family, she discovers the real Shanghai through his eyes: the city of rich colonials, triple agents, opium-smokers, displaced Chinese peasants, and increasingly desperate White Russian and Jewish refugees - a place her innate curiosity will lead her to explore first hand. Danger lurks on the horizon, though, as the brutal Japanese occupation destroys the seductive world of pre-war Shanghai, paving the way for Mao Tse-tung's Communist rise to power.

Book Reviews

China and Israel: From Discord to Concord

by Jonathan Goldstein and Yitzhak Shichor Reviewed by Gustavo D. Perednik

Not only is the title of this book reminiscent of Agnon's story *From Foe to Friend* (1941), its topic also seems to be similar: the attempts of the Jewish state to befriend a huge and powerful enemy. The struggle bears fruit only towards the end of the story, as the permanence of the protagonist's presence is acknowledged.

Relations between China and Israel have improved greatly over the last two decades, to such an extent that even this recent and updated collection of essays inevitably fails to cover some cardinal events.

China and Israel: From Discord to Concord was edited by two fellow members of the SJL International Advisory Board-Yitzhak Shichor and Jonathan Goldstein- who also contribute to this anthology with illuminating articles on security oriented issues.

Other contributors include Israeli diplomats who were pivotal in the knitting of the China-Israel bond. Among them are Isai Magid (consul in Shanghai 1949-1951), Reuven Merhav (consul in Hong Kong 1985-1988, subsequently director-general of the Foreign Ministry), Zev Sufott (first ambassador to China) and Moshe Yegar (head of the Ministry's Asia-Africa Department.) The rest of these thirteen essays were penned by scholars from Israel, the USA, China and India. Jonathan Goldstein, a historian at the University of West Georgia, wrote both the introduction and the epilogue.

The book encompasses several

aspects of the evolving relations between Israel and China. In their essay, Shichor and Merhav divide these relations into four stages: Drought (1949-1978), Tillage (1979-1984), Seedtime (1985-1991) and Harvest (1992.)

In actual fact, the optimistic picture described in the book has been surpassed by reality, with many economists forecasting that China will soon outdo the US as Israel's largest trading partner. Thus recent years are a fifth phase that might be called "The Boom".

Suffice to say that during the first half of last year, China invested more than \$2 billion in Israel, compared to just \$300 million throughout the previous year. In parallel, in March 2015, Israel became a founding member of China's AIIB (Asian Infrastructure Investment Bank,) reflecting the role of the Jewish state as a major economic partner. Examples abound. The Horizons Ventures capital fund, founded by Hong Kong magnate Li Ka-shing, is leading a US\$10 million strategic investment in Windward, an Israeli maritime data and analytics company. The Israeli Trade Authority signed an Authorized Economic Operator (AEO) agreement, which simplifies customs and approval procedures for Chinese exporters to Israel. The privately-held Chinese conglomerate Fosun International bought the majority of shares of Israel's Delek Group, and has agreed to purchase the Ahava cosmetics firm. For the

history of this partnership, see Yoram Evron's essay *Economics, Science and Technology in the Israel-China Relations*.

Economic aspects are just one of many areas covered by *From Discord to Concord*. Other essays, such as *1991: A Decisive Year*, written by Zeev Sufott (who passed away in 2014), describe the development of diplomatic relations between the two countries. Sufott details the titanic efforts that took place throughout 1991, culminating in the establishment of relations between Israel and both China and India during one momentous week in 1992. The two Asian giants together comprise more than one third of the world's population and their relations with Israel are currently excellent in both cases.

Previously, China and India had both adopted an anti-Israel position as part of their strategy to befriend Muslim countries, the Third World and the Non-Aligned. As described by Goldstein, Shai, Sufott and others, the Conference of Bandung, which took place in Indonesia in April 1955, was the first international expression of world discrimination against Israel – a forerunner of today's BDS.

In those days, China lumped Israel and Taiwan together as the two Asian countries to be systematically boycotted. Although its rationale purported to be "anti-colonialism," China was very selective in the type of "colonialism" it opposed, never

Baruch dayan emet

We regret to announce the passing of

Robert (Boris) A. MATERMAN

on October 14, 2016 after a long illness.

He will be missed by both his family and friends.

Tania and Peter (son) MATERMAN, Debbie (daughter) and James SKOPEC
and grandchildren Angelique, Zachary and Naomi.

IGUD YOTZEI SIN

deeply mourns the passing of our lifelong member and friend

Robert MATERMAN

and extends heartfelt condolences to TANIA, PETER, DEBBIE
and to the entire family

IGUD YOTZEI SIN

is very saddened by the passing of our member for many years

Leah BACKER

and extends heartfelt condolences to her daughter Sima REICHER
and the entire family

IGUD YOTZEI SIN

deeply mourns the passing of

Erica SCHLESINGER

on September 6th, 2016 in Haifa, Israel
and extends sincere condolences to her entire family

The BOARD of DIRECTORS of the
AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY of NEW YORK
mourns the passing of our dear member

Nelly KOGAN

We extend our deepest condolences to the family

The BOARD of DIRECTORS of the
AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY of NEW YORK
mourns the passing of our lifelong member

Mike KLEBANOFF

We extend our deepest condolences to ANGELICA and to the family

IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of our active member and friend for many years

Paul AGRAN (Pavel AGRANOVSKY)

in Chicago, USA

and extends deepest sympathy to ESTHER (FIRA) and family

We are deeply saddened on the passing of
our dear lifelong friend

Paul AGRAN

and extend heartfelt condolences to ESTHER and her family

Lika KAGANER and Zelda FRIEDMAN

We are deeply saddened by the passing of our dear friend

Stella UDOVITCH

and express our heartfelt condolences to ZINA, LOU and their families

Inna MOUSTAFINE

Mara MOUSTAFINE and Andrew JAKUBOWICZ

Lika KAGANER and Zelda FRIEDMAN are deeply saddened
on the passing of a dear lifelong friend

Stella UDOVITCH

and extend heartfelt condolences to ZINA, ELIJAH (LOU) and their families

May her kind soul rest in peace

I was very sorry to learn of the passing of a dear friend

Stella UDOVITCH

May her soul rest in peace

Rasha KAUFMAN

I am deeply saddened by the passing of

Stella UDOVITCH

and express heartfelt sympathy to ZINA, LOU and their families

Cecilia LYUBMAN

OBITUARIES

DEATH

With great sadness we mourn the passing of our beloved

Stella UDOVITCH

30 May 1926 - 28 May 2016

Adored wife of DAVID (deceased)
mother of ZINA & ELIJAH (LOU)
mother-in-law of PAUL & MARLENA
grandmother of MICHAEL & ANNETTE, and MARK
great grandmother of KIAN & LUA CHEIA, and COREY & JAI

A vibrant, caring friend

63

IGUD YOTZEI SIN

deeply mourns the passing of a former IYS Honorary Representative
in Australia for many years,
our dear friend and wonderful human being

Stella UDOVITCH

We express heartfelt condolences to ZINA and PAUL,
LOU and MARLENA, and to their families

EULOGY

STELLA UDOVITCH

May 30 1925 - May 26, 2016

Stella – Shterna bat Eliyahu, was born in Harbin, China, the second youngest of 4 children - 3 girls and a boy. Her family ran a wholesale and drapery business. She studied the piano, and graduated from the music academy a few months before leaving China.

At the age of 18, she married Abraham Greenberg, and a year later in 1945 Zina was born.

The marriage was not a happy one, and they divorced 18 months later. In 1948 she married the love of her life, David Udovitch.

Stella and David lived in a flat in Harbin, China. In 1951, Lou (Elijah) was born. They began thinking of a better life, either in Australia or Canada. When Lou was 10 months old, they got permission to go to Australia, sponsored by Mr. and Mrs. Hwatkin. They asked for the passage to be postponed as Lou became ill and was hospitalized after having eaten bad oranges. The request was denied, so while Stella stayed with Lou in hospital, David and a friend, Jenny Karchomkina, packed to leave. That was not a matter of throwing some clothes into a suitcase – Stella brought her piano with her.

They went by train to Tientsin where they rented a house for one month. There was a good Chinese doctor there who helped Lou recover using Chinese medicine.

They went by ship to Hong Kong (Jansen shipping company). The journey took 6 weeks, and Lou and Zina were seasick the whole time. From Hong Kong they travelled on another ship for 16 days, with a stopover on the Indonesian Island of Taracan.

Landing in Townsville was a culture shock - pubs and bare feet. They

travelled on to Sydney where they were met by their sponsors, the Hwatkins and their very good friends, Tsipris and Agran. They lived with the Hwatkins in a flat in Bellevue Hill for one month. Zina ran away from school every day because she knew no English. Stella and David had begun to learn English in Harbin in preparation for their trip, and continued with night classes in Sydney. A flat was found for them in Priory Road, Waverton, costing 350 pounds key money (which was then illegal) and 6 pounds a week rent. David was earning 13 pounds a week. David worked for British Paints and developed lead poisoning which remained undetected for a long time. Finally the insurance company paid 60% of his wages and medical expenses for 3 months.

A previous neighbour from Harbin (a 70 year old woman) came to stay from Monday to Friday to look after Lou until Stella's mother Hannah arrived from Israel so that Stella could go to work. She worked in a plastic toy factory in Chatswood, and later in a chocolate factory.

They remained in Waverton for 6 years, and then bought a house in Kingsgrove for 5,000 pounds. They had to borrow the deposit. They moved to Dover Heights in 1989.

For 10 years Stella worked in David Jones' shoe department. Stella and David then bought a shop in Parramatta and turned it into a very successful disposal shop where they both worked. In 1982 the disposal shop burned down, and unhappily they decided to retire.

They travelled many times to visit family in Israel and their fabulous friends in the United States. They lived happy fulfilling lives together, working tirelessly for their pet charity, Igud Yotzei Sin (The Association of Former Residents of China in Israel), raising large sums of money to send to Israel to help those who had helped David when he was an impoverished student in Harbin.

Stella loved life to the max. Their home (whether small or big) was always full of friends and fabulous food.

Stella lost David in 2010, and from then her life was not the same. After being hospitalized later in 2010 for shingles, the medical advice was that she could not stay in her home. Since then she spent her last years in the caring environment of Lulworth House in Elizabeth Bay.

She leaves behind: her children, Zina and Elijah (Lou) and their spouses, Paul and Marlena. Her grandchildren, Michael, Annette and Mark; their partners, Shenoha and Jesse; and her great grandchildren, Kian, Lua Cheia, Corey and Jai.

May her memory be blessed!

A Taste of Poland in America via Shanghai

By Joan Nathan

Many years ago, when I lived in Cambridge, Massachusetts, a friend of mine introduced me to her mother—an elegant woman named Julia Kronhill, who told me her amazing story. She and her husband, Jacob, had left their home in Lublin, Poland, and crossed the border to Lithuania on September 6, 1939, just after WWII started. They lived in Vilna until January 1941 when, courtesy of Japanese diplomat Chiune Sugihara and his life-saving transit visas, they were able to travel across Russia to Vladivostok and then to Kobe, Japan. In September 1941, the Japanese transferred all nonresident aliens to Shanghai, where the two lived until the war ended. Then, with the help of the Joint Distribution Committee, they moved to Melbourne, Australia, where Julia raised two children—including my friend Irene Pletka, who was living in Brookline, Massachusetts, when I met her, shortly before Julia passed away.

As Julia told me her personal history, she also described to me a luscious raspberry tart that she remembered from growing up in Lublin. I wanted to taste it—immediately. A few days later, as I watched Julia carefully crafting the crust with her hands, patting a long thin strand of dough around the sides and filling it with pints of raspberries, then, with a pastry dough cutter, weaving a lattice crust on top...

Whenever I make this amazing tart for family and friends, I like to tell of the luck of two people from Poland and the memory of a flavor that followed them halfway around the world.

Polish Raspberry Tart

(Serves 6 to 8)

CRUST:

1 stick unsalted butter or 4 ounces coconut oil
3/4 cup sugar
Pinch of salt
Grated rind of 1 lemon
Juice of 1/2 lemon
1/2 teaspoon vanilla
1 1/2 cups all-purpose flour
1/2 teaspoon baking powder

FILLING:

2 to 3 tablespoons good quality raspberry jam
2 to 3 pints fresh raspberries
Confectioners' sugar for sprinkling

1. Using a food processor with a steel blade, pulse to cream the butter or coconut oil with the sugar, salt, grated lemon rind, lemon juice, and vanilla.

2. Gradually add the flour and the baking powder and process until a

ball forms. Cover with plastic wrap and refrigerate for at least one hour or overnight.

3. When you remove the chilled dough, preheat the oven to 375 degrees and press one-third of the dough into the bottom of a 9-inch spring-form pan. Bake for 15 minutes and remove from the oven.

4. Press another third of the dough on the sides of the pan and spoon the bottom with the raspberry jam. Then spread all the raspberries on top of the raspberry-smeared crust.

5. Roll out the remaining third of the crust and, using a dull knife or pie liner, roll out 1/2-inch strips and make a lattice crust and then, with the remaining dough, make a snake around the edge, attaching the lattice top to the sides. Return to the oven and bake for 45 minutes, or until golden. Remove from the oven and sprinkle with confectioners' sugar. When cool, remove from the pan and serve with vanilla ice cream.

Points East - Excerpted from Tablet
22 August 2016

only Jews there among more than 100 Israeli dance aficionados. The New Zealanders' affection for Israel so moved Vera that she told Aura, "We have to write a song", which is what they began as they drove around New Zealand, and completed back in Melbourne.

After music producer Martin Splitter arranged the song, Aura recorded it, added it to her website XXX, and with Yehuda Kaplan, then a broadcaster at Australia's Special Broadcasting Service's Hebrew program, had it translated and transliterated into 35 languages, including Chinese. Then nothing much happened for the next 10 years.

Since 2008, however, Nirkod Lashalom has become "The Little Hebrew Song That Could". It had its "world premiere" in June 2008 at Hava Netzeh B'Machol, the 38th Israeli Dance Festival in Rio de Janeiro, Brazil, when it was choreographed as a performance piece for the "Nirkod Lashalom Show."

At about the same time in Melbourne, avid local dancer Peter Leipnik began developing a folk-dance version. On a visit to Australia, leading Israeli choreographer Shlomo Maman joined Peter to work on the dance. By August 2008, it was a short-listed finalist in the Karmiel Dance Festival, the first time the

Festival had ever accepted a dance composed and choreographed outside Israel. This led, via the Internet, to dance groups performing Nirkod Lashalom from Montevideo to Riga, from Singapore to Vilnius, and from New York to Warsaw.

Sam Lipski is the CEO of The Pratt Foundation, a former Editor-in-Chief of the Australian Jewish News, and the founding publisher of the Jerusalem Report.

**Points East - Excerpted from the
Times of Israel
15 May 2016**

Stranded in Shanghai: The Hongkew Ghetto through the Eyes of Refugees and the Lens of Arthur Rothstein

In April 1946, prominent American photojournalist Arthur Rothstein took twenty-two photos that captured the living conditions of Jewish refugees in the Chinese city of Shanghai. Commissioned by the United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA), Rothstein's photos were taken seven months after the Pacific War had ended, yet they are a unique visual testimony to the sanctuary given to around twenty thousand Central

European Jews during the period of World War II and the Shoah. This is the third exhibition at the Jewish Museum in Prague to look at the phenomenon of refugees and migration. Its aim is to acquaint a wider public with the still little known history of the so-called Shanghai Ghetto by presenting it not only through the eyes of a brilliant photojournalist but also through the experiences of the protagonists of the story, Czechoslovak Jews, who along with Jews from Austria, Germany, Poland, and Hungary found a haven in Shanghai at a time when, with rare exception, the entire world was refusing to accept refugees. Rothstein's pictures give us extraordinary insight into the historical role of the photographer in the service of international organizations and into the importance of photojournalism in zones of conflict, humanitarian crisis, and catastrophe, where the style of objective visual report-

ing blends with the more emotionally engaged social and humanistic photography as well as with public relations strategies.

**Robert Guttmann Gallery, Prague
From 12. 05. 2016**

Let's dance for peace - sung in Chinese

Sam Lipski

*Nirkod Lashalom,
Nashir Lashalom
Harokdim ba'olam mishpachah
Let's dance for peace,
and sing for peace
All the world's dancers
are a family*

On the second day of Passover this year, a Hebrew song and its accompanying Israeli dance, composed and choreographed in Melbourne, Australia, made international cultural history.

In Hong Kong.

Which is where a 27-person Chinese choir sang the Mandarin version of Nirkod Lashalom — Let's Dance for Peace, and some 200 performers who danced it came from Hong Kong, Taiwan, Singapore, Malaysia, Macau, and mainland China. Nirkod Lashalom was the opening ceremony's centrepiece in the 2016 World Dance Day festival.

Every year since 1982, when the UNESCO affiliated International Dance Council (CID) introduced World Dance Day, millions of dancers in 170 countries, including Israel, have continued to celebrate it. Every dance form, from classical ballet to hip-hop, from modern dance to ethnic folk, and from tap to jazz, joins the festivities. But this is the first time, as far as my research could establish, that an Israeli dance has featured in a World Dance Day's opening ceremony anywhere outside Israel.

Let me declare a "personal" and family interest. My wife Aura, a professional singer and songwriter, wrote the words and music for Nirkod Lashalom some 18 years ago, together with her late mother Vera Levin.

My mother-in-law was born in Harbin, and grew up in the Shanghai Jewish community. In 1949, as Mao Zedong led the Communist revolu-

tion, she moved to Israel, where she developed her passion for Hebrew song and dance, and then to Australia. She returned to Israel in the 1960s, and then resettled in Australia. But her love of both Chinese and Israeli culture was life-long. So she would have loved seeing how Nirkod Lashalom has taken on new meaning in Chinese.

The Hong Kong connection is also "personal". It began last August after Aura was a guest at the International Symposium for the Preservation and Development of Folk Dance. When she'd returned to Melbourne, Aura's Hong Kong dance-teacher hosts, Hang-Mai Fung and husband Lau Ting-Kwok, who've been to Israel and attended the Karmiel Dance festival, heard her recording of Nirkod Lashalom. As Mai later told me: "We just loved the music". And as the song's message of peace resonated in Chinese as much as in Hebrew, the rest really is history.

But there's a back story. Aura had received the Hong Kong invitation because www.israelidances.com, the website she created and has developed over the past 12 years, has become the "go-to" online home for thousands of dancers in 35 countries. Many of them, such as those in Hong Kong and Singapore, aren't Jewish, and keep up with the ever-expanding Israeli folk-dancing repertoire via the website by following the dances' Hebrew song-titles in translated and transliterated Mandarin Chinese, of which the website lists over a thousand. But that's still only a small percentage of the total Israeli dance repertoire.

That's not a misprint. Israeli folk dance happens to be one of Israel's least known, but more successful "soft power" exports. Even many Israelis, otherwise knowledgeable about their country's cultural outreach, have only the vaguest idea

about the worldwide industry of touring Israeli choreographers, dance camps, conferences, workshops and videos.

Outside Israel, apart from the aficionados, it's rare to come across anybody whose awareness of Israeli dance extends much beyond Hava Nagila and maybe Od Lo Ahavati Dai at bar mitzvahs and weddings. But even in Israel its reach is often under-rated. Although folkdance has a Zionist history that predates 1948, and although the annual Karmiel Dance Festival, with its 80 performances and 5,000 dancers, attracts more than 300,000 visitors, no Israeli has ever come close when I ask how many dances they think there are.

For the record, www.israelidances.com lists the class schedules for 35 countries and detailed information for 8,724 different dances. No joke: 8,724. And that's not even all of them. All the more reason for noting that Nirkod Lashalom has made a name for itself in Hebrew, 33 other languages, and now certainly in Chinese.

Israeli dance, however, is not new to Hong Kong. The legendary choreographer, Moshe "Moshiko" Yitzhak-Halevy, a veteran of the Yemenite Dance Theatre Inbal and thousands of teaching sessions, visited Hong Kong in 1968. And ever since, the local folk dance groups have included Israeli circle dances, debkas, line dances and partner dances in their weekly sessions...

So it really is special that Mai chose Nirkod Lashalom as the song to open World Dance Day. Granted, my personal bias may be showing again. But then Nirkod Lashalom itself began as something very personal — at a dance camp in New Zealand in 1998. Aura, Vera, and veteran Israeli choreographer, Shmulik Govari, were almost the

The unknown legacy of a Japanese hero: *Chiune Sugihara*

Against orders from the Japanese government, Consul Sugihara issued the Jews of Kovno thousands of transit visas, allowing the recipients passage through the Soviet Union and Japan.

Kovno, Lithuania, Summer of 1940. Lithuania had just been annexed to the Soviet Union, and Consul Chiune Sugihara of Japan, along with all other diplomats in Kovno, had been told to leave Lithuania by the end of August. As he was packing his family's belonging, Consul Sugihara was told that a Jewish delegation was eagerly waiting for him outside, with a desperate request. Thus began the rescue of over 6,000 Jews from war-torn Europe.

Against orders from the Japanese government, Consul Sugihara issued the Jews of Kovno thousands of transit visas, allowing the recipients passage through the Soviet Union and Japan, to find refuge in different places around the globe at a time when the world was closed to Jews. He wrote out hundreds of visas a day, working 20-hour days until his forced departure. Even as he boarded the train, Consul Sugihara was still signing documents and throwing them out of the cabin window. It is estimated by the Simon Wiesenthal Center that the descendants of the Sugihara Visas survivors exceed 40,000.

This week, StandWithUs Asia had the honor of taking part in the visit of Consul Sugihara's only living son, Nobuki. The trip began as a modest effort to secure Israeli support for a small monument to his father in Fujisawa, where Consul Sugihara lived after the war, and quickly became a tour of Israel to meet the

NOBUKI SUGIHARA, son of Japanese diplomat, Chiune Sugihara (in black and white picture), who helped save thousands of Lithuanian Jews in World War II, speaks during a street-naming ceremony in honor of his father in Netanya, earlier this month.. (photo credit:REUTERS/BAZ RATNER)

grateful descendants of the Sugihara survivors, with stops in Jerusalem, Tel Aviv, Haifa and Netanya. Though it was covered extensively by Japanese press, there was little or no mention of the visit in Israel. Sadly, Sugihara's story still remains widely unknown today. We spare no expense in teaching about the Holocaust, yet an Israeli high school graduate would be hard-pressed to recognize the Sugihara name. This is a product of the Eurocentric emphasis in the way we teach history to our children, and represents a missed opportunity to connect young Israelis with a broader view of the world in general. It is a valuable lesson in the power of one person who followed his conscience and did what was right in an impossible situation.

Furthermore, the memory of Sugi-

hara is a potential bridge to relations with the Japanese people, who are eager to see points of light in the darkness of World War II.

Sugihara's deeds are regrettably not alone in their obscurity – another Righteous Among the Nations, Consul Ho-Feng Shan of China, who issued transit visas to thousands of Jews against orders, is also a name rarely heard when discussing the Holocaust in Israel, and the unbelievable story of how 1,200 Jews fled Germany to Manila is also one rarely retold. European figures like Anne Frank and Oskar Schindler are studied and memorialized often, yet when it comes to East Asian heroes, things seem easier to forget.

In lieu of flowers for ROSH HASHANA and HANUKKA

From	Olga DIESTEL	C\$	180	From	Miriam NAGAR	NIS	150
"	Riva HOFFMANN	NIS	150	"	Arie RAAM	"	180
"	Emmanuel INGERMAN	"	300	"	Serafima RIBINICK	"	200
"	Yosef JACOBSON	"	100	"	Israel ROSENBLATT	"	360
"	Genia KAUFMAN	"	180	"	Clara SCHWARTZBERG	"	400
"	Dina KEDAR	"	150	"	Renata SHANY	"	400
"	Yona KLIGMAN	"	180	"	Tania SHLIFER	"	100
"	Leah KLURMAN	"	100	"	Sarah UMANSKY	"	150
"	Timna LILACH	"	200	"	Miriam YAKIR	"	100
"	Yakov MATLIN	"	200	"	Yechiel YANKLOWICZ	"	300

SYNAGOGUE FUND

ISRAEL

From	Miriam SHAHAM in memory of her father Yakov BRANDT	NIS	150
"	Pnina TRAYBER in memory of her father Yakov BRANDT	"	200
"	Shulamit EVEN in memory of her parents Sarah and Mark MORGULEV	"	180
"	Teddy PIASTUNOVICH in memory of his mother Ella PIASTUNOVICH	"	200

SCHOLARSHIP FUND

USA

SAN FRANCISCO

From	The ALEXANDER M. and JUNE L. MAISIN FOUNDATION of the JEWISH COMMUNITY FEDERATION and ENDOWMENT FUND for Igud Yotzei Sin in Israel, the Association of Former Residents of China, to provide the Scholarship Awards in Israel to the grandchildren and other descendants of former residents of China in Israel during 2016/17 (The Scholarship Fund in memory of Alexander and June MAISIN)	US\$	30,000
------	--	------	--------

NEW YORK

From	Dora and Joe WAINER towards the Scholarship Fund in memory of Tania and Shmuel SEGERMAN	US\$	1,500
------	---	------	-------

CHINA

From	The EMBASSY OF P.R. OF CHINA IN ISRAEL for Igud Yotzei Sin current activities and Scholarship Fund	US\$	10,000
"	The EMBASSY OF P.R. OF CHINA IN ISRAEL for Israel-China Friendship Society current activities and student scholarships	"	10,000

THANK YOU FOR YOUR SUPPORT

DONATIONS

SOCIAL AID FUND

USA

From	The Charitable Fund of the AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY of NEW YORK for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund. We wish for all of you a very Happy New Year and Best Wishes for 5777	US\$	2,500
"	Bertha ELKIN in memory of Solomon Joseph OPPENHEIM	"	50
"	Esther WOLL in memory of her parents Sarah and Joseph OSSI	"	200
"	Dina VINCOW in memory of her parents Sofia Abramovna and Lev Moiseevich LICHOMANOV	"	300
"	Archie OSSIN in memory of his mother Sarah OSSIN	"	250

In lieu of flowers for ROSH HASHANA and HANUKKAH

From	Balfoura F.LEVINE	US\$	50
"	Joe MRANTZ	"	100
"	Luba TUCK	"	100

CANADA

From	Dr. Natalia WILSON for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	US\$	60
------	--	------	----

56 JAPAN

From	Izumi SATO, Associate Professor of the Faculty of Humanities at Toyo Gakuen University for the IYS Social Aid Fund	US\$	600
------	--	------	-----

AUSTRALIA

From	Roy and Gloria STEWART in memory of Gloria's dearest parents Solomon Davidovitch and Eugenia ZIMMERMAN	A\$	70
"	Hannah STERN for the IYS Social Aid Fund	"	40
"	Dr. Samuel SAKKER for the IYS Social Aid Fund	"	500
"	David LEVITAN for the IYS Social Aid Fund	"	250

ISRAEL

From	Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Musia BERKOVITCH for Igud Yotzei Sin current activities	NIS	20,000
"	Flora FREIMAN in memory of her husband Bob FREIMAN for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	"	1,550
"	Reva FREIMAN in memory of her dear father Bob FREIMAN for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	"	1,000
"	FREIMAN family in memory of Mark SAKKER	"	500
"	Prof. Daniel and Michal KATZNELSON	"	500
"	Rasha KAUFMAN in loving memory of TEDDY	"	500
"	Lily KOROSHI in memory of her beloved grandmother Itta KRUGLIAK	"	200
"	Yossi KLEIN for Igud Yotzei Sin activities	"	1,000
"	Ran (Ronny) VEINERMAN for Igud Yotzei Sin activities	"	600
"	Shulamit EVEN for Igud Yotzei Sin activities	"	180

they are full of excellent Chinese musicians," Mr. Mehta said. "My advice is to call these musicians to at least come back and teach."

At least one Chinese musician, Suli Xue, has heeded that call. Several years ago, Mr. Xue, a violinist with the Los Angeles Philharmonic, decided to take advantage of the growing interest in classical music in Harbin, his hometown.

The government quickly agreed to his proposal to host the Alice & Eleonore Schoenfeld

International String Competition. Beginning last month, Harbin hosted the competition for the second consecutive year, with the government providing the venues and paying for some of the competition's costs.

"In China, when you get the government's support, it's very strong," said Mr. Xue, who is the artistic director of the competition. Such international exchanges "help improve the musical taste of the entire city of Harbin," said

Mr. Liu, the deputy mayor, during intermission at Mr. Mehta's concert. Perhaps more important, he said, they help move China toward its longer-term cultural vision.

"If one day we can attend a performance by a Chinese master leading a performance of a work by a famous Chinese composer," he said, "that would be the dream."

The New York Times
Aug 9, 2016

Israel and China jointly launched a training centre for medical clowns at Sichuan Provincial People's Hospital

---

Forty doctors and nurses in Chengdu will learn from the world's leading professional medical clowns this year.

Amir Lati, Consul General of Israel's Consulate in Chengdu, said Israel is a world leader in medical clowning. In Israel, the profession is serious business – the world's first clown care course was set up at the University of Haifa in 2006.

When we are entertained, and especially when we laugh, the brain releases endorphins, which can help relieve pain, and it produces more leukocytes, which help the immune system, according to Lati, adding that medical clowns have been proven to help the healing process.

The Israeli practitioners will teach the trainee Chinese medical clowns about medical care, psychology, physiotherapy, magic, puppetry and acting.

Avital Dvory, a medical clown from Israel, told Xinhua that behind the

Medical clown Shlomi Golan visiting children in hospitals in Chengdu last year. He and Avital Dvory travelled to nine hospitals and child-welfare institutes

smiles and jokes, it can be a stressful job. "Every year, lots of medical clowns quit as they can't handle the psychological pressure."

About 80 percent of medical clowns treat children, including some who are terminally ill. "When they smile at me, I can still see the pain inside. When I first started clowning, I would often cry after work and suffered from insomnia," she said.

Consul General Lati commented that medical clowns also help during treatment. For example, they may perform magic to distract children's attention when they are having a blood sample drawn. They

also visit wards along with the doctors. The doctors on duty brief the clowns on the specific condition of each patient, so that they can devise a suitable clowning treatment. Sometimes, the attending doctors and the relatives of patients join the performance. He also mentioned that in the future, clown care will be extended from children to

adult patients.

The present 40 medical clowns in Chengdu were selected from hospitals across the province.

Wang Yongsheng, one of the trainee medical clowns, said clowning can help break down the perceived wall between doctors and patients. "With the help of medical clowns, patients can have more exchanges and interactions with their doctors. We can relieve pain and bring happiness to patients and bring patients and doctors closer together."

Jewish Times Asia - (Issue Sep 2016)

said Dan Ben-Canaan, director of the Sino-Israel Research and Study Center at Heilongjiang University in Harbin. "Fifteen years ago, there was zero interest and zero acknowledgment of the community."

The government now maintains a once neglected Jewish cemetery where Joseph Olmert, a grandfather of the former Israeli prime minister Ehud Olmert, is buried. The city has also invested millions of dollars in restoring Jewish-built structures, including the Old Synagogue, which provided a cool respite from one sticky evening this summer when a local string quartet performed Brahms, Scott Joplin and the Chinese folk song "Jasmine Flower."

Soon after its establishment in 1898, Harbin grew into a thriving administrative hub for the China Eastern Railway, built to connect Moscow to Vladivostok.

During the 1920s, the city was home to as many as 20,000 Jews. Some were refugees who wanted to escape czarist pogroms in Russia and, later, the Bolshevik Revolution and World War I. But unlike the Jews in Shanghai and other China cities with large Jewish communities, many in Harbin were also merchants and entrepreneurs who had come from Russia and Europe seeking economic opportunities.

"In a sense, the Harbin Jews were more wealthy and aristocratic than the other Jews in China," Mr. Ben-Canaan said. "They built a much richer and stronger foundation for culture."

The city soon became a gateway for Western classical music in China. In addition to the country's first symphony orchestra — founded in 1908 — Harbin had as many

A concert at the Old Synagogue, which is now a concert hall. Harbin has invested millions of dollars in restoring Jewish structures. Credit Gilles Sabrie for The New York Times

as 30 music schools where a number of prominent international musicians trained, including the German violinist Helmut Stern. There were jazz orchestras, ballet performances, drama groups, theater companies and even a Yiddish theater.

"The Jewish community made huge contributions to the establishment of Harbin's musical tradition," said Miao Di, director of the Harbin Museum of Music. "So many of China's top classical musicians in the early 20th century trained in Harbin or studied under teachers trained in Harbin."

After the Japanese invasion of Manchuria in the 1930s, however, the city's Jewish population began to decline as Jews fled.

Credit Gilles Sabrie for The New York Times

By the mid-1950s, after World War II and the victory of the Chinese Communist Party, only a few hundred Jews remained. Yet even after the departure of most of the city's foreigners,

Harbin continued to devote resources to classical music. It established the summer music festival in 1958.

In 2010, the United Nations recognized Harbin as a Music City. Today it is still common to see local musicians and bands serenading crowds on the popular Zhongyang Pedestrian Street in the summer.

"There's a different attitude toward the high arts in Harbin," said Jindong Cai,

a Stanford professor and frequent guest conductor with Chinese orchestras. "Every city in China is trying to find its niche, and it's clear that Harbin discovered theirs early." Still, there is a long road ahead before Harbin can be considered a world-class musical city.

Major issues need to be addressed, such as how to create consistent quality programming for the new concert hall and grand theater, and how to recruit world-class faculty and students for a new conservatory that is competing with other, more established ones.

It does not help that the pool of talented musicians in China is shrinking as more and more musicians choose to study and play abroad.

"Look at the American orchestras;

Zubin Mehta, conducting the Harbin Symphony Orchestra.

In China, Rejuvenating a Classical Music Heritage Linked to a Jewish Community

By AMY QIN

HARBIN, China - In winter, tourists flock to Harbin, in northeastern China, for its world-renowned ice sculpture festival. But with summer in full bloom, this city is working overtime on behalf of a less publicized part of its heritage: classical music.

The arts - and especially classical music - flourished here throughout the early 20th century. Nicknamed the St. Petersburg of the East, Harbin was home to a thriving Jewish community that helped build a rich cultural scene, including China's first symphony orchestra, made up of mostly Russian musicians.

"Harbin is a modern city that has a deep tradition of music," Liu Shifa, the city's deputy mayor, said recently in an interview. "We want to rejuvenate this tradition so we can bring it to the next level."

On Saturday, the annual Harbin Summer Music Festival began its 33rd edition, which will continue until Aug. 20. This summer the city has also hosted the third Alice & Eleonore Schoenfeld International String Competition and two concerts conducted by Zubin Mehta, featuring the Harbin Symphony Orchestra and 15 members of the Israel Philharmonic Orchestra. The festival lineup includes the a cappella group Ball in the House from Boston, the Kodaly Quartet from Hungary and the Yinhe Siquin

Dancers in front of the Harbin Opera House, which was unveiled last year

Credit Gilles Sabrie for The New York Times

Mongolia Original Music Band. With President Xi Jinping having called for a "cultural renaissance," Harbin, like a number of other second- and third-tier cities around China, has poured hundreds of millions of dollars in recent years into cultural infrastructure projects. In the past two years alone it has

The Harbin Opera House, which is 850,000 square feet. Over the past two years Harbin has focused on developing its cultural infrastructure.

Credit Gilles Sabrie for The New York Times

unveiled a gleaming concert hall, an 850,000-square-foot opera house and a \$116 million conservatory built in a neo-Classical style. Giant sculptures of Chinese classical instruments and statues of famous Western composers dot the 121-acre Harbin Music Park, which opened in 2012.

Crucially, reviving Harbin's musical tradition has also meant strengthening its ties to the city's Jewish past. That is one facet of a

larger effort to promote tourism and strengthen economic bonds with countries like Israel.

City officials have a "vision of building a cultural bridge with Israel," said Mr. Mehta, the longtime music director of the Israel Philharmonic.

"So I came as a catalyst between the two sides."

In the packed audience during one of the conductor's concerts was Mr. Liu, the deputy mayor, along with a delegation of local government officials.

"Interest in the Harbin Jewish community has gone up tremendously,"

Chinese army

Our guide, Lu Jianying, said she would ask some of the old-timers at her China International Travel Service office and maybe that would ring a bell. The next morning we were greeted by a wide-smiling Lu. Yes, she said, there was a Japanese barracks across from a foreign school, but the barracks were now the headquarters of the Chinese army in Shanghai.

In no time we drove down North Szechuan Road, made a left turn, and there was the school. The Chinese had the good sense to keep it as a school. From the outside it had not changed a bit, except the special side entrance for teachers was walled up – too much class distinction. A modern annex was built to the side with a connecting second-storey bridge.

We resumed our nostalgic trip from the school to find the home where I was born and my Dad's first store. Down we went along Szechuan Road, turned on Range Road to Haskell Road, in the old days a quiet residential neighborhood. Where my home stood was a six-storey building and across the street was a slum of shanties. All the old homes were gone, as was the original Thomas Hanbury School. The wall separating Haskell Road from the Chinese Chapel district was no longer there.

During the 1927 Communist uprising, Japanese troops put up a barbed-wire barricade at a crossing point in the wall and a sandbagged machine-gun nest in front of our house.

Upper two floors

The first night we were startled to hear shots fired. Did the Chinese Communists break through? It was just the Japanese shooting out the bulb in the nearby street light which was exposing their position.

A few blocks south on Szechuan Road we found my Dad's dry-goods store, little changed from before. We had lived in the upper two floors. On the roof garden we raised homing pigeons, but in 1932 the Japanese shot them all, fearing they might be Chinese carrier pigeons.

The war killed most foreign businesses in that area and my Dad moved the store to Avenue Joffre in the French Concession. Across town we went. There, at 893 Avenue Joffre, was what had been my Dad's store, now state-owned Shanghai Department Store No. 2. It had been enlarged to take in shops for half a block. At the corner had been Tchakalian French Bakery, owned by an Armenian family who made some of the city's best French pastries and bread. It is still a pastry shop, catering to the traditional sweet tooth of Shanghainese, but it is run now by the state.

The Cathay Theatre, across the street, is still the Cathay Theatre, but understandably showing its years. A few hundred metres away, on Rue Cardinal Mercier, was once the Cercle Sportif Fran aise with its fine dining room, swimming pool, bowling alleys, billiard room, and tennis courts. In the summers, a strip of the club's property facing Avenue Joffre was converted to an outdoor movie, opened to the public, with seating in lawn chairs. Today the French club is the Jinjiang Club.

Across the street was the Lyceum Theatre, stage for Shanghai's dramatic plays, visiting companies, and a Russian light opera company. Today it is the Shanghai Art Theatre. Nearby, foreign investors put up the 14-storey Cathay Mansions in 1929 and the 18-storey Grosvenor House in 1935 as luxury apartment buildings. The Chinese converted them into the Jinjiang Hotel, the largest of the city hotels

with additional wings and tourist stores.

Churches, surprisingly, have survived under the Communists in Shanghai. The American Community Church on Avenue Petain has reopened, and masses have resumed in two Roman Catholic churches, including the Cathedral of St. Ignatius which has been restored.

Friendly people

Shanghai is a far different city from what it was in my day. The people are friendly to foreigners, even if curious. When I was growing up, I had been afraid to venture into Chapei or Nantao, the Chinese sections, because of the strong anti-foreign feelings. Thus I missed the pleasure of seeing until now the beautiful Yu Yuan Garden, with its outstanding pavilions, rockeries, fish ponds and carvings. Door sills to the pavilions, I am told, are made especially high to trip and keep out evil spirits. Bridges over ponds are built zig-zag also to thwart evil spirits which are only able to travel in a straight line and thus would fall into the water and drown. But on an esthetic basis, the zig-zag bridges also slow the pace of the visitor and provide him with different views of the garden's beauty.

Guarding Yu Yuan Garden are ferocious-looking stone dragons with four-taloned feet instead of five. Tradition says the Pan family of mandarins, which built the garden in the 16th century, left out the fifth talon so as not to incur the wrath of the emperor, who insisted he had a monopoly on dragons with five talons.

My trip to Shanghai was a life-time dream realized. But for me, there is one more "gone". The friends I knew – all are gone. Shanghai has changed, but the roots are still there.

Back across the bridge was the Public Gardens, public to all except the Chinese. It was designed in typically British style by a Scottish landscaper brought out especially for the job. Today the Chinese have placed a beautiful strip of greenery with extensive tree plantings to provide shade for strollers.

My wife and I were stopped while strolling on the Bund by a young Chinese who worked in a radio factory. He welcomed us to China with a good mastery of English. He asked us where we were from and was surprised when I told him I was born in Shanghai. He said he was studying the words and music for *America the Beautiful*, a song he much admired. He pressed us on cards containing illustrated recipes of Chinese dishes. As we were chatting, a large crowd gathered around us. My wife was busy giving out balloons to the children and presenting them with their photos taken with a Polaroid camera. When the crowd clamored too enthusiastically to have their pictures taken too, we left.

We were stopped again by Chinese speaking excellent English while we were trying to find the old Shanghai city hall. I asked him if he studied English at school.

"Oh no," he said. "I studied English secretly at home during the Cultural Revolution. If found out, I could have been arrested and executed by the Red Guards as a spy".

The Chinese we met all spoke English. They wanted to practice their English and did not give me a chance to brush up on my Chinese, long faded from lack of use.

Nanking Road, which begins on the east, on the Bund, is as crammed with stores and humanity as in the old days. It is a Chinese shopper's paradise. Thousands of Chinese

from the provinces come here to stock up on clothing and other supplies before heading back to the countryside.

No foreign stores

Here can still be found China's largest department stores, Sincere's, Wing On's, the Sun, and Sun Sun, all now government-owned. Through their doors, 80,000 shoppers pass daily.

But gone are the foreign stores such as Whiteaway and Laidlaw, the Chocolate Shop, where ice-cream sodas and malts were a speciality; and Kelly & Walsh, the bookseller and publisher whose old map I used to find my way in Shanghai. When Chinese stores held their frequent sales, they would break out strings of colored lights, flags and brass bands to attract customers.

Traffic in Shanghai is a conglomerate of cars, trucks, bicycles and pedestrians spilling off sidewalks or crossing streets willy-nilly. Ninety-nine percent of the cars and trucks are made in Japan. The Japanese may have been defeated in 1945, but they have won the economic war in China in the 1980s.

There are 200 million bicycles in China, and half of them must be in Shanghai and Peking. Thirty percent of all traffic accidents in China involve bicycles.

You do not see too many policemen. Instead, retired workers earn extra income by doing traffic duty armed with only a red flag and a whistle. They have no power of arrest, but can issue fines. In old Shanghai traffic was handled mostly by turbaned Sikh police officers in the International Settlement and Annamites from Indochina in the French Concession.

Nanking Road in the old days ended at the Race Course, a gigantic sports area containing not only a horse-racing oval where

gentlemen jockeys spurred on Chinese ponies, but also a baseball diamond, cricket and soccer fields, tennis courts and lawn bowling greens and their attendant clubhouses.

But the Race Course is gone. In its place are the People's Park and the People's Square. All that remains of the giant grandstand is the south section reserved for Communist dignitaries to address rallies or review parades in the square.

An old custom persists, however. Chinese still hang cages containing their prized songbirds on the short iron fence along the grandstand. In the old days, the delightful singing birds would be strung along the entire Tibet Road side of the Race Course fence during the day. At night a different kind of bird emerged to traipse the street – prostitutes with their amahs, who would do all the bargaining. Songs in the morning and sex at night. But the prostitutes are gone, all retrained for more Communist approved pursuits.

Another favorite haunt of the ladies of the night was the Great World amusement centre at the south end of Tibet Road and Avenue Edward VII, the street dividing the International Settlement from the French Concession. The Great World catered to fun, food and flesh. Today it has been turned into the Shanghai Youth Palace, containing lecture and exhibition halls, movie theatres, a skating rink, tearooms and a ballroom where mass weddings are held.

The search for my school, the Shanghai Public and Thomas Hanbury School, and the northern end of town proved to be a little difficult. Despite my directions, our guide and driver ended up in Hongkew Park, north of the school. A wrong turn brought us to the Foreign Language Institute. Finally, I told the guide that across from my school used to be the Japanese naval barracks.

Remembering Shanghai

By Larry Fein

A foreigner born in the 'Paris of the Orient' returns to his home town a stranger.

SHANGHAI

The trip to Shanghai was a journey to recall with nostalgia the city of my birth; the place where I grew up until my departure for the United States in 1937 when I was 19.

It was not going to be the normal tourist's venture, but a search for my roots; the homes we lived in; the stores owned by my father, a Russian emigrant who came to China in 1914; and my school.

But I found I was a stranger in my own home town. For me, Shanghai is a city of "gones".

Gone is its reputation as the "Paris of the Orient".

Gone are the foreigners who brought their skills and capitalistic vitality (and their corruption) to a strange land.

Gone are the bright lights of night life.

Shanghai has reverted to being a completely Chinese city, still a bustling, busy crowded metropolis with only the Bund – the riverfront boulevard – showing the vestiges of an alien imprint.

The Bund, along the Whangpoo River, is a startling sight with its imposing Western buildings that once represented the city's great commercial houses, banks and hotels.

Standing out among the buildings is the Peace Hotel, formerly the Cathay Hotel, for many years in prewar days Shanghai's finest hotel with its elegant stores, great dining rooms and ballrooms.

Now the Peace Hotel has been undergoing a much needed facelift. Inside, it had become a dingy ghost of its former graceful

self, its shops a far cry from the elegant stores of a bygone era.

Across from the Peace is the venerable Palace Hotel, build in 1906 and now an annex of the Peace. The Palace was a favorite of society for dining and tea dances, a delightful custom where romances could begin and flourish.

Next to the Peace is the imposing Bank of China, once run and manipulated by Mme. Chiang Kai-shek's brother, T.V. Soong, and her brother-in-law, H.H. Kung, who claimed to be a direct descendant of Confucius (Kung Fu-shih).

When the Communists took over in 1949, the bank moved to Hong Kong, but within years joined the Communist fold, much to the dismay of the Nationalists in Taiwan.

Buildings to the south of the Palace Hotel once housed the North China Daily News – one of the oldest British newspapers in China, the Yokohama Specie Bank, the Customs House with its clock tower, and the Shanghai Bank – its famous bronze lions missing today, probably taken by the Japanese occupiers during a wartime scrap drive.

The bank, representative of British economic interests throughout Asia, was taken over after the revolution by Shanghai's Municipal People's Government as its city hall.

No description of the Bund would be complete without mention of the Shanghai Club, now a hotel, which once was the bastion of the British taipan, or merchant, who could relax and dine as well as in any London club and hoist a few

at a bar reputed to be the longest in the world.

At the north end of the Bund stood the British Consulate with its immaculate lawn, now a Friendship store catering to foreign tourists, and the Seaman's Club for crews of the many foreign ships calling at Shanghai. Nearby is the Garden Bridge spanning the Soochow Creek, a tributary of the Whangpoo. The steel bridge, build in 1906 to replace a privately owned wooden toll bridge, connects the Bund to the Yangtzepoo district, once reserved as an American settlement in the late 1800s by the British but rejected by Washington.

Major thoroughfares

The names of many streets in the district had an American flavor. One of the main thoroughfares was called Broadway and standing just north of Garden Bridge was Broadway Mansions, converted to a hotel today and renamed Shanghai Mansions. Of course, all streets have Chinese names today. Across from Broadway Mansions was the old Astor House hotel, facing the czarist –built Russian consulate, the old U.S. consulate and the Japanese consulate.

In prewar days the Japanese cruiser, Idzumo, would be moored next to the consulate and was a frequent target of Chinese attempts to blow it up. When the Chinese Communist party broke away from the Nationalists (Kuomintang) in 1927, the Russian consulate then under the Soviets, was forced to close, its windows smashed by stones thrown by angry Chinese.

of the community to material motives neglects the most significant aspect of their self-identification as Jews: their collective historical memory and the Chinese notion of loyalty to one's ancestors. These have been the internal motivators of Sino-Judaic identity. The material benefits are tangential.

Some Jewish descendants in Kaifeng are trying to find ways to be authentically Jewish while also proudly Chinese. How has that dialogue between Jewish and Chinese identities evolved in Kaifeng?

That dialogue began with the arrival of the first Jewish settlers to Kaifeng in the 10th century and has continued until today. The stelae that were kept in the courtyard of the synagogue frequently referred to the commonalities between the values, morals and ideas of Judaism and Confucianism and Taoism. Nearly all of the Kaifeng Jews I have spoken with expressed great respect for the Chinese classics. Most acknowledged an underlying affinity between Jewish and Chinese thought. A few said that while the Chinese traditions lacked the firm concept of a supreme deity, the value systems had striking similarities.

On a practical level, the community is realistic about the limitations

to Jewish observance in Kaifeng. Working on the Shabbat, the Jewish Sabbath is a necessity, and there is no infrastructure to support a fully Jewish lifestyle. But within these limitations they have made remarkable progress in cultivating aspects of their Jewish identity. I think that their expectations are modest. For example, while they would prefer to have a real synagogue, they are pragmatic enough to be satisfied with what they have achieved up until now: communal gatherings for Shabbat and holiday evenings, Hebrew-language skills for some, the shared liturgical rituals and the learning of Torah and Jewish traditions.

The Kaifeng community is under official pressure, with bans on group worship and the signs of their historical presence being removed. How will the Jewish community there come through all this?

The recent official pressure has pushed Kaifeng Jewish culture back in time. They are no longer allowed contact with foreigners, as was the case before the "reform and opening up" that began in 1978. As well, they are no longer allowed gatherings in communal venues but instead conduct Friday night services in their homes, like they did in the 1990s.

Although this appears to be a setback, my view is that the current situation could benefit the community in the long run. The support of the foreign NGOs in Kaifeng has always been a double-edged sword. It enabled the community to better develop practical tools to revive their heritage, but it has often been a cause of governmental concern, the likes of which we are witnessing today.

With the tools they have been given, they are now more capable than before of sustaining a kind of grass-roots Sino-Judaic identity. Their Hebrew-language skills, performance of the Shabbat Evening liturgy, celebration of the festivals, Torah study and the aliyah of many of their family members and friends, all ensure that they have the means to move forward independently in spite of official pressures. The historical Kaifeng Jews displayed ingenuity, resourcefulness and resilience in maintaining their heritage and the contemporary community has the same traits to persevere.

This article is based on a personal interview with

Moshe Yehuda Bernstein.

Chris Buckley - Twitter@ChuBailiang

Sept. 25, 2016

BIRTHDAY GREETINGS

To our beloved husband, father, grandfather and brother

Seva (Avi) Podolsky

on reaching his 80th Birthday

Wishing him continued good health, happiness and a long life

With all our love

Natasha,

Sasha, Galia and Ori,

Dana, Roy, Guy and Tal,

Esther and Zvi

Jewish and Chinese: Explaining a Shared Identity

By CHRIS BUCKLEY

The ancient Jewish community of Kaifeng, in central China, was experiencing a cultural and religious revival until a recent government clampdown, which has brought a ban on collective worship and forced out foreign Jewish groups. Moshe Yehuda Bernstein is a researcher based in Perth, Western Australia, who has studied this revival and written a coming book, "Globalization, Translation and Transmission: Sino-Judaic Cultural Identity in Kaifeng, China." In an interview, Mr. Bernstein explained the background to the recent revival and official restrictions.

When I told people I was working on a story about the Jews of Kaifeng, some asked whether they're really Jews. I'm sure you've been asked the same. How did you become interested in them, and how do you answer that question? Fifteen years ago, when I was director of Jewish studies at Carmel School in Perth, I was invited to lecture on Jewish topics at Nanjing University, where one of the first Jewish studies departments in China had been launched a few years earlier. At the final lecture, Xu Xin, the professor who hosted me, gave me his book "The Legends of the Chinese Jews of Kaifeng." Until then, I had never heard of the presence of Jews in Kaifeng or their synagogue that endured for seven centuries. This sparked an interest in learning more about this community. As well, the enthusiasm of Chinese students towards Jews and Judaism made me want to learn more about Chinese culture.

In 2009, I made my first visit to

Kaifeng to research how Jewish culture survived for almost a millennium in spite of assimilation and language shifts. I was amazed to see this small group of Chinese people learning Hebrew, studying the Torah, celebrating the Shabbat and yearning to return to the land of Israel. As their ancestors had intermarried and practiced patrilineal descent, the Jewish descendants of Kaifeng understand full well that they are not considered Jewish according to Jewish law, where identity is determined by the mother. Their Jewish self-identification, however, is linked to their Chinese identity in which Confucian tradition honors ancestors. Emulating the customs and heritage of their forebears is the Chinese way of paying them respect.

One of the frustrations I have had when lecturing about Kaifeng's Jews is that this concept is very difficult for Westerners to understand. Occasionally, at the end of my talks, a member of the audience will approach me with the question: "But they're not really Jewish, are they?"

It's striking to see people in a dusty little city in central China embracing a Jewish identity, through religious observance or cultural pride. How did the idea of a Jewish heritage survive in Kaifeng over all these tumultuous centuries?

The Jewish experience in Kaifeng was vastly different to that of the Jews in Europe. The Kaifeng Jews faced no discrimination and enjoyed economic, social and cultural integration. While Jewish culture in the West flourished due to

the relative isolation of European Jews from the dominant Christian culture, Kaifeng Jewish culture was able to perpetuate itself through the values it shared with the Chinese. Filial piety, respect for elders, respect for scholarship and respect for traditional authority were ideals that enabled the Chinese Jews to view their heritage as harmonious with the dominant culture in China. Although it seems counterintuitive, the survival of their Jewish heritage resulted from their identification with Chinese culture. Before my first visit to Kaifeng, I met in Beijing with Avrum Ehrlich, then professor of Jewish studies at Shandong University. His parting words to me were: "Remember that they are Jewish, because they are Confucian!"

Some skeptics say that the revival of Jewish religion and identity in Kaifeng has a material motive — that people have claimed the identity so that they or their children can migrate, or to win aid from outsiders. What do you think has nurtured this revival?

There is no denying that material motives have played a part in stimulating this revival. Organizations like Shavei Israel and the Sino-Judaic Institute have provided support for the venues of their communal gatherings. A few descendants have received scholarships and grants from these organizations. In addition, Shavei has facilitated aliyah — migration to Israel — for at least 17 of the younger members of the community, who have undergone formal conversion into Judaism and received Israeli citizenship. However, reducing the motivations

ROMAN RAVVE
August 30, 201
roman.ravve@gmail.com

I am interested in contacting Vitalya (Tata) Bursuk; born in the early 1930's, and graduated from the First Harbin Music School in the class for piano. I would appreciate any information on Tata's whereabouts. Please contact me at: roman.ravve@gmail.com , or by mail to: 28000, Ukraine, Kirovograd Region, Oleksandriya. ul. Pershotravneva 51, kv.11, PABBE POMAHY.

Galina Pilnik
Tel: 050-7898588
E-mail:galinababurin@yahoo.com

I am searching for family members of my grandfather, Rogovin Michael Lvovich, born in St. Petersburg in 1908. He lived in Harbin until 1935 with his family. After leaving Harbin he was executed by the Russian government. His family stayed in Shanghai. His parents Rogovin Lev Meirovich and Rogovina Haya Yugolevna (in the photograph, seating in the front row in the left), and his brother and sisters Lala (full name unknown), Vera and Bella (in the photograph, in the second row from left to right). Bella married and changed her last name to Shlau/ She had 3 children: Jen, Alon and Merry. The last letter from the family came from Shanghai between the years 1948-50, and according to rumors Lala and Vera immigrated to Australia.

Israeli-Chinese University R&D Centers Blossom in China

By David Shamah

For the second time in a week, an Israeli university has announced a major new project with a Chinese institution of higher learning.

On Tuesday, the University of Haifa said it would establish a joint laboratory building on the campus of East China Normal University (ECNU), the largest university in Shanghai. The lab will specialize in research in ecology, big data, biomedicine, and neurobiology. The building will be funded entirely by the Chinese government, the University of Haifa said.

The deal was similar to one announced last week by Ben-Gurion University of the Negev, which said it was establishing a joint center for entrepreneurship and innovation with Jilin University (JLU), the biggest university in China...

Neither can take credit for being the first Israeli institution to open an R&D

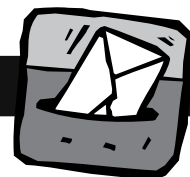
center in China. In December, the Technion laid the cornerstone for its new research center in the southern Chinese city of Shantou. The Guangdong Technion Israel Institute of Technology (GTIIT) will be located on a 330,000 square meter campus and is to be paid for by the richest man in China, Li Ka Shing, who donated \$130 million for the project. And in 2014, Tel Aviv University said that it would establish the XIN Research Center with Beijing's Tsinghua University, to research early stage and mature technologies in biotech, solar energy, water, and environmental technologies.

Over the past five years or so, business relations between Israel and China have blossomed. "The Chinese – investors and governments alike – are realizing that a tech economy, like the one Israel has, is their best growth option, and in the coming years, this

is going to be good news for both Israelis and Chinese," according to Andrew Zhang, a consultant who has engineered numerous deals between some of China's biggest banks and tech firms and Israeli start-ups.

Chinese leaders realize that "the era of rapid growth based on industrial production and government infrastructure spending has come to an end, and right now there is nothing to replace it. The only viable replacement for these growth vehicles is high-tech, and that is one reason China is very interested in Israel," said Zhang. He added that officials there have figured out that it's more efficient to bring Israeli R&D to China than to schlep out to Israel – hence the spate of university-level research centers announced in recent months...

Points East - Excerpted from the Shavei Israel website – April 2016

David Nahum
May 10, 2016
C.I. Systems -Service Department
Cellphone: +972546980895
Tel: +97246448804
Fax: +97246543570
E-mail: davidn@ci-systems.com

Further to our telephone conversation, I was asked to send this email. I am a non-relative representative of a bereaved family. Captain Shmaryahu Zivin, an IDF fallen soldier, was the son of the Betty-Sara and Nissim, former residents of Shanghai, who have long since passed away.

Nevertheless, I continue the tradition of observing the memorial ceremonies for Shmaryahu.

To the best of my knowledge, his mother, Betty, is known to the Igud Yotzei Sin and had even received welfare payments from you.

I recently discovered that Shmaryahu had a sister called Anya who was married in the United States during the 1950s. I attach a photo of her wedding.

Perhaps you can find some information in your archives about her which will enable me to contact one of her descendants.

I will be grateful for any assistance you can provide.

Another matter I wish to verify is that for the past two years I have been trying to obtain assistance from the Ministry of Defense which is given annually to the bereaved families to hold a commemoration for the fallen, but they have repeatedly denied my request since I am not a blood relation of Shmaryahu.

Sad to say, in this case a little more humanity should have been shown rather than to adhere to official practice, since Shmaryahu had sacrificed his life for the State of Israel and its soldiers.

I therefore ask whether your organization can assist me in this.

I would be grateful for a response concerning the above.

Asi Niselson
May 03, 2016
E-mail: asi.look@gmail.com

My name is Asi Niselson and I am trying to locate relatives who resided in China. I know that before the Second World War they lived in Shanghai.

The head of the family, Aharon Segal, was born in Latvia in 1904. He was the first cousin of my grandmother. Aharon left Latvia for Russia and from there he went to China. I do not know all the details. He married Rivka, born in 1907, and until the Second World War they kept contact with the family in Latvia. Aharon and Rivka Segal had two sons who were born before 1940: Halavin Zvi Segal in 1934 and Yitzhak Segal in 1937 or 1938. Do you have any details about the Segal family.

I attach a photo of Aharon and Rivka Segal.

Looking forward to hearing from you.

ISRAELI-DESIGNED GLASS BRIDGE THE WORLD'S LONGEST AND HIGHEST - OPENS IN CHINA

China has officially opened the world's longest and highest glass bridge, which was designed by Israeli architect Haim Dotan.

The structure was officially unveiled to the public in a grand opening ceremony on 20 August. The bridge crosses two peaks in the mountains of Zhangjiajie, the same ranges that inspired the US blockbuster film Avatar. The area is located in Zhangjiajie Park in Hunan province, southern China.

The breathtaking suspended bridge, made up of around 99 panels of clear glass, is not for the faint-hearted – it is 6 meters wide and 430 metres long, and hangs 300 metres high above a ravine. The spectacular views include a sheer drop underfoot.

Authorities plan to hold fashion shows on the stunning crossing, and have built a platform for bungee jumpers. The Grand Canyon of

Zhangjiajie skywalk now offers the world's highest bungee jump, stealing the title from Macau Tower's 233-metre-high attraction.

Around 8,000 people are allowed to visit each day. They must book their tickets a day in advance, at a cost of 138 yuan.

Following an alarming incident in which a glass bridge at Yuntai mountain in northern Henan province cracked in 2015, the authorities in Zhangjiajie were eager to demonstrate the safety of the structure. Several media events were held, including one where people were encouraged to try and smash the bridge's glass panels with a sledge hammer, and another where they drove a car across it to prove that it was safe.

Wang Min, who was visiting the new structure with her husband and children, said: "I wanted to feel awe-inspired by this bridge. But I

am not afraid – it seems safe!"

Renowned architect and pioneer Haim Dotan was also behind the Israel Pavilion at Expo 2010 Shanghai. His firm focuses on innovative, cutting-edge architecture and urban design. In 2007, Dotan was nominated for the Israel Prize in Architecture, and in 2006 he was the recipient of the Israeli Building Construction Center Award for "New Architectural Language in Israel through 17 years of Development and Improvement of New Building Technologies".

Unfortunately as we were going to press, authorities in China temporarily closed the bridge, citing maintenance concerns. Apparently the capacity of 8,000 daily visitors was ignored, and too many visitors were allowed onto the structure.

Jewish Times Asia - (Issue Sep 2016)

or 'clannish' behavior and initiated massive Ashkenazic absorption, in particular during the Holocaust. The efforts of the affluent and wealthy Iraqi merchants like Victor Sassoon, the Kadoories, Ellis Hayim, the Abrahams, the Ezras, and Benjamins were invaluable in providing the basic needs for the refugees to subsist on. It was not only the rich, but much of the Iraqi community that organized assistance for more than 20,000 refugees in the way of housing, clothing, food, education and other needs. Like the Toegs, many Iraqi families housed the refugees

and worried over their needs. Because Victor Sassoon and Ellis Hayim thought the plan of Jacob Berglas, a refugee banker of German and Polish extraction, to settle 100,000 Jews in Yunnan Province in southwest China was ridiculous, the Joint Distribution Committee did not pursue it further. However the two Iraqi Jews were extremely committed to rescue work.

It was a miracle that the recipients of the Sugihara Japanese visas from Lithuania and others from Germany, Vienna and Russia could even reach Shanghai. It was miraculous that the

Germans did not compel the Japanese to carry out fully the Final Solution against the Jews in their domain. It was similarly miraculous that a small community of several hundred Iraqi Jews could sustain more than 20,000 destitute Ashkenazic refugees, who left everything in Europe and were not able to readjust financially or culturally in this new foreign Chinese environment. Despite their wealth, the scope of their mission was beyond realistic means, but the Iraqi Jews truly gave of themselves to absorb the masses of immigrants whenever possible.

The First Ever Chinese-Yiddish Song

by Talya Zax (Forward Culture Intern)

44

I
q
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

While writing her Ph.D. dissertation on Jewish Exile in Shanghai resulting from the Shoah, Yang Meng decided she needed to learn both Yiddish and Hebrew for the sake of her research. A Chinese national already fluent in English and German, once she took on the new languages she found herself fascinated by Yiddish, which she wrote to the Forward "is an indispensable key to understand[ing] Jewish culture."

As part of her studies she participated in the 2015 Naomi Prawer Kadar International Yiddish Summer Program at Tel Aviv University. For that program's closing ceremony she performed a song that was entirely unique: a Yiddish rewriting of a classic Chinese song, which she had translated into Yiddish with the assistance of Yuri Vedenyapin, a Yiddish language instructor based at Harvard.

The lyrics of the Chinese song, Liang Hongzi's 1983 "Wishing We Last Forever," is a musical setting of a poem by Su Shi, famed Chinese poet and essayist, written in

1076. "This song 'Chinese Moon Over Tel Aviv' is the first Chinese-Yiddish song in human history," Meng wrote. "I am very attracted to the mamaloshen" - Yiddish for 'the mother tongue' - "and I hope I can bring Yiddish language and culture to my beloved China."

In an English translation by Xu Yuan-chong, Shi's poem reads:

"How long will the full moon appear?

Wine cup in hand, I ask the sky.

I do not know what time of the year

'Twould be tonight in the palace on high.

Riding the wind, there I would fly,

Yet I'm afraid the crystal-line palace would be Too high and cold for me.

I rise and dance, with my shadow I play.

On high as on earth, would it be as gay?

The moon goes round the mansions red

Through gauze-draped window soft to shed her light upon the sleepless bed.

Why then when people part, is the oft full and bright?

Men have sorrow and joy; they part or meet again; The moon is bright or dim and she may wax or wane.

There has been nothing perfect since the olden days.

So let us wish that man Will live long as he can!

Though miles apart, we'll share the beauty she displays."

Having returned to China from the Yiddish Summer Program, Meng remains active in promoting both Holocaust education and Yiddish and Jewish culture in her home country. She thinks she's there at the right moment"

"Nowadays," she wrote, "more and more Chinese are curious about Jewish history and culture."

And as to her songwriting? "This is the first Chinese-Yiddish song in human history," she wrote, "and will certainly not be the only one."

Oct 2015

Assistance Given by the Established Iraqi Jewish Community to the Jewish Refugees in Shanghai, 1937-1945

Yitzchak Keren

The Iraqi community, established in Shanghai since the 1840s with its wealthy benefactors, was very generous in giving financial and material assistance to the refugees fleeing Nazi persecution in Germany, Austria, Lithuania and Russia. After the Japanese attacked and controlled Shanghai in 1937, not only did the Iraqi Jews recuperate from the damage done by the invading Japanese to their property and businesses, but they began to take active roles in the absorption of the thousands of Ashkenazic refugees. In 1937, when the Japanese bombed the city and many Russian-Jewish homes were destroyed in the battles between the Chinese and the Japanese, both the local veteran Jewish Iraqi and Russian-Jewish community responded instantly and generously for relief efforts on behalf of the new immigrants. Both groups appealed unsuccessfully for assistance from United States Jewry.

The wealthy property owner of the Cathay Hotel, Victor Sassoon, contributed an initial (Sh) \$150,000 (US \$24,000) at the end of the 1930s, as well as 25 bales of cotton and artificial silk goods to the local relief committee for the benefit of the newly arriving refugees. Even the Jewish Rescue Relief Association of Calcutta donated a third of its 10,000 rupee proceeds from an October 1939 cinema show fund-raising event for the benefit of the Shanghai Jewish refugees. At Victor Sassoon's Embankment Building, two floors were given to absorb the new refugees. Not only were offices set up there in the reception center, but refugees spent their first days and weeks residing there. It functioned for about a year as the central wel-

coming station for the Ashkenazic refugees, supplying good temporary quarters including a pool for several hundred people, despite the lack of proper sanitation facilities. In 1938, with the advent of the Anschluss and the arrival of Austrian and other Jews, more than 1,500 refugees, and the Sephardic Beth Aharon Synagogue was used as a reception center, refugee kitchen, and mattresses were put on the floor and benches, and even in the sanctuary. A public kitchen was organized by the Abraham and Toeg families to serve food to about 600 refugees a day. This served as the main kitchen until it was replaced by the Ward Road Heim Kitchen at the beginning of 1939. As the number of arrivals increased daily, even this proved insufficient.

Realizing that the mission was too large for the local Jewish community, and the previously founded German-Jewish relief organization, the Hilfsfond, formed in 1934, or the International Committee for Granting Relief to European Refugees (known as IC) established by Jewish and non-Jewish Hungarians, Czechs, Austrians, British and Dutch, and headed by Paul Komor, the Kadoorie family arranged for the formation of the CFA (Committee for the Assistance of European Jewish Refugees in Shanghai), which had its opening meeting at the offices of Sir Eli Kadoorie & Sons on October 19, 1938. This was one of the few successful attempts to bring together representatives of all of the local Jewish organizations and relief institutions – Iraqi, Russian and German. Representing the Iraqi community were Reverend Mendel Brown, D.E.J. Abraham and his son Reuben D. Abraham. Initially Michel Speelman was chairman and

Ellis Hayim was Vice-Chairman. The Educational and Cultural Committee was led by Horace Kadoorie and Reverend Mendel Brown, and was responsible for enabling the education of refugee children and adults.

The Rehabilitation Fund, overseen by the IC, in an attempt to encourage self-sufficiency and financial independence for the refugees, had collected only (Sh) \$17,000 (ca. US \$2,500) in the initial months, but Sir Victor Sassoon provided 5,000 English pounds (US \$25,000) via the Council for German Jews in London, which enabled the organization to provide rehabilitation for the refugees.

The Beth Aharon Synagogue on Museum Road (now Hu Qiu Road) established by Silas A. Hardoon in 1927, housed the Mir Yeshiva in 1941. Refugee children were invited to the immense Marble Hall of the Kadoorie family mansion in the summer for recreation. Horace Kadoorie organized a 'Summer Club' there to enable refugee children to escape the burning heat and humidity of the city. The Israel's Messenger, the important newspaper edited by N.E.B. Ezra from 1904-1936 until his death in 1937, was a source of employment for refugee journalists until its closure in 1941.

As the established Jewish community, the veteran Iraqi community showed great concern for the welfare of the refugees. It is not known who laid the groundwork for the entrance of the refugees to Shanghai, but the Iraqi Jews were certainly involved if any local Jewish individuals or groups were involved. It was extremely unusual that a Sephardic or Oriental Jewish community bridge tight parochial parameters

Bar-Ilan University and Chinese Embassy mark 25 years of Israeli-Sino ties

Sir Elly Kadoorie (1867-1944), one of the influential leaders of the Sephardi Jewish community in Shanghai and president of the Shanghai Zionist Association, 1915-1928. He is shown with his two sons Lawrence and Horace.

Bar-Ilan University and the Chinese Embassy are set to open an exhibition about the Jews of China on Tuesday, in celebration of 25 years of Israel-Sino relations.

Photographs and documentary films portraying the Jewish communities in China, particularly in Shanghai, over the past 100 years will be on display for the next three months at the Leslie and Susan Gonda (Goldschmied) Nanotechnology Triplex on the Bar-Ilan University campus in Ramat Gan.

The exhibition, curated by Wang Yue, will focus on the Sephardic and Ashkenazi communities, as well as the refugees that escaped Nazi Germany. The Dangoor family, from the Baghdad Jewish community that lived in Shanghai at the beginning of the 20th century, is sponsoring the exhibition.

The exhibition is the latest in a series of efforts made by Bar-Ilan University over the past few years to promote Israel-China relations, and the first in a series of events marking 25 years of diplomatic relations between the two countries.

"It's true that diplomatic relations between Israel and China were officially signed and sealed a quarter century ago. But an exhibition of this magnitude could not have occurred before today," said Professor Arie Zaban, vice president of research. He stressed that academic collaboration between the two countries received a major boost from a visit to China by Prime Minister Benjamin Netanyahu in May 2013, followed by then-foreign minister Avigdor Liberman in 2014.

Sir Elly Kadoorie

"We feel China's interest in Israeli society now more than ever," he said. "Bar-Ilan University, like all research universities in Israel, is tirelessly promoting initiatives that address the huge Chinese interest in advanced Israeli technological research, and their desire to be part of what makes Israel the 'Start-up Nation.'"

Prof. Pan Guang, director of the Shanghai Center of Jewish Studies, is set to deliver the keynote speech at Tuesday's event. In a statement released ahead of the event, he emphasized the good relations between China and its Jewish communities, and highlighted those who fled to the country during World War II. Some 20,000 Jewish refugees found a safe haven in Shanghai during the Holocaust.

The exhibition is the brainchild of Dr. Danielle Gurevitch, director of the Asia Desk in the Office of the Vice President for Research at Bar-Ilan University, and the Chinese International Cultural Exchange Center.

"It is interesting that the Chinese see themselves as similar in many ways to the Jews, and continuously make mention of the fact that the

two are the oldest nations to survive and to preserve their language and their loyalty to their heritage, while pointing out the importance that Jews and Chinese people attach to family values and education. Naturally, the Chinese are very interested in the Jewish communities that lived in China," said Gurevitch.

Another flagship initiative led by Gurevitch is a series on contemporary Israel studies, which she created with her colleague, Dr. Alon Levkowitz, under the auspices of the Sir Dr. Naim Dangoor Program for Universal Monotheism in the Faculty of Humanities. This program is designed for Chinese researchers, lecturers and students specializing in Middle Eastern studies, and particularly Israel studies, with the aim of introducing them to a variety of aspects of Israeli culture. Gurevitch and Levkowitz hope that those who complete the course will become "ambassadors" for Israel in China, who will impart their knowledge about the country to their students.

"Today there are eight Chinese universities offering Israel studies, and the demand for additional study programs at other universities is growing every year," said Gurevitch. "The Chinese view the Jewish people as being a very smart people and admire Israel's ability to produce courageous and creative managers and innovative leaders for the modern world."

Jerusalem Post – 12 Dec 2016

The New Israel's Messenger

Vol. XVI, No. 9

IYS Sephardi Division

Editor: Flori Cohen

Reuben Moalem - A lifelong Idealist and Zionist

by Joseph Cohen

Reuben Moalem was born in Shanghai in 1899, the eldest son of Joseph Moalem. His father was the Shamash of the Ohel Rachel Sephardi Synagogue.

Reuben became an accountant and served many large companies. On his father's death (1931) he took on the position of Shamash and also became the secretary of the Jewish Community. He was very active arranging brits, wedding, funerals and yahrzeits. He also gave of his services to the Shelter House run by the Jewish Welfare Committee and arranged for destitute and unfortunate individuals to be cared for.

In 1928 he married Girgee, and they had three children and then two grandchildren of whom he was very proud. He loved children in general, was always popular with them, and found time to play and sing traditional melodies for them. In 1933 he joined the Bnai Brith Shanghai Lodge where he served as Treasurer for many years and

was instrumental in fund-raising to sustain projects they undertook such as: funding employment of new arrivals; donating food, clothes and medicine for victims of the Japanese invasion of Manchuria and China; helping the needy in the Jewish Community – both Sephardi and Ashkenazi; providing food kitchens for the refugees from Europe; scholarships for Jewish students; helping the Jewish Boy Scout and Girl Guide movements; and later on helping Jews to migrate to Israel.

Reuben dedicated himself to Jewish life, being a deeply religious man, and gave his time unflinchingly to the community as a whole.

Reuben and his family spent three and half years in a Japanese internment camp in Lungwha where they underwent much suffering. After the war, Reuben continued his services for the betterment of the community. In 1949, When the Chinese Communist regime took over, Reuben and his family dispatched

the magnificent Sefer Torahs that were held in the Ohel Rachel Synagogue to various synagogues outside China, some later arriving in Israel. His family personally took out some unique, rare and valuable Sefer Torahs when they migrated to Australia in 1950. There he soon became a founding member of the Sephardi Synagogue; The Eastern Jewish Association; the Monash Unit of Bnai Brith; and the Strathfield Synagogue. He was made an honorary life member of all the above organizations.

In 1993 he completed 60 years as a member of Bnai Brith. Over the years he helped Monash to become a dynamic unit of Bnai Brith, serving as Treasurer on many occasions. He was active in this work to the end, and even in the week before he was hospitalized. He died after Simhat Torah in 1993. Reuben was to have been an award recipient at the Bnai Brith 150th celebration. It is sad that he was not spared to see the day.

41

I
q
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

who had been baptized under the stress of Tsarist persecution, and who confided to a friend that he had never regretted that recreant act so bitterly as on that night. (Some time afterwards I learned that the total had increased by another £2000, half of which was promised by Mr. Kagan).

After the meeting Reb Yossel met me in the vestibule.

"Nu, will you take me tomorrow?" he asked eagerly. "I am quite ready. What time shall I meet you at the station?"

Some friends rescued me from his unwelcome attentions and took me to the dining room upstairs for a farewell supper. It was close upon midnight, but the hour was seasonable in Harbin. We were a convivial group, talking in various languages, and exchanging the experiences of various lands. One of my friends

expounded an ingenious idea for raising the funds for Palestine: that every State should levy a special tax upon its Jewish subjects for the purpose, and that Great Britain – the Mandatory Power – should lead the way. He elaborated the idea with illustrations from the time when Polish Jewry had communal autonomy, and limned a glowing prospect of magic millions. In vain I told him that such legislation would mean the resurrection of medieval methods and was utterly impracticable: he fondly hugged the belief that he had conceived of the only real solution of our financial problem.

Towards the end of the repast Mr. Soskin drank to the continued success of my tour and expressed the wish that the £25,000,000 would be raised. Another friend voiced the hope that he would live to see 2,000,000 Jews in Palestine.

A matronly enthusiast, a mistress of Hebrew, trusted that we should soon cease to be divided by a babel of tongues and would all speak Hebrew. Still another friend expressed the wish that there would never be any more pogroms, and a fifth that Palestine would become as beautiful as Paradise.

"And what do you wish?" they all asked me.

"That all your wishes may be fulfilled," I said, "and in addition, that I may meet you all in Jerusalem and meet there also all the other friends I have made and shall make in all the lands of my tour, and bring you all together and make you known to each other, and thus forge the bond of brotherhood, which is the symbol of all Israel, in the land of Israel.

(TO BE CONTINUED)

Lyceum Theatre

seemed doubtful whether he could come without first consulting the American Minister at Peking, and as there was no time for this step he gave himself the benefit of the doubt and stayed at home. I addressed the gathering in three languages – five minutes in Hebrew, ten in English, and fifteen in German, and when I sat down Mr. Porter humorously observed that he had been most impressed by the passionate periods in my German speech. Rabbi Kisselhoff, in the name of the community, thanked the Consul not only for his presence but also, as the representative of the British Government, for the anticipated blessings of the Balfour Declaration, and Mr. Porter responded with courtly dignity and then withdrew with his colleague.

We thereupon turned to the delicate but vital question of finance, and it was suggested that as the wealthiest member of the community, Mr. S. Sidelsky, was not present it would be unwise to start the list of donations on the spot, as the standard of generosity might be lowered. Some of those present, unmoved by this argument, signed their names for amounts of £500 and less, and Mr. Isaac Soskin (a brother of the well-known colonization expert, Dr. S. Soskin) and Mr. Drisin were appointed to collaborate with me in a lightning collecting campaign during the next few days. They were strenuous days but fruitful, for although we called only upon a dozen persons, we received promises altogether for £8000. The list was headed by Mr. Skidelsky (who had only just given 100,000 dollars to the Chinese Famine Fund) with £2000, whilst Mr. Soskin and his brothers together contributed a similar amount. What impressed me in most cases was not merely the generosity but the good nature and good wishes that accompanied its expression, for in other lands I had had much experience of donations given with such manifest reluctance that I felt like one who had

drawn blood from a stone. A friend of Mr. Soskin, who promised £600, meekly apologized for not being able to give more owing to the prevalent depression. With such a spirit of good-will abounding, I felt sure that, had Russian Jewry not been overwhelmed and crushed by such a political and economic catastrophe, the £25,000,000 for which desperate appeals were being made to the Jews all over the world, and which the Zionist leaders wanted within five years, would have been offered by the Jews of Russia within five months. Unfortunately, even the million and a half of roubles which had been collected when the rouble was good by the Jews of Siberia for the Jewish National Fund, and had been retained in Harbin until the rouble became hopelessly bad, seemed not to possess the least prospect of appreciation.

Whilst I was busily engaged, day after day, on my financial forays, an incident occurred that seemed to have the element of the romantic or the melodramatic. On returning to my hotel early one evening I was told by the hall porter that he had received a telephone message from somebody that a lady would wait for me outside the hotel at half-past eight. Neither name nor purpose was given, and as the message did not seem to me quite kosher I decided to ignore it, especially as I had an invitation to dine that evening with the Consul. So I told the porter that, if any lady called, he was to ask her to state her name and business. I mentioned the incident to the Consul at dinner, and he commended my discretion. He told me that the city was full of adventurers of both sexes, and the one had to walk warily, especially when one, like myself, was supposed to be in possession of vast funds. The unknown lady might be a decoy for a band of robbers. When I returned to the hotel I ascertained that no lady had called, “for,” said the porter, “the message said she would

wait outside”. As there were over twenty degrees of frost that night the “lady” must have not only cooled her heels but become unconscious that she had any.

But after careful reflection I came to the conclusion that there was probably no lady in the case at all, and that it was a ruse of Reb Yossel to secure the interview for which he had been repeatedly pestering me.

6

The final meeting was a rather impressive affair. It was held in the large hall of the Commercial Club, which had accommodation for only 700, and all the tickets of admission were snapped up in a few hours. The inevitable Chinese policeman, with the inevitable smile, was again there, but I was allowed liberty of language as well as of speech. The meeting was announced for eight o'clock, I was told to be there at half-past eight, I arrived at a quarter to nine (for I thought I knew local habits), and I had to wait until nine o'clock before the chairman arrived and the bell signalled for the people to take their seats. I spoke in German, as the medium in which I could best make myself understood, and covered much the same ground as I had done in most of my previous addresses, but with special reference to local conditions and expectations. At the conclusion of my speech, the chairman, to my great astonishment, declared an interval, and the audience strolled out into the vestibule and refreshment room, regaling themselves with criticism and tea. Glasses of tea were also brought to the platform, and ten minutes later the bell rang again as in a theatre and the audience trooped back to their seats. Mr. Evseroff, fully recovered, made a powerful speech, a torrent of eloquence pouring from his lips. The material response was satisfactory, for the total amount promised had reached £10,000. One of the contributors, I was told, was a Jew

long windows streamed with perspiration. Greetings and good wishes to the Conference were offered in enthusiastic speeches which struck some particular party note, and all went well until I rose to deliver my own little speech, which I intended to be of a quite neutral character. But I had no sooner uttered a few Hebrew words than the Chinese official rose from the front row and demanded that I should speak Russian. A Chinese policeman demanding that an English-born emissary should speak Russian at a Zionist Conference on Palestine! This was, indeed, a novel situation. The chairman explained that I could not speak Russian and that he had obtained special permission for me to use any tongue that I chose. The official retorted that he had no information about this, whereupon the chairman suggested that he could inquire of his superior on the telephone. The dutiful functionary promptly accepted the suggestion and elbowed his way through the throng to seek a telephone below. I continued my speech in German and had just concluded amid cheers when the Chinaman returned with a smile. Whether he received confirmation of the chairman's statement was doubtful, as there was apparently a plurality of police authorities, with a diversity of jurisdiction. The subsequent proceedings of the Conference were dogged by an unkindly fate, for when the delegates met the next morning they were informed by a police official that the meeting was forbidden. I drove post-haste in a rickety droshky, drawn by frost-covered Mongolian ponies, to the British Consul, who was kindness personified. There was some violent telephoning to some Lord High Mandarin, followed by expostulations, explanations and apologies, and the Consul assured me that all would now be well. The Conference was resumed, with the policeman in attendance, but its practical purpose – the considera-

tion of measures for the establishment of a Palestine Information Bureau to serve the whole of Siberia and for the selection of suitable settlers – was obscured for hours by a heated discussion on technical formalities. Two of the delegates had travelled many days, partly on foot, and braved many dangers. They were big, brawny men, redolent of the Mongolian steppes, from the neighbourhood of Urga, and they told a sad tale of the atrocities against Jews committed by the troops of that Baltic brigand, Baron Ungern-Sternberg, who terrorized vast regions until he fell into the hands of the Bolsheviks and then ceased from troubling for evermore. The dominating figure of the Conference was a youngish man, Mr. Evseroff, who had been a successful lawyer in Petrograd until the advent of Lenin. Then, seeing that liberty in Russia was doomed and that he could no longer work for Palestine until he had shaken off the shackles of the Soviets, he contrived to secure an important position as a Commissary, had himself sent on a confidential mission to some remote place near the frontier, and at the earliest opportunity slipped through the Bolshevik cordon. He was a dynamic force of almost inexhaustible energy – a capable organizer, an eloquent speaker and a gifted journalist. His work had been doubled through the absence of the former chairman, Dr. Kaufmann, who had been recruited by Koltchak for the benefit of his troops' health and was now detained by the Chinese at Urga in a sort of quarantine. He was the editor of the Russian Zionist weekly, *Siberia-Palestine*, which was smuggled through the Soviet frontier and brought hope and healing to hundreds of Jewish communities. He worked through the night until four in the morning four times a week, dictating translations to weary writers from English and German papers for the columns of his journal, which he had mostly

to fill himself. But he had burnt the midnight oil too much, and during my week's visit he collapsed with mental prostration. I saw him in bed one evening in his humble lodging, a cold bandage on his forehead, and the lamp darkly shaded. The doctor had ordered him complete rest, but on the table were proof-sheets which he had corrected for the next issue.

"What does it matter if the paper doesn't appear for once, or if its publication is postponed for a few days?" I urged in friendly reproof.

"We cannot disappoint our thousands of readers," came the stoic response in the editorial plural.

His virile young frame shook off the attack in a couple of days, and he returned to work with unabated spirit.

5

The material purpose of my visit was first broached at a select gathering in the house of Mr. Kagan, one of the wealthiest members of the community, who was unfortunately away in Japan. It was attended by most of those who were reputed to be rich and generous, and it received a representative and even official character through the presence, not only of the Rabbis of Harbin and Chita, but also of the British Consul, Mr. Porter, and the Vice-Consul. Mr. Porter, from the moment of my first official call, had displayed keen sympathy with the object of my mission and was anxious to further it as well as he could. In the course of my stay he intervened effectively on behalf of a contingent of released Jewish prisoners-of-war who were travelling to Vladivostok, and whom a gang of "White" troops had threatened to waylay at an intermediate station. I also called upon the American Consul and invited him to attend, but although I told him of President Wilson's cordial approval of the Zionist ideal as well as of the prominent part played by American Zionists in the movement, he

ter, penetrating into various people's houses uninvited, causing interruptions at public meetings, and rousing everywhere both annoyance and pity.

Rabbi Levin, who accompanied us, told me of the tyranny of the Soviet rule at Chita and of the impossibility of doing anything in Bolshevik Russia for the sake of Zion. He was anxious to go to Palestine as early as possible and could take a great deal of capital with him from wealthy friends for business undertakings. At our host's house, where there was a large family gathering, I met a young Jew from Prague, who had been a prisoner for three years in a Russian camp and had there improved his knowledge of English to such advantage that he acted as tutor in the at language and others to my host's children. He spoke English quite passably. Before the war he had been a student at the Vienna University, but it was futile now to dream of resuming his career there. Could he go to Palestine, he added, and would the University of Jerusalem soon be open? He longed for some glimmer of hope.

I soon realized that there were not scores but hundreds of Jews in Harbin who were eager to go to Palestine, and many of them indulged in the fond dream that I could expedite their journey. The manager of the hotel at which I stayed had qualified as an engineer at a Swiss Polytechnic, and in the sudden slump had grasped at his present position solely to secure a livelihood. He wondered whether there was any opening for him in Palestine. I received many callers, mostly young men, who were all anxious to know whether I could facilitate their journey to that land of hope. A young Hungarian who could find no employment, told me that he had had only one meal a day for a week, and unless he collected a few yen that he still owed for his overcoat he would have to return it and be exposed to twenty degrees of frost.

He would do anything in Palestine, but how could he get there?

One morning I received a visit from an Austrian ex-officer who had been engaged in business in Harbin for some months and had saved some money. He told me of a craftsman's union which a number of industrious Jewish prisoners had formed under the name of "Ha-Nemalah" (The Ant) in their camp, and which had so pleased the Bolshevik Commissaries that they released them. He told me, too, of the wonderful devotion displayed by thousands of Jewish prisoners to the cause of the restoration of Zion; how they organized classes for the study of modern Hebrew, how they printed their own journal in captivity, and how many of them fasted twice a week and contributed what they thus saved to the Palestine Restoration Fund. Could sacrifice any further go? ... He wished to join a batch of released Jewish prisoners who were being repatriated from Vladivostok, especially to receive permission to land at Port Said, so as to travel directly to Palestine and join his brother at Rehoboth, for these repatriated prisoners, as a rule, were not allowed to disembark before reaching Trieste. I was able to assist him, and months later I heard that he had reached Rehoboth safely and took part in the defence of the colony from the Arab attack in the tragic week in May, 1921.

4

The Gymnasium, with its abundance of rooms, discharged a variety of functions in communal life, but never that of a gymnasium. It housed the bureau of the communal administration, the office of the Russian Zionist weekly, the head-quarters of the Zionist society, a labour exchange and a poste restante, besides two separate schools whose classes foregathered in shifts. It was also within its walls that I delivered two addresses on the purpose of my mission. The first

was given on a Sunday afternoon, at a private meeting of representatives of all the Jewish organizations, institutions and parties in the city, and as the speeches of welcome which they all pronounced were mostly in Russian, which I understood little more than Chinese, I had ample time to meditate on my reply. Red-bearded Reb Yossel was also there, representing, as he said, the unorganized members of the community. The Poalei Zion representative, speaking in Yiddish, delivered a very vehement tirade against the Allies for maintaining the blockade and appealed to me fervently to use my influence with the British Cabinet and the Peace Conference to get it raised. I was made to feel even more important that when I was invited the by the Shammash to act a Maggid. I disclaimed all influence either in the British Cabinet or in the Allied Councils, and devoted myself to a faithful account of all the events that had led up to the San Remo decision. In the middle of my narrative the electric lights suddenly went out, and Reb Yossel exclaimed in Hebrew: "Let there be light!" Somebody went out to fetch a candle, but as it was doubtful when he would return I continued my address in the dark. It was an eerie experience to speak to a roomful of people who were utterly invisible except for the transitory glimmer of a few faces hazily illumined by the red glow of cigarettes. I spoke in the darkness fully ten minutes before a flickering candle was brought in, which Reb Yossel greeted gutturally with: "And there was light!"

The second occasion was the opening of a Palestinian Conference, to which delegates had come from Shanghai and Tientsin, from Chita and Vladivostok, and from one or two other places. The large hall was crammed with an expectant multitude, brimful of excitement and overflowing with comment. The air was thick and hot with human breath and cigarette smoke, and the

regard to all its own internal affairs in a much greater measure than any other Russo-Jewish community since the eighteenth century. Every Jew, whether he was a member of a synagogue or not, whether he subscribed to communal charities or not, had a vote in the elections for the Communal Council; and the Bundists, who shunned the synagogue on principle and abstained from contributing towards the collective revenue, perhaps from lack of capital, always took an active part in the elections which a view towards the dissolution of the community into its component units. When I asked why the Bundists should act as members of a community which they wished to dismember, I was told that they could work for their end only by being inconsistent, and when I asked why they were allowed to vote when they did not share in the common burden, I was told that in a proper democracy the suffrage must be exercised without regard to taxation.

There was thus no lack of excitement. Indeed the interminable discussions that went on, especially on a Saturday night, in the hall of the Gymnasium, between the rival adherents of Zionism pure and simple, Zionism without orthodoxy, and orthodoxy without Zionism, Zionism with Socialism, and Socialism without Zionism, Territorialism in Palestine and Bundism in Siberia, Hebraism in Manchuria and Yiddishism in Palestine, and endless permutations and combinations of all these conflicting conceptions, showed me that Harbin had not been seized by the realities of the Balfour Declaration, that it still fed on the pre-war ideology, and I shuddered to think how much more backward were the communities that were penned within the Chinese Wall erected by the Bolshevik Government.

I was present at several of these discussions. They were called

“Sobodka” because they were held on Saturday night, and they were generally attended by an eager audience of a few hundred. The speeches had to be delivered in Russian, though many speakers would have preferred Hebrew or Yiddish, owing to the Chinese police representatives who were always present and wished to be able to follow the flow of argument. It was a Russian practice taken over by the Chinese authorities, and as they were in fear of an attempt by the Soviets of the Far Eastern Republic to annex Harbin, they scented Bolshevism at every public meeting. But whether the Chinese officials really understood some of the hair-splitting deliverances on Palestinian Territorialism or on the complexities of Galuth psychology I rather doubt, even though they smiled occasionally.

A convivial atmosphere was diffused at these forensic tourneys by the distribution of glasses of tea by a Chinese attendant, and rival protagonists would help one another to sugar.

3

The great synagogue presented an impressive spectacle on Sabbath morning. It was a large and lofty shrine, in which hundreds of fur-capped worshippers, written in ample talith, swayed in vigorous devotion. At the lower end was a small open chamber where the Chassidim conducted their more demonstrative service, from which they occasionally strayed to the greater throng without. The Shammash, a rather bumptious individual whom I first mistook for the Parnass, conducted me to the upper end, where I was given a seat near the Rabbi of Harbin and his reverend colleague from Chita, Rabbi Levin, who was on a visit. I realized the importance of the beadle when he took up a position in front of the Ark, delivered three resounding slaps to his innocent Prayer Book,

and began to offer up by auction the honour of being called up to the Law.

“One rouble – Cohen! Two rouble – Cohen! Five rouble – Cohen! he cried, keeping a wary eye on each succeeding bidder. He used the term rouble simply as the traditional unit, though everybody knew that he meant the Japanese yen, which was worth many thousands of roubles. When he reached the last “lot”, the coveted Maftir, the bidding soared unusually high, and the honor was secured for ten yen (then worth thirty shillings) by my Sabbath host, Mr. Drisin, who graciously transferred it to me. Apparently I discharged my task to the complete satisfaction of the critical Shammash, for he not only tendered me the conventional congratulations with a hearty handshake, but even added deferentially: “Reb Yisroel, wet Ihr efsher a bissel sogen?” (Mr. Israel, will you perhaps speak a little?).

The suggestion almost took my breath away. I humbly but firmly declined the honour, urging that the community would have other opportunities of hearing me. As I was leaving the synagogue I was accosted very familiarly by a red-bearded man, with hollow cheeks and strangely glinting eyes. “When can I journey to Erez Israel?” he asked. “Tell me. I have waited for you for months. I am quite ready. Perhaps I can go with you”.

“I have many countries yet to visit,” I said.

“Never mind, I can go with you to them all,” he replied eagerly. “I have already packed up. Take me with you. You will earn a Mitzvah”.

My host gently parted us, and as we wended our way through the snow-clad streets he told me that the man was a Galician ex-prisoner-of-war who had become mentally unbalanced in Russian captivity and now eked out a living as a Hebrew teacher. Through his aberrations he had become a well-known charac-

Journal of a Jewish Traveler

by Israel Cohen

Chapter XXII: Harbin Jewry

Harbin Jewry would be a typical Russo-Jewish community was it not free from most of the ills and misfortunes to which such a community has always been heir. It has never seen a pogrom or "oblava" in its midst, nor has even the nagaika even been cracked in its hearing. Most of its members have, indeed, individually made the acquaintance of these sinister products of Muscovite civilization, but that was when they were still writhing in the talons of the Russian Eagle. Harbin, however, as the important junction of the Chinese Eastern Railway, in whose welfare China was concerned equally with Russia, was made a neutral city, where the eagle was transformed into a dove. It enjoyed immunity from the mass of galling laws that harassed every community in the Pale of Settlement; and thus from the scores of towns and townlets that languished under the Tsarist yoke there steadily dribbled human rivulets to this city of refuge in the plains of Manchuria. From Suwalk and Saratova, from Kiev and Kishinev, from Kovno and Odessa, as well as from the nearer cities of Omsk and Tomsk, hundreds of Jews, with their wives and children, began twenty-five years ago to trek to this flourishing asylum, settled in the Pristan quarter, and gave a healthy impetus to the commerce of the entire region. Before the war the community already counted 5000 souls; by the end of the war it had doubled and thus become the largest Jewish centre in the Far East. Many of its members had made fortunes by trading in grain, timber, hides and furs, and had lost them again in the back-

wash of the Russian Revolution, their millions of rubles shrinking to the value of the paper on which they were printed. But there were others whose fortunes were largely invested in property, or who had converted their roubles betimes into Chinese or Japanese currency, and had thus escaped the economic typhoon that had wrecked so many lives. The fortunate few, however, had now to bear the increased burden of the community, which otherwise threatened to collapse; and the burden was not light, for it comprised two large synagogues and some small ones, a Talmud Torah school, a home for the needy aged, an orphanage, and a school – locally known as the Jewish Gymnasium – of imposing proportions, besides a vast number of poor, unhappily supplemented from the hosts of Austrian and Hungarian prisoners-of-war. At the time of my visit there was a strike of teachers at the Gymnasium for the sufficient reason that their salaries had not been paid for several weeks, and the non-payment, I was told, was due to the equally sufficient reasons that there was no money. To expect aid, therefore, in these circumstances, for the rebuilding of Palestine required no little courage and boundless confidence.

The Jewish community of Harbin in now the most accessible Russo-Jewish community in the world, although it is separated from Shanghai by a four days' journey by express train. Geographically it is less than half that distance from Vladivostok, but although steamers from both Japan and China sail to that Siberian port, its unsettled polit-

ical conditions and general insecurity make for its effective isolation. Vladivostok Jewry thus keeps in touch with the outside world mostly through Harbin, which, by illicit and ingenious means, designed to penetrate the barriers set up by the Soviet Government, acts as the main channel of communication with Jews throughout Siberia, and, indeed, with those in many parts of European Russia too. My visit was thus regarded as of more than local interest, and delegates had come from Vladivostok and Irkutsk, from China and the town of Manchuria, to learn from me all that was happening in the great world beyond, especially in the Land of Israel. In our conversations there was at first a good-natured conflict, for I was just as eager to extract information from them as they were from me, and my stay was limited; but I compromised by telling them that the tidings I brought would best be communicated at meetings, whether public or private, otherwise I should have to repeat the same story a hundred times. So a number of public gatherings were arranged, leaving me free to utilize all private intercourse for my own enlightenment.

2

I could not help being struck by the spiritual vitality of the community, which more than compensated for its material distress. Its vigorous Jewish consciousness manifested itself in a struggle of parties, in which the Right, Centre, Left and Extreme Left were always busily engaged, and for which the prevailing slump in trade afforded ample leisure. The community enjoyed autonomy in

Yan Shuang, centre, deputy director general of Shanghai's publicity department, unveils a commemorative wall at the Shanghai Jewish Refugees Museum in September last year. The 34-metre-long copper installation names 13,732 Jewish refugees who took safe haven in China during the 1930s and 1940s. Photo: AFP

Blumenthal said life was chaotic, jobs were scarce and there were epidemics of tropical diseases in the difficult climate.

Chen Jian, curator of the museum, said Shanghai accepted refugees so freely because of a "power vacuum" at the time. "Britain and France had concessions in Shanghai, but these countries didn't issue visas for people coming to Shanghai," Chen said. In 1943, pushed by their German allies, the city's Japanese military authority drove Jewish refugees to a "stateless- refugee-defined ghetto" in Hongkou district, where the museum is located.

According to Chen, about 100,000 local residents and 25,000 Jewish people lived in the ghetto.

Blumenthal said the neighbourhood resembled an Austrian or German

city, with German or English schools, kindergartens, sport clubs, a hospital and a synagogue. All the shop signs were in German. "We learned to speak Chinese, but not enough. Chinese people learned to speak English or German. So we could speak to each other," he said.

Chinese Communist Party Chairman Hua Guofeng, right, in talks with US treasury secretary Michael Blumenthal, left, at the Great Hall of the People in Beijing on February 28, 1979. Photo: UPI

Blumenthal remembers the happy times as well. His friends organised soccer competitions, put on plays and musical performances, and opened libraries. Elderly people taught younger people different languages and he himself learned Spanish and Esperanto. But not many of his friends from those days are still alive.

Life grew more challenging during the final months of the war with the Japanese occupying the ghetto, and Americans responded by targeting

the area with bombing runs.

"Over here across the street [from the museum] there was a Japanese radio station and American planes tried to hit it," Blumenthal said. They destroyed it, but also dropped bombs on the street, killing quite a few Chinese people and 37 of our people."

Blumenthal has returned to Shanghai eight times since he left in 1948, and each time the changes surprise him.

He said some of the hardships he faced in Shanghai affected him deeply later in life. He witnessed many dangers first-hand. "You had to give money to each policeman and to get every piece of paper issued by the government. Nothing worked without bribes." This

experience motivated him to fight corruption in the US, he said.

In his book, **From Exile to Washington**, a memoir of leadership in the twentieth century, Blumenthal wrote that his time in Shanghai informed his political beliefs and made him care about public affairs. Witnessing such pervasive poverty ignited his interest in social sciences, especially economics, and convinced him to become a social liberalist.

The translation of his book from English into Chinese is almost complete and Chen said the museum was in contact with the publisher and publishing authorities to have it printed on the mainland.

South China Morning Post
April 2015

WE NEED YOUR SUPPORT!

Please make a donation to the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund
Your donation enables us to do our community work.

THANK YOU!

How Shanghai opened its doors to Jews fleeing Nazi persecution

By Alice Yan

This year marks the 70th anniversary of the end of the Second World War, in which an estimated 25 million civilians died, including 6 million Jews. Former US treasury secretary Michael Blumenthal recalls how his family took shelter in Shanghai after fleeing Nazi Germany in 1939.

Michael Blumenthal was 13 when his family fled Berlin and the Nazis in 1939, boarding the Japanese passenger liner Haruna Maru to sail to Shanghai – the only city that would admit Jews without visas.

Several prominent Jewish families were already settled in the city, and when the Blumenthals arrived a month later, the Jewish community already numbered in the thousands.

Nine years later, the family left for the United States, where they settled as refugees. Blumenthal would go on to become treasury secretary in the administration of Jimmy Carter.

But he always remembers how hard life was as a teenager in Shanghai, and how the city changed when the

Japanese took control of the foreign enclaves in 1941.

When he was young, he would visit a small cafe near his home. "It was called Wiener Stube, which means Vienna's small room in German. There were seven chairs and I often sat there for three hours in the afternoon," Blumenthal, now 89, said during a visit to the Shanghai Jewish Refugees Museum recently.

Community Kitchen area in Shanghai's Jewish refugee camp in 1946. Photo: Corbis

Most of the time there was war and life was very hard. Shanghai people

suffered a lot and we [refugees] were suffering too," Blumenthal said. "But in the end, we and local people lived peacefully as friends and that is a good memory for me."

The museum is among the most significant Jewish historical structures still standing in the city. It comprises three parts – the former site of the Ohel Moshe Synagogue, which dates to the early 20th century, and two exhibition halls, displaying photos, short films and other items representing refugees' life.

The museum changed hands several times after the war, and was reopened in 2007 after the Hongkou district government allocated funds to renovate the synagogue in line with its original design.

In his memoir, Blumenthal wrote that Jewish emigres expected life in Shanghai to be challenging but they had few other options. His parents tried to earn what little money they could trading petty items.

"Shanghai was the only place where we could seek refuge," Blumenthal said at the museum. "Actually many who didn't escape [from Europe] were killed."

The Battle of Shanghai occurred two years before his family arrived, and the outcome gave Japan control over the Chinese administered parts of the city, while the International Settlement and the French Concession remained free.

‘right to use’ and gradually—ironically—China allowed its people to purchase property outright.

As for Avan Villa, there is still no sign of an actual file.

The family has a photograph of the big house, dated 29 June 1941, taken by a hired studio photographer on the occasion of a formal and lavish Shanghai-style Navjote ceremony celebration. Nearly 150 guests dressed in formal attire have collected on the grass. The Parsi women are clad in saris, the men—Parsi, Western and some Chinese—wear Western-style suits. Western female guests sport dresses and hats. Other Chinese men wear the changshan—a traditional collarless long gown with slits and generous sleeves. A row of children sit cross-legged in front.

It is a snapshot of the multinational

mix the city used to be.

Behind them rises Avan Villa, with her airy, confident lines. A side veranda gives out on to the lawn, a capacious balcony graces the upper floor. The overhang above the balcony features the signature Moderne—curved edges. French windows give access to the balcony and some of them have been left open for the party. Their angled panes reflect the summer skies of seventy-odd years ago.

Meanwhile, Jehangir Bejan Tata has had another fall, Lydia Tata told me last week on the phone from San Francisco. He has lost a lot of weight.

In May 2014, Jehangir Bejan Tata will turn ninety-five. He has begun to talk about dying, which is terribly upsetting to his family.

‘Hang on,’ I beg him telepathically

from across the oceans. ‘We might find that piece of paper yet.’

This July, a typhoon crashed into Taiwan and South China, but its flicking tail swept Shanghai skies clean and the city is domed daily in silkscreen blue. A golden afternoon light dips amidst the roadside plane trees the French planted a hundred years ago and the cicadas, for the moment, are silent.

(Jehangir Bejan Tata died in San Francisco in November 2013.)

This article was first published as “A House for Mr. Tata, An Old Shanghai Tale,” in Travelling In, Travelling Out: A Book of Unexpected Journeys, edited by Namita Gokhale, 90-107. India: Harper-Collins Publishers, 2014. You can read more of the author’s work at: www.mishisaran.com

May 15, 2015 Quartz India

Marble Hall in Shanghai was built by Sir Elly Kadoorie and completed in 1924. It was the Kadoorie home from 1924-1949. It is now the Shanghai Children's Palace.

killed, tainted by his connection to foreigners, he might be at any moment. An attempt to contact him might jeopardize his life. The Tatas decided that no matter how much they loved their house, and worried over its fate, it was not worth more than a man's life. They abandoned efforts to track down their home.

After a decade, the Cultural Revolution's madness ebbed. Ever so tentatively, a wounded China cracked open her doors to let the outside world back in.

Eventually, Jehangir contacted the Indian consulate in Shanghai. He wrote letter after letter, asking for news of his estate. His two girls, Claudia and Irene, grew up and went to college in the United States. They married and had children there.

Jehangir and Lydia moved to the United States in 1993 to be closer to Lydia's mother and to the girls, and Jehangir resumed writing his letters, faxing them across the oceans. Over the decades, his handwriting in the faxes gets smaller, and shakier.

In 2001, at the age of eighty-two, Jehangir Bejan Tata made a trip to Shanghai with his daughter Irene. Incredibly, Avan Villa was still there. Somebody had turned the ground floor into an antique shop. The upper floors appeared empty. The store manager quite proudly showed the Tatas around. He explained he was renovating the building, that the house had belonged to an Indian, that the four smaller houses were for his sons.

'I know,' Jehangir might have snapped.

Behind the big house, the Tatas met one Mr Wang, a tenant of the Tatas for many years. Initially, Wang's father had rented one of the back semi-detached houses—all of it. Then, in 1966, the Communist Party began jamming increasing numbers of families into each of the houses. The Wangs then shared the house with five or six other families. Wang said that for many years there was a plaque in the alley that said the

properties were owned by Indians. Irene Tata and her father finally managed to track down C.L. Tang—who turned out to have moved to New York City—but Tang was in his nineties already. He was dying of cancer, he suffered from asthma. He told his visitors that the Communists had arrested him in July 1966. The authorities had also seized all the papers and files and correspondence relating to the Tata property, as well as the rental income that he was holding.

C.L. Tang's brothers and friends who had dealings with foreigners were also arrested and sent to camps for hard labour. Tang was heartbroken, for his brothers had not made it out of the camps alive. He wondered why he was alive himself.

'So I did not press the issue,' Jehangir said. 'I don't think I have any right to press the issue, so he was there and every time on [Chinese] new year, I'd phone him up and wish him for the new year, but I couldn't contact him for the last two or three years and he passed away, unfortunately.'

A few years later—it must have been around 2004—a family friend returning from Shanghai told them that Avan Villa had been torn down and in its place stood a graceless box of an office building.

Jehangir protested via his fax machine. Nobody had asked his permission to tear down Avan Villa, let alone informed him the house was gone.

Jehangir Bejan Tata kept up his faxes to the Indian consulate to try and find out the status of his property, but consul generals come and go and his faxes are addressed to a whole succession of names.

He would still like to know what happened to his father's dream house in Shanghai

In his old-world, courteous way, he is essentially saying, if the Communists were going to snatch away his property, at the very least, he'd like

to have a receipt. He would like some sort of document to put an end to the torture of not-knowing. The Tatas say that some overseas Chinese have received significant compensation for their properties, or had them returned. Some British families, too, have received compensation, although the word is, the amounts were not nearly enough.

I'm in awe of this fragile man, in his tenth decade of life, pointing a finger at a powerful political regime and asking for accountability.

'The main thing is, would it show that it originally belonged to my mother and her five children? And the original names of the owner ... Again I'm somewhat emphasizing on the fact that the ownership, the original ownership should be stated somewhere along the line.'

I telephoned a lawyer friend in Shanghai, and she put me in touch with an elderly Chinese para-legal who had experience with the tangled issue of old family homes taken over by the Communists.

The man spent days in mysterious offices I never knew the names of. He said he'd pulled numerous strings, called on contacts, seen documents, but could not possibly photocopy them to show me.

Only one thing was clear: Avan Villa belonged to the government.

A document? Could we see some sort of document?

He told me tales of senior, overseas Chinese who had escaped from Shanghai in 1949. Now they return and beg the Communist government for their homes back. The government shrugs and tells them, 'If you invest tens of millions of dollars in China, we might get your house back for you.'

But often the homes were inhabited by multiple families, for the Communists sub-divided single-family villas and parcelled out sections. They used complex rules of semi-ownership, or 'renting' or

That is where he met a lovely Russian teenager, Lydia, and invited her over, not knowing that she would later marry his younger brother.

The Tatas felt a new era lapping at their feet.

Jehangir's British passport was expiring, and he went to the British consulate to renew it.

'So I went to the British consulate and—I'll never forget—they refused. They said, you are now Indian. They said that 'India is now independent' and all that. So I took up the Indian passport—the whole family took up the Indian passport at that time ... and to this day I still hold an Indian passport.'

Many of Shanghai's expatriate community refused to believe the Communists would win the civil war against the Nationalist Kuomintang army.

But Jehangir's father, armed with his fresh Indian passport, read the writing on the wall.

He and Naja left Shanghai in early 1949, in despair, looking over their shoulder at beautiful Avan Villa, the estate they had constructed with their blood and bare hands. Jehangir's father was unable to reconcile the enormity of what he had lost—an entire life built over half a century: impossible to pack up a villa and four semi-detached houses on 28,000 sq. ft of land, impossible to pack a lifetime of friends and adventure and take it with you on a ship. His sons stayed on to wind up matters.

A city dismantled itself.

Jehangir Bejan Tata's thirtieth birthday on 20 May 1949 was a non-event. He does not remember it. His parents had left town; tension and uncertainty swirled through the city as Communist battalions surrounded it.

Six days later, the People's Liberation Army (PLA), clad in their cloth shoes and peasant clothes, had taken over the grand, glittering cosmopolitan city of Shanghai. Things changed overnight, and the shining metropolis the Tatas once knew vanished under a layer of fear.

'My cook came to me with tears in his eyes, he had to report everything I [was doing],' Jehangir said.

Local citizens were forced to watch executions of landlords and capitalists. People were made to confess. Many committed suicide, jumping off buildings. Whole families jumped, for the children were forced to report on their parents.

Jehangir and Lydia began a tense, two-year struggle with the Communist bureaucracy to obtain a marriage certificate.

Sam and Jehangir wound up the Tata family affairs as best as they could. Sam took the precaution of photographing the property deeds on glass negatives, as the original deed had to stay in Shanghai. Many foreigners had abandoned their properties by default, due to the great hassles of complying with all the regulations.

Jehangir actually rented Avan Villa to the Public Health Bureau of the People's Government of Shanghai. He signed a tenancy agreement in Chinese and English, a document dated 17 September 1952.

At the end of 1952, Jehangir appointed a British company, Platt, Hanson & Co., as managing agent for the Tata property in Shanghai. Then Jehangir and his new bride boarded a ship for Hong Kong on new year's eve.

Two years later, in July 1954, the Tatas heard that by order of the Shanghai Municipal Government, all foreign real estate agencies had ceased operation.

That news must have shocked Bejan Dadabhoy Tata to his core. He died the very next month, in August in Hong Kong, perhaps engulfed in sorrow and foreboding. The realization must have sunk in, for him and for scores of others, that they would never return to China, that the dream was over.

The Tata heirs managed to locate long distance a Chinese man, Mr C.L. Tang, who used to work for the Parsis at the temple on Shanghai's Fuzhou Road and they asked him to take on the task of managing

their estate. The appointment was approved by the Communist government's House and Land Control Bureau in December 1954.

It was that year, Jehangir recalls, that C. L. Tang said he had to submit all property deeds and land documents to the Land Bureau.

'And he submitted all the documents, some of them were copies and some of them were real, so I don't have any original documents at all, all I have are copies that I made before I left Shanghai ... So my question is, somewhere along the line, they must have a record of our property, a file number, don't you think?'

All the Tatas have in hand is a copy of Sam's photograph, printed from the glass negative.

C.L. Tang regularly sent to the Tatas correspondence and statements of accounts, including rental income, land and property tax deductions that the House and Land Bureau's Rent Office had made, as well as details of repair costs. C.L. Tang was the guardian of the income—he deducted his own payment from that income—but not a single cent of funds was ever remitted overseas. C.L. Tang, however, kept sending the Tatas information on their Shanghai property. The government, too, sent via the agent a stream of requests for documentation and payments, taxes, special assessments, repair accounts. Every time the income balance grew too large, the family noticed that a special tax or repair assessment was made on the property.

Still, Naja and her children, now scattered all over the world, complied with all the requests.

Then, a decade later, in 1966, all correspondence from C.L. Tang abruptly ceased.

Horrific news of China's Cultural Revolution trickled to the Tatas in Hong Kong. China was drowned in a political and social chaos that historians would later describe as China's lost decade.

It was clear to the Tatas that if their loyal agent had not already been

An ancient Indian vision— of a main house, plus a house for each of his sons

B.D. Tata had a vision—an ancient Indian vision—of a main house, plus a house for each of his sons. In his mind's eye, he saw a large, gracious villa, with four smaller, semi-detached houses at the back. Lawns would surround the dwellings.

He hired prominent Shanghai-based British architects Davies Brook and Gran. The firm often favoured a style called *Moderne*—spare lines, curved-edge balconies, a streamlined look reminiscent of ocean liners and airplanes. The firm designed several Shanghai landmarks that are still extant, and a house for B.D. Tata.

The five buildings of B.D. Tata's estate were completed in 1935. He named the big house *Avan Villa*, after his mother. The Tata family moved west across the International Settlement, past the Racecourse, into their grand new residence.

Jehangir Bejan Tata remembers every inch of the house:

'It was a seven-bedroom house with five bathrooms. It was three floors, the ground floor, first floor and second floor and the roof. The ground floor[had] parquet flooring, and as you entered the small hall [and turned] to the left, [there] was a bigger hall, then my mother had a prayer room. The first floor consisted of four bedrooms. My mother and father had a bedroom each with an adjoining passage, which served as a closet for clothes, and then my eldest brother had one there.

'There was a study, and from there, there was a large room—now we call it the living room—we used to call it the sitting room, and next to the sitting room was the dining room. And there were two beautiful murals, one known as a bas-relief, was like a sculpture on the wall, it was done by a [well-known Shanghai-based] Russian artist by the name of Poudgoursky. One was a mural in the dining room. And I

think that if these two things were still there, I think the murals in that would be worth in the millions. I'm not joking, Ms Saran, I'm not joking.'

'And we also had the servants' quarters too ... off the kitchen. The servants' quarters consisted of an area where the servants could dine and another floor where they had rooms, because we did have a boy, we did have a cook, and I believe we did have what was known as a coolie at that time. These were the permanent ones in the house.'

The Tata home with its roof garden and four semi-detached houses, with their elegant lines, located on Tifeng Road, as Wulumuqi North Road was called then, was featured in an architectural magazine at that time.

Rumbles of war in China began early, when Japan attacked Manchuria on 18 September 1931. It was part of a Japanese military plan to take over China, Southeast Asia and then the world. To prosperous, swinging Shanghai, the attack seemed a far-away nuisance in the north, until it reached their doorstep in 1937. The wider world only paid attention when Japan targeted Pearl Harbor, Hawaii, on 7 December 1941.

Jehangir was just finishing school in 1937 when the Japanese planes bombed Shanghai.

'I remember the Japanese barracks were right across [from] the school. You know, I must say [the situation] was not as bad as Hong Kong or Singapore. My father was concerned that we maybe would be put into [Japanese internment] camps, because we all had British passports at that time. I had a British passport, a lot of us had a proper British passport.'

That meant the Tata passports were the real deal, not the second-class passports issued to citizens of British protectorates. But, the Japanese had classified all Indians, including the Tatas, as 'friendly enemies', and they were to be spared the prison camps.

In Shanghai, the Japanese confiscated the Chinese mills run by B.D. Tata and all work came to a halt. The young Jehangir, who had been working for his father out at the mills, was suddenly at a loose end. He focused on his hobbies—exercising, body-building. He took singing lessons. He had a thought he might become an entertainer, as he was good at amateur theatricals. To make ends meet in the war years, people did a brisk speculative trade in hard-to-find commodities. There was rationing of sugar, eggs, milk, flour.

Old orders around the globe collapsed one by one.

In China, under the Nationalist Kuomintang regime, led by Chiang Kai-shek, the foreigners' extraterritorial rights in the Treaty Ports, including Shanghai, had been abolished. The sole agency agreement that Jehangir's father had negotiated with the two Chinese cotton mills had to be relinquished.

Across the Himalayas, the Dominion of India dissolved and on 15 August 1947, India gained her independence.

Jehangir's older brother Sam, a photographer, had left Shanghai for India to document events there. At an exhibition of his work in Bombay in 1948, he met the already famous French photographer Henri Cartier-Bresson. The two men would become lifelong friends and Cartier-Bresson's revolutionary style of 'pouncing' with his 35 mm lens on unfolding, candid street scenes shaped Sam Tata's work. The two men worked together in India. Sam came home to Shanghai and focused his camera on a turning point in China's history: the Kuomintang's downfall and the Communist troops entering Shanghai. When Cartier-Bresson arrived in Shanghai to help capture that same history in the making, he stayed with his friend Sam Tata, at *Avan Villa*.

Sam frequented the artistic circles that populated the French Concession, not far from the Tata house.

The family shared with me a sepia-toned photo portrait of his father, Bejan Dadabhoy Tata, who was born in Surat, India, in 1874. In the photograph, he is dressed formally, in a collared shirt, a cravat, waistcoat and jacket. The ensemble is topped by a stylish fedora.

His bushy eyebrows—the right one slightly cocked—frame the top of round glasses popular at that time. The spectacles are poised on the bridge of a generous nose, then comes a wide philtrum and thin lips, set in a well-defined bow-shape. The effect is of a man certain of his morals. A faint forward tilt of his shoulders hints at a yen for adventure. But his eyes hold a skittish look, as though he already suspected events might get the better of him.

Bejan Dadabhoy Tata was a distant cousin of his boss Ratanji Dadabhoy Tata (R.D. Tata), who himself was a first cousin of India's tycoon Jamshedji Tata.

In the summer of 1904, the same year B.D. Tata sailed east to help expand his cousin's business, R.D. Tata's French wife gave birth in Paris to their Eurasian son. They would name that boy Jehangir Ratanji Dadabhoy Tata—J.R.D. Tata.

The Parsis in India had been involved in the China trade of opium and cotton right alongside the British, as early as 1756. The Parsis were keen ship builders; they were financially adroit, and entrepreneurial to their bones. The China trade had even given rise to Parsi surnames like Chenoy and Chinai, and the traditional clothes that Parsi women wear to this day are exquisitely embroidered with Chinese motifs.

On 26 January 1841, the British planted a flag on Hong Kong soil. It was soil wrested from the Qing dynasty in the Opium War—though the treaty that would conclude the war and cede swathes of land in Shanghai and other ports over to the British had yet to be signed.

On that January day, also present with the British were the Parsi gentlemen Pestonjee Cowasjee, Rustomjee Dhunjishaw and Framjee Talati. Right alongside the British, the Parsis made significant land purchases at Hong Kong's first land auction held in June that same year. From Hong Kong, some Parsis soon migrated northwards to Shanghai, even before the French government had negotiated with the Qing dynasty for its own wedge of land that would be called the French Concession.

By 1854, the Parsis had established a Zoroastrian cemetery in Shanghai on Fuzhou Road. In 1866, right next to the cemetery, they built a fire temple at No. 538, Fuzhou Road.

Fast forward four decades and innumerable clipper voyages, to alight on Shanghai's riverfront, in the early twentieth century, right behind the house of the French consul general, at No. 8, Rue du Consulat.

Bejan Dadabhoy Tata has prospered in the east, he has married and had children; his wife Naja and their older boys have settled here in Shanghai. On 20 May 1919, Naja gave birth to her last two children, a pair of boy-girl twins, Jehangir Bejan Tata and Aloo Bejan Tata. The Chinese term such a birth dragon-phoenix twins, the best combination of all.

Around them, Shanghai was exploding with construction.

The British-dominated, de-facto government of this tiny slice of land was a body known as the Municipal Council. It was busy paving over winding creeks, expanding roads, establishing the infrastructure of a major city. The British slab of waterfront, the Bund, was the bustling hub of commerce. The park bordering the river was called the Bund Garden and a Municipal Council Orchestra, created in 1922, performed in a pavilion-shaped stage lit with gaslights.

Bejan Dadabhoy Tata and Naja

hired a Chinese amah to look after their brood and take them to play in the park by the river. The Tata couple tried their best to impose their native Gujarati language at home, but their children answered in English. The youngest boy, the dragon twin Jehangir Bejan Tata remembers the Bund Garden, the music. He even recalls a fight.

'When I was about five years old ... even younger than that, my twin sister (Aloo) and I ... you know they presently call it the Bund, formerly it was known as the Bund Garden, and ... I used to go with my sister, with the amah ... They used to have a bandstand there, they used to play music, I don't know what kind of band—military music? This I remember very well ... One day there was a sand box and we were playing and an English girl threw some sand in my face, this I cannot forget, but I got very angry and I did not say anything and when she wasn't looking, I put some sand in her sandwich. Then there was a big commotion ... and it ended up with the amahs fighting each other ... When we got home, I told my mother what happened and my mother said "Oh you naughty boy," and then the amah said, "No, she threw the sand first."'

Jehangir's mother Naja dominated the household. She did not speak Chinese, neither did his father, but there was no need, as the local Chinese staff spoke pidgin English. His father was kind to his children but he didn't fuss around the family much. Work kept him busy.

By 1926, B.D. Tata was doing well enough in China to think about acquiring land and building a home on it. He picked an area further inland, a district still developing on the western outskirts of the International Settlement. The total area, in Chinese terms, was over three mu, or about 28,000 sq. ft. B.D. Tata could rent the land in perpetuity

The story of Avan Villa tentacles through space and time

The story of Avan Villa tentacles through space and time: over the Pacific, to San Francisco in the present day and across the Himalayas to Bombay, over a hundred years ago. Geography and history collide in the diminutive, frail body of a persistent old Parsi, Jehangir Bejan Tata, born in 1919, now legally blind and prone to falls.

'They call me the fall guy,' he joked, sitting straight up on a sofa in his San Francisco house, holding close a walking stick. I had gone to see him in December 2012, and met his Russian wife, Lydia.

Mr Tata's English was courteous and old-world: 'with all due respect', and 'if you don't mind', and his sentence construction had a familiar China coast hint. His voice was firm, despite its edge of an old-age tremor. He addressed me as 'Ms Saran'.

Before his vision failed, he could find his way to the local barber shop, staying on the safe side of the road. He could make a left and reach it. But no longer. Even when he gets out into the sun, he cannot see a thing. Then there are his falls, inside the house, and outside. He is not too vain to use a walker—he always uses a walker—but the pavement is cracked. Sometimes you get jammed on it, he said.

His body's inexorable decline has not prevented Mr Tata—who describes himself as quite an obstinate and stubborn man—from shaking his fist at history and demanding some answers about what happened to the Tata family property in Shanghai.

'They tell me you must get a lawyer, you must get a lawyer, but all I want to know, all I want to know is what is the status of our property. the families of all my brothers are here and my twin sister is still alive. I just want to find out the status of

our property. Why cannot the Government of India find out, what's the big deal ...'

The Tatas live in north-west San Francisco's Richmond district. They live around the corner from a vast Russian Orthodox Church with gilded domes that float above ordinary San Francisco streets. When my husband turned the car onto Geary Street and we drove by the church on the way to see the Tatas, my heart clenched, for it was a replica of the Russian Orthodox Church in Shanghai's former French Concession; I recognized its curves and accents with a sort of spatial sixth sense.

Shanghai's former French Concession had been flooded with Russians escaping the 1917 Russian Revolution via China's northern border with Russia. They fled first to the city of Harbin and then, when Japan pressed into Manchuria, they moved further south to settle in Shanghai. Later, when life in Shanghai became difficult for foreigners under the Communists, many Russians migrated to this corner of San Francisco.

Their church is called the Holy Virgin Cathedral, 'Joy of All Who Sorrow', and its founder is St. John. His full name is the Archbishop St. John of Shanghai and San Francisco, for he arrived in Shanghai as a young bishop in November 1935 and became a leading light for the Russian community there. He, too, fled to San Francisco.

Lydia Tata remembers how Russian women in Shanghai would mutter about providing yet another pair of shoes for Bishop John, because, seeing a beggar, Bishop John once again had taken off his shoes and given them away.

Many of the Tatas' Richmond neighbours are families who once used to live in Shanghai. Such refugees often came to the United States with their China dream in tatters, entire fortunes abandoned in haste in 1949, when the Com-

munists won the civil war against the Nationalists.

'I remember that it was all disarray as far as the business was concerned. Because my father really—with all due respect to everything—[my father] was a broken man when he had to leave Shanghai. He died [in Hong Kong] when he was not even eighty at that time—in my opinion, relatively young,' Jehangir said.

When Parsis came to Shanghai, they usually stayed for life

'Ms Saran, my father came to Shanghai in 1904. At that time, when Parsis came over, they usually stayed for life, you know ... At that time he was with Ratanji Dadabhoy Tata['s trading company], then he went on his own. He was very successful in managing two cotton mills—over a few thousand workers total ... and he managed the mills—buying the materials, raw cotton, to produce the actual yarn and bed sheets in those days ... and everything in between. And then aside from that, he'd made some very good friends among the Chinese, he really made very good friends. And he also invested in the Chinese companies and all that. And then, in those days, when there was a contract, it was a twenty-year contract.'

Bejan Dadabhoy Tata (Courtesy of the Tata family)

A house for Mr. Tata: An old Shanghai tale

BY Mishi Saran

A Navjote ceremony at Avan Villa, 1941

the Tata family

Editors note: On May 16, Indian prime minister Narendra Modi will speak to thousands of Indians in Shanghai, one of the final events in his three-day tour of China. Shanghai has been home to Indian families for generations.

One blistering morning in early July in Shanghai, I stood on a busy street called Wulumuqi North Road, at no. 458. It was an eight-story office building, across the road from the Shanghai Hotel. The ground floor appeared to house the Herbalife office.

The office building had sprung up on the site of what used to be, circa 1935, Avan Villa, a grand family home, housing two generations of a Tata clan. The cluster of four smaller villas behind what used to be the

big house, accessed from inside the next-door Lane 468 still remain, at nos 24, 26, 28 and 30, and these are what I had come to see.

By the first week of July, according to the Chinese solar calendar, the period of 'xiaoshu' or Lesser Heat had just begun. Humidity suffocated the city and the cicadas cried ceaselessly in seeming despair. Even the briefest of outings left one's shirt drenched.

Inside Lane 468, after walking past the communal garbage bins, past the lackadaisical guard at the main gate, I saw that subsequent additions to the properties—dividing walls, added rooms on top, haphazard tree-planting in the inner gardens—had given the four semi-detached houses a higgledy-pig-

gledy feel. Air-conditioning units that were installed later, external electricity lines, somebody's washing hanging out to dry added to the visual clutter.

The clean lines of the four original edifices had blurred with the additions.

The unresolved story of the Tatas' house in Shanghai whirled in my head.

Once upon a time, the entire estate before me—the office building and the four villas behind it—was cordoned off and a brass plaque indicated it was Indian property. At China's present property prices, the office building alone is now worth well over US\$50 million, not to mention the price of the four homes behind it.

HISTORIC SHANGHAI

About Us

Historic Shanghai's founders, from left: Tess Johnston, Patrick Cranley & Tina Kanagaratnam

Historic Shanghai was founded in 1998 by Tess Johnston, Patrick Cranley & Tina Kanagaratnam with the goal of raising awareness of Shanghai's built heritage and social and cultural history. The city's unique history – the flamboyant years of the Concession era, followed by the Communist victory which punished those associated with it – has meant that much of its history has been deliberately neglected or forgotten. Historic Shanghai's research and collection of books, directories, maps, interviews and photographs helps to piece together the story of this remarkable city.

The starting point for our exploration of Shanghai is its unique built heritage: Art Deco dominates the pre-1949 architecture of this city, but we find everything from "Tudorbethan" to Mediterranean and China's own "Nanjing Decade"

style in city's lane neighborhoods, mansions, commercial and civic buildings.

Historic Shanghai organizes a monthly "drop-in" walking tour, as well as presentations, expert and author talks, and film screenings that illustrate and illuminate Shanghai history and culture.

In August 2011, Historic Shanghai successfully bid for the 2015 World Congress on Art Deco to be held in Shanghai. The World Congress is a biannual gathering of Art Deco aficionados from around the world for a week of talks, walks and entertainment. We're in the thick of planning now, which includes a series of Art Deco Weekends – visit the Shanghai Art Deco website for more information. If you'd like to be involved, email us at shanghaiartdeco@gmail.com.

The World Congress on Art Deco will explore Shanghai's Art Deco heritage.

Historic Shanghai's monthly walking tours explore the built heritage of different Shanghai neighborhoods.

World Congress on Art Deco in Shanghai – 2015

PEOPLE & EVENTS

at Igud Yotzei Sin and the Israel-China Friendship Society

May 19, 2016

A delegation from the Government of Harbin visited the Igud. It was headed by the Deputy Mayor of Harbin, Mrs. Chu Lai, who had formerly headed the important project of reconstructing the interior of the old synagogue in Harbin and of adapting it to serve as a concert hall in the center of the city.

The aim of her visit was to conduct negotiations with government bodies in Israel in order to strengthen the ties in trade and industry between China and Israel.

We presented our request (which had been raised by Professor Ben Canaan during the renovation) to set up a plaque in the synagogue in memory of Abraham and Theodor (Teddy) Kaufman.

June 2, 2016

A delegation of youngsters from China visited the offices of the Igud accompanied by their tour guides Yu Wang and Udi.

June 14, 2016

Representatives of the Heilongjiang Government visited the offices of the Igud, headed by Mr. Dong Amin. Among the members of the delega-

tion was the advisor Mr. Chu Wei who had once been the director of the Academy of Social Sciences in Harbin and was one of the organizers of conferences for former Harbin residents during the years 2004-2007.

The delegation brought two thick volumes (written in Chinese) on the Jews of Harbin edited by Mr. Chu Wei and our friend Galia – a researcher at the Harbin academy.

June 27, 2016

At the initiative of the Israel-China Friendship Society, a tour was conducted in the city of Safed for the senior staff of the Chinese Embassy in Israel. The tour began with a visit to the Safed College. A tour of the old city was given under the guidance of the mayor, Mr. Ilan Shochat. The event ended with a pleasant lunch at a nice local restaurant.

July 11, 2016

General meetings of the Igud Yotzei Sin, and the Israel-China Friendship Society, were held at our new offices.

July 13, 2016

The Israel-China Friendship Society and Igud Yotzei Sin hosted the Chinese Ambassador, Mr. Zhao Jun at the "Yam Ha-Sini" Restaurant to cel-

ebate the start of his diplomatic service in Israel.

July 14, 2016

A delegation of five students from the department of International Relations at the University of Peking visited the offices of the Igud in the framework of its visit to Israel, the Palestinian Authority and Jordan.

July 24, 2016

A visit was paid to the Igud by Mr. Mark Reisbaum, a senior director of the Alexander & Jane Meisin Foundation, which contributes \$30,000 annually for the distribution of scholarships to students in Israel.

August 15, 2016

Members of the Israel-China Friendship Society were guests of the Mayor of Safed, Mr. Ilan Shochat, at the opening of the Klezemer Festival events that have been held for the past 19 years in Safed.

August 18, 2016

The management of Igud Yotzei Sin and the Israel-China Friendship Society were guests at a dinner held by the Chinese Ambassador in Israel, Mr. Zhao Jun, at his residence in Herzliya.

Yossi speaking at the reception held at the residence of the Chinese Ambassador

Giora and Ilana Lesk at the reception held by the Chinese Ambassador

Holiday Greetings

TIMA LITVIN and CHILDREN

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Nahariya, Israel

FLORA FREIMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Tel Aviv, Israel

PEARL and GEORGE KANPOL (KANTSEPOLSKY)

**WISH A HAPPY HOLIDAY
TO RELATIVES AND FRIENDS**

Ehud, Israel

ELI ALGOR (GROHOVSKY) and FAMILY

**WISH A HAPPY HOLIDAY
TO THEIR FRIENDS AND RELATIVES**

Tel Aviv, Israel

Holiday Greetings

HANNAH and SAM MULLER

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Kfar Shmaryahu, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

**ILANA and GIORA LESK,
CARMELA MADPIS and FAMILIES**

Raanana, Israel

YONA KLIGMAN

**SENDS HAPPY ROSH HASHANA GREETINGS TO ALL HIS CHILDREN,
THEIR FAMILIES, THE EXTENDED FAMILY AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD**

Jerusalem, Israel

BETTY HAZAN

**SENDS GREETINGS FOR THE HOLIDAY
TO FRIENDS AND RELATIVES**

WITH LOVE

Nahariya, Israel

Holiday Greetings

BEST WISHES TO MY FRIENDS
IN ISRAEL AND OVERSEAS
ABRAHAM FRADKIN

Tel Aviv, Israel

RASHA KAUFMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO ALL HER FAMILY AND FRIENDS
IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Gan, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
BELLA and AVRAHAM GOLDREICH

Tel Aviv, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
MIRIAM and DANIEL FRIEDMANN

Netanya, Israel

Holiday Greetings

YOSSI KLEIN and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Hasharon, Israel

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES

TO RELATIVES AND FRIENDS

RAN (RONNY) VEINERMAN and FAMILY

Haifa, Israel

JENNY and TEDDY PIASTUNOVICH

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Kefar Sava, Israel

NATALIA and SEVA PODOLSKY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO RELATIVES AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD

Jerusalem, Israel

ESTHER WANDEL

SENDS GREETINGS

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Kiryat Motzkin , Israel

Holiday Greetings

BEST WISHES FROM
Mrs. Dorothy RAYSON
Montreal, Canada

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES
TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
NADIA and JACK OGNISTOFF and ELEONORE TREMBLAY
Burnaby, Canada

BEST WISHES FROM
Mr. A.G.ULAIINE
Montreal, Canada

YOSSI KLEIN
WISHES A HAPPY HOLIDAY
TO THE STAFF OF IGUD YOTZEI SIN AND THE "BULLETIN":
INNA HANUKAYEVA, CECILIA LYUBMAN, NELLY STEINBERG
AND TO THE VOLUNTEERS: FLORI COHEN, JUDITH SANDEL, ORIT DUANI
Tel Aviv, Israel

Holiday Greetings

WARM GREETINGS TO MY DEAR RELATIVES AND FRIENDS

ALEX FAIMAN

London, UK

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS

TO ALL THE FORMER RESIDENTS OF CHINA IN CANADA
AND WISHES THEM MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY

BEST WISHES

FROM

LILY LIFSHITZ

Montreal, CANADA

Holiday Greetings

Jesse and Naomi TRACTON,
Ian, Kim, Michelle, Avi
and family
Sydney, Australia

Inna MOUSTAFINE
Ms. Mara MOUSTAFINE
and Mr. Andrew JAKUBOWICZ
Sydney, Australia

Mr. & Mrs. Renee TSUKASOFF
and Mark
Sydney, Australia

Mrs. Nora KROUK
and family
Sydney, Australia

Mrs. Sophie SAKKER,
Rachelle, Michael and Benjamin
Sydney, Australia

Dr. Samuel SAKKER (M.B.E.)
and family
Sydney, Australia

Ruth and Morris ESKIN
and family
Sydney, Australia

Mrs. Zina KOMONSKAYA
Sydney, Australia

George and Mary VORON
and sons
Sydney, Australia

Mrs. Hanna STERN
and family
Sydney, Australia

Mrs. Lika KAGANER
and family
Sydney, Australia

Mrs. J. VINSON and family
Toorak, Vic., Australia

 Happy Holiday!

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES

TO THE IYS HONORARY REPRESENTATIVES

JESSE and NAOMI TRACTON

AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN AUSTRALIA

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

Mary and Alex SAMSON

Sydney, Australia

Mrs. VERA KARLIKOFF and FAMILY

Sydney, Australia

Holiday Greetings

MARY BLOCH and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Hong Kong

DAVID DORFMAN and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Hong Kong

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

Sydney, Australia

Holiday Greetings

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
HARUCO and NORMAN SOSKIN
Burlingame, CA, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL FRIENDS AND FAMILY
ARON SLOUSTCHER
Walnut Creek, CA, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL OUR FRIENDS AND THEIR FAMILIES
MARY WOLFF and FAMILY
Valencia, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
**DORA (nee VIDUMSKY), GABRIEL LEE
and FAMILY**
New York, USA

Holiday Greetings

HOLIDAY GREETINGS TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

DAVID and FREDERIQUE FAMILIANT

Monte-Carlo, Monaco

GREGORY HODSON and FAMILY

WISH ALL RELATIVES AND FRIENDS A HAPPY HOLIDAY

Los Angeles, USA

A HAPPY AND HEALTHY HOLIDAY

**Sanford (Sanya) and Celia WAINER, Jerry EVELYN and Josh ROTHMAN,
Andrew GALL and Allison WAINER,
Kenny, Brett, Ellie and Jenna ROSENBERG**

Tamarac, USA

Holiday Greetings

GREETINGS TO OUR RELATIVES AND FRIENDS

MARK and CLARA LEEF

Laguna Woods, CA, USA

TO ALL MY FRIENDS AND FAMILY A VERY HAPPY HOLIDAY

BETTY LIAS

San Diego, USA

WISHING ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS ALL OVER THE WORLD

A HAPPY HOLIDAY

HAG SAMEACH

from GUTIA, EUGENE BASOVITCH and FAMILY

Monroe Township, NJ, USA

JOE MRANTZ

WISHES ALL HIS FRIENDS AND FAMILY A HAPPY HOLIDAY

Kula, Hawaii, USA

Holiday Greetings

TO HONOR OUR PARENTS
MAX and MOLLY SAMSON
AND
BEN and VERA BERG

DELORES and ROGER BERG
Los Angeles, USA

Holiday Greetings

OLGA KAUFMAN

EXTENDS HER HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Burlingame, CA, USA

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO RELATIVES AND FRIENDS

MIRA and PHIL MATERMAN

Torrance, CA, USA

AARON (BILLY) BELOKAMEN

WISHES ALL RELATIVES AND FRIENDS A HAPPY HOLIDAY

Los Angeles, USA

ALL GOOD WISHES FOR THE HOLIDAY

TO FAMILY AND FRIENDS

RENEE FRANK

Beverly Hills, USA

Holiday Greetings

WISHING A HAPPY HOLIDAY

TO FAMILY AND FRIENDS

Mrs. LUBA TUCK and FAMILY

New York, USA

WISHING A HAPPY HOLIDAY

TO FAMILY AND FRIENDS

Mrs. EDA SHVETZ and FAMILY

New York, USA

**TANIA MATERMAN
and SON AVRAHAM YAACOV**

EXTEND BEST WISHES FOR A HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

New York, USA

g

l
q
u
d

y
o
t
z
e
i

S
i
n

Holiday Greetings

8

BEST WISHES
FOR A HAPPY AND HEALTHY ROSH HASHANA
TO RELATIVES AND FRIENDS

ANGELICA KLEBANOFF

Palm Beach, USA

*I
q
u
d

y
o
t
z
e
i

S
i
n*

Holiday Greetings

DORA and JOE WAINER

**WISH A HAPPY HOLIDAY
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS**

New York, USA

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS

TO THE COMMITTEE OF THE

AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY IN NEW YORK

AND WISHES MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY TO ALL ITS MEMBERS

AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN THE UNITED STATES OF AMERICA

6

**The BOARD of DIRECTORS and the ENTIRE MEMBERSHIP
of the NEW YORK AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY**

EXTEND BEST WISHES FOR THE HOLIDAY

TO ALL OF OUR FRIENDS

WISHING A HAPPY HOLIDAY TO FAMILY AND FRIENDS

ROSE and NORMAN PEISER

SUSAN and MARK BRITANISKY

New York, USA

Dear Friends,

As the years pass by, Igud Yotzei Sin faithfully continues with its charitable activities to aid its elderly, lonely and ailing members by granting them regular monthly assistance. Many of them are in a grave financial situation and without the monetary funds they receive from the IYS they would not be able to make ends meet.

The Association also provides assistance for the younger generation with its annual Hanukkah Scholarships for students and a modest grant to soldiers on Independence Day. IYS has always served as a focal point for former residents of China scattered all over the world by linking them through the publication of our Bulletin in three languages, English, Russian and Hebrew as well as through our website, which includes articles, photos and information on various aspects of Jewish history in China.

In recent years, the number of contributors has decreased, both in Israel and abroad. The foreign currency rate has also adversely impacted the local currency and therefore the amount of financial support we receive for our activities has been drastically reduced, even though the need still remains high.

We therefore apply to you with a request to donate to the above activities. We are certain that our contributors will derive great satisfaction from participating in the noble cause by helping the needy. Your assistance will brighten the days of the elderly and lonely people, and your help will allow us to continue with all the other valuable activities of the Association.

Please send your donation to the following address:

**Igud Yotzei Sin
P.O. Box 29786
Tel Aviv 6129701
Israel**

With warmest regards and our best wishes,

IYS Board of Directors

Yossi Klein
Chairman & Treasurer

Ran (Ronnie) Veinerman
Deputy Chairman

Teddy Piastunovich
Vice Chairman

THE LEADERSHIP OF IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL AND THE FAR-EASTERN SOCIETIES IN THE DIASPORA

IYS Honorary Representatives in Israel and Abroad

IYS Chairmen

Leo Piastunovich 1951-1952
Boris Kotz 1953-1971
Teddy Kaufman 1972-2012
Yossi Klein 2012

IYS Manageent

Yossi Klein
Chairman & Treasurer
Ran (Ronnie) Veinerman
Deputy Chairman
Teddy Piastunovich
Vice Chairman
Eli Kama
Avi Podolsky

Control Commission

Moshe Lihomanov
Chairman
Rafi Rashinsky - Member

Hon. Legal Advisor

Daniel Friedman - Attorney

Haifa & the North

Esther Wandel –
Hon. Representative

Jerusalem & the South

Avi Podolsky –
Hon. Representative

The American Far Eastern Society of New York, USA

Lily Klebanoff-Blake – President
Eric Hasser - VP
Luba Tuck - VP
Joseph Wainer - VP
Rose Britanisky-Peiser - Treasurer
Leona Shluger-Forman - Secretary

Board of Directors:

Sally Berman
Lilly Langotsky
Robert Materman
Odette Rector-Peterson

New York, USA

The American Far Eastern Society Inc.

Lilly Langotsky
160 West 66th Str. # 55B
New York, NY 10023

Hon. Representative

Rose Peiser
Hon. Representative
7400 SW 170 Terrace Miami,
Florida 33157
Email: rpeiser@aol.com

SYDNEY, AUSTRALIA

Jesse and Naomi Tracton
Hon. Representative
2 Oaks Place
North Bondi 2006
Tel: (02)-91-302575

Association of Former Residents
of China (founded 1951)
31 Habarzel St., Tel Aviv
P.O. Box 13139, Israel
Phone: 972-3-5171997
Fax: 972-3-5161631
E-mail: igud-sin@013.net

Yossi Klein - Editor-in-Chief
Assistant Editors:
Flori Cohen
Cecilia Lyubman
Profil - Design & Production
Tel: 972-3-9045050

Contents

The Leadership of Igud Yotzei Sin	4	Jewish and Chinese: Explaining a Shared Identity	48
Letter to Readers	5	Remembering Shanghai	50
Holiday Greetings	6	In China, Rejuvenating a Classical Music	
People & Events	24	Heritage Linked to a	53
Historic Shanghai	25	Jewish Community Israel and China jointly	
A House for Mr. Tata: An Old Shanghai Tale	26	launched a training centre for medical	55
How Shanghai opened its doors to Jews		Clowns at Sichuan Provincial People's	
fleeing Nazi Persecution	33	Hospital Donations	56
Journal of a Jewish Traveler	35	The Unknown Legacy of a Japanese hero:	
The New Israel's Messenger	41	Chiune Sugihara	58
Reuben Moalem – A lifelong Idealist and Zionist		Let's Dance for Peace: sung in Chinese	59
Bar-Ilan University & Chinese Embassy mark		Stranded in Shanghai	60
25 years of Israeli Sino ties	42	A Taste of Poland in America via Shanghai	61
Assistance given by Established Iraqi Jewish Community		Stella Udovitch – Eulogy	62
to Jewish Refugees in Shanghai 1937-1945	43	Obituaries	63
The First Ever Chinese-Yiddish Song	44	Book Reviews	67
Israeli-Designed Glass Bridge the World's Longest		A Family Flower Garden: Raising my	
and Highest opens in China	45	Jewish Chinese Daughter	69
Search & Research	46	Shanghai's Forgotten Jewish Past	73
Israel-Chinese University R&D Centers Blossom			
in China	47		

THE IYS BULLETIN has been continuously published in English, Russian & Hebrew since 1954, and covers all aspects of the Jewish Communities of China, with historical memoirs, book reviews, archival information, and current stories of former residents of China living in Israel and around the world.

"The aim of the Association is to organize former residents from China for the purpose of mutual assistance and cooperation."

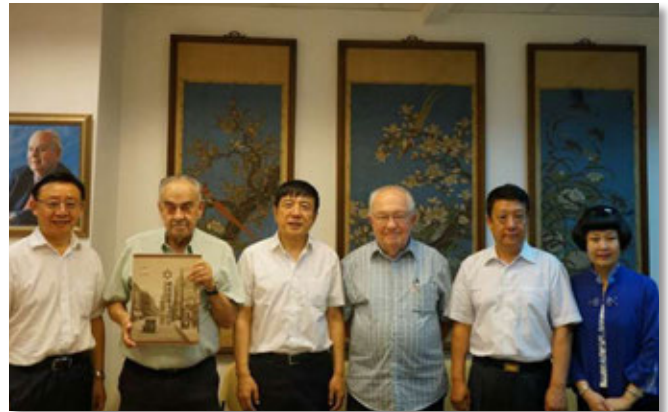
In Publishing the Bulletin the IYS aims to meet the following needs:

1. To promote a sense of community among former Jewish Residents of China.
2. To maintain a channel of communication between members of the community.
3. To assist in collecting, preserving and publishing historical material dealing with the life of the community.
4. To assist IYS in meeting its goals particularly those dealing with social assistance and educational stipends for members of the community living in Israel.

GUESTS AT IGUD OFFICES

Director Dong Amin – Head Heilongjiang Delegation Presents his gift to Igud

Heilongjiang Government Delegation presenting a book on Harbin Jewry

Mr Mark Reisman Maisin Foundation visits Igud Office

Students from Peking University visiting at Igud

Anais Martane - Journalist Photographer - Friend of IGUD

Getting together at Rosh Hashana

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL
Association of Former Residents of China
P.O Box 13139, Tel-Aviv 6113101
Tel: 03-5171997, Fax: 03-5161631

www.jewsofchina.org

1-ый Номер "Бюллетеня" вышел в свет 6 мая 1954 г.
Старейший в Израиле журнал на русском языке
под редакцией ТЕДДИ КАУФМАНА
ISSN - 0793-8365

❖ igud-sin@013.net

BULLETIN

I g u d Y o t z e i S i n

БЮЛЛЕТЕНЬ

И г у д И о ц е й С и н

ВЫПИСКА
ИЗ УСТАВА
АССОЦИАЦИИ
"Задачей Ассоциации
является организация
выходцев с Дальнего
Востока в целях
взаимной помощи и
сотрудничества"

Association of Former Residents of China ♦ Ассоциация выходцев из Китая в Израиле

December 2016 ♦ 63rd Year of Issue ♦ No. 415 ♦ ДЕКАБРЬ 2016 ♦ 63-й год издания ♦ No. 415

HAPPY HANUKKAN

С праздником Ханука!

Hanukkah Candle Lighting in our new Offices

Ханукальные свечи в новом офисе